

Воронежский государственный университет
Филологический факультет
Межрегиональный Центр коммуникативных
исследований

Русское и немецкое коммуникативное поведение

Выпуск 1

Научное издание

**Воронеж
2002**

Сборник подготовлен учеными кафедры общего языкоznания и стилистики Воронежского университета, Института славистики Университета им. М.Лютера и сотрудниками межрегионального Центра коммуникативных исследований ВГУ. В сборнике также приняли участие сотрудники Берлинского университета им. Гумбольдта, Университета Гамбурга, Липецкого ГПИ, Башкирского университета.

Данный сборник – шестой в рамках совместного научного проекта «Контрастивное описание русского и немецкого языков», выполняемого на протяжении последних пятнадцати лет совместно филологическим факультетом Воронежского университета и Институтом славистики университета им. М.Лютера (Галле, ФРГ) и первый, посвященный проблеме контрастивного описания коммуникативного поведения двух народов.

Сборник предназначен для студентов, аспирантов и преподавателей немецкого и русского языков, деловых людей, бизнесменов, переводчиков, работников совместных русско-немецких предприятий.

Научные редакторы выпуска
И.А.Стернин, Х.Эккерт

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
филологического факультета ВГУ.*

©Коллектив авторов, 2002

*Компьютерная верстка, подготовка оригинал-макета
– И.А.Стернин*

Русское и немецкое коммуникативное поведение. Вып. 1. –
Воронеж: изд-во «Истоки», 2002. - 181 с. Тираж 200 экз.

ISBN

От редакторов

Предлагаемый вниманию читателя сборник – шестой в рамках совместного научного проекта «Контрастивное описание русского и немецкого языков», выполняемого на протяжении последних пятнадцати лет совместно филологическим факультетом Воронежского университета и Институтом славистики университета им. М.Лютера (Галле, ФРГ) и первый опыт подобной публикации в коммуникативной лингвистике – издание, целиком посвященное сопоставительному описанию коммуникативного поведения двух народов – немецкого и русского.

Научный проект «Коммуникативное поведение» межрегионального Центра коммуникативных исследований филологического факультета ВГУ, в рамках которого предпринято исследование, предполагает:

- разработку комплексной модели описания национального коммуникативного поведения;
- проведение последовательного описания коммуникативного поведения разных народов по разработанной модели;
- выявление сходных и идиоэтнических черт коммуникативного поведения разных народов;
- подготовку материалов для введения в практику преподавания учебного курса “Русское коммуникативное поведение” (для иностранцев, изучающих русский язык как иностранный) и “Немецкое (английское, французское и т.д.) коммуникативное поведение” для русских, изучающих соответствующие иностранные языки;
- публикацию серии сборников по проблеме сопоставления русского коммуникативного поведения и коммуникативного поведения других народов;
- подготовку обобщающих монографий по сопоставительному описанию русского коммуникативного поведения и коммуникативного поведения других народов.

Данный выпуск сборника – первый из запланированной серии, посвященный сопоставительному описанию немецкого и русского общения.

Редакция сборника, межрегиональный Центр коммуникативных исследований ВГУ, проблемная группа «Коммуникативное поведение» заинтересованы в расширении круга исследователей русского и немецкого коммуникативного поведения и приглашают к сотрудничеству всех заинтересованных лиц.

Проблемы теории

И.А.Стернин
Воронежский ГУ

Проблемы описания национального коммуникативного поведения

Системное описание особенностей общения того или иного народа представляет собой описание *коммуникативного поведения* этого народа. Термин «коммуникативное поведение» впервые был использован в работе: Стернин 1989, с. 279–282.

Фактов проявления национальной специфики в общении того или иного народа к настоящему времени накоплено множество, и актуальным является обобщение этих фактов для той или иной национальной культуры.

В исследовании национального коммуникативного поведения ставятся следующие основные задачи:

1. Сформировать научное представление о коммуникативном поведении как компоненте национального поведения лингвокультурной общности;
2. Определить терминологический аппарат его описания;
3. Описать основные методы и приемы исследования и описания коммуникативного поведения народа;
4. Разработать модель такого описания коммуникативного поведения лингвокультурной общности;
5. Показать применимость разработанной модели к описанию основных черт коммуникативного поведения конкретной лингвокультурной общности;
6. Определить дидактическую ценность описания коммуникативного поведения для обучения языку как иностранному, сформулировать основные задачи, методы и формы использования этого описания при обучении языку данного народа как иностранному.

Одна из трудностей описания национального коммуникативного поведения – неясность вопроса о том, представители какой науки должны этим заниматься. С нашей точки зрения, описание коммуникативного поведения должно стать предметом особой науки, которая является интегральной для целого ряда наук – этнографии, психологии, социальной психологии, социологии, психолингвистики, теории коммуникации, социолингвистики, паралингвистики, риторики, прагмалингвистики, лингводидактики и коммуникативной лингвистики. Эта интегральная наука должна синтезировать данные перечисленных наук и создать целостную картину национального коммуникативного поведения народа. Из преобладания в указанном перечне наук лингвистических и близких к ним следует, что заняться этим должны в первую очередь лингвисты и преподаватели иностранных языков.

Коммуникативное поведение представляется нам синтетической филологической и социально-антропологической наукой будущего.

Описание любого языка как культурно-исторического феномена предполагает описание коммуникативного поведения говорящего на нем народа. В связи со сказанным встает вопрос о разграничении науки о коммуникативном поведении, с одной стороны, и страноведения и лингвострановедения, с другой.

Лингвострановедение в строгом смысле слова, в смысле, приданном этому термину Е.М.Верещагиным и В.Г.Костомаровым (а не вольном толковании - как любое сочетание обучения языку со страноведением), имеет дело с лексическими и фразеологическими единицами, оно описывает язык в его кумулятивной культурной функции, в то время как коммуникативное поведение – это описание *коммуникативных действий*, фактов реального общения. С этой точки зрения коммуникативное поведение не является частью или разделом лингвострановедения.

Что касается собственно страноведения, то описание коммуникативного поведения той или иной лингвокультурной общности выступает как часть страноведения, так как включает описание фактов этикета, национальных традиций и т.д. Коммуникативное поведение – это *активное страноведение*, знания в этой области нужны для активной коммуникации, в отличие от остальной, «пассивной» части страноведения – сведений о культуре, географии, истории, не находящих отражения в повседневной межкультурной коммуникации, а востребуемых лишь по мере возникновения соответствующей проблематики в акте коммуникации.

Необходимо также остановиться на соотношении понятий *коммуникативное поведение и речевой этикет*. Коммуникативное поведение – более широкое понятие, чем речевой этикет. Последний связан, в основном, со стандартными речевыми формулами в стандартных коммуникативных ситуациях, отражающими категорию вежливости, а коммуникативное поведение описывает тематику общения, восприятие тех или иных коммуникативных действий носителями языка, особенности общения в больших коммуникативных сферах типа *семья, коллектив, иностранцы, знакомые, незнакомые* и многих других. Коммуникативное поведение описывает не только вежливое, эталонное общение, но и реальную коммуникативную практику. Коммуникативное поведение включает речевой этикет как составную часть.

В целом национальная специфика коммуникативного поведения позволяет интерпретировать ее описание как описание одного из аспектов – коммуникативного аспекта – национальной языковой личности (Караулов 1987, с. 5).

Теоретический аппарат описания коммуникативного поведения в настоящее время в первом приближении намечен (Стернин 2000; Очерк американского коммуникативного поведения 2001), разработаны параметрическая, ситуативная и аспектная модели описания коммуникативного поведения, определены основные принципы описания

коммуникативного поведения – принципы системности, контрастивности, использование нежесткого (ранжирующего) метаязыка описания, разграничение и учет общественной нормы и общественной практики.

Вышли первые сборники и монографии по коммуникативному поведению (см. обзор в статье К.М.Шилихиной в сборнике «Русское и французское коммуникативное поведение», Воронеж, 2002). Все это закладывает теоретическую основу для расширения и углубления работы по системному описанию коммуникативного поведения разных народов, в первую очередь тех, языки которых являются наиболее распространенными в практике обучения.

Систематическое описание коммуникативного поведения того или иного народа имеет важную лингводидактическую сторону.

Обучение коммуникативному поведению должно осуществляться наряду с обучением собственно языковым навыкам при обучении иностранному языку. Коммуникативное поведение – такой же важный аспект обучения языку, как и другие: обучение чтению, письму, говорению, пониманию и переводу.

Необходимо обучать коммуникативному поведению – в рецептивном аспекте – в полном объеме (иностранец должен понимать коммуникативное поведение страны изучаемого языка).

Что же касается продуктивного аспекта, то здесь необходим дидактический отбор материала.

Видимо, необходимо учить коммуникативному поведению в стандартных коммуникативных ситуациях (речевой этикет), а также коммуникативному поведению в тех коммуникативных сферах, где реализация тех или иных норм связана с понятием вежливого, статусного общения. Необходимо обучать национально-специфическим приемам аргументации и убеждения.

В невербальном коммуникативном поведении продуктивный аспект будет значительно меньше – пальцевый счет, жестовое изображение цифр на расстоянии, жесты привлечения внимания и некоторые побудительные жесты (остановка такси), регулирование дистанции и физических контактов, контакт взглядом. Остальные невербальные средства могут быть усвоены рецептивно. Важно также обратить внимание на этикетное, культурное невербальное поведение, чтобы научить учащихся избегать неадекватного или оскорбительного для другого народа невербального поведения.

Таким образом, коммуникативное поведение представляет собой:
а) активное страноведение, б) коммуникативное страноведение и подлежит изучению в процессе преподавания иностранного языка.

Опыт практического обучения коммуникативному поведению в процессе преподавания иностранного языка уже есть – курс русского коммуникативного поведения ведется при обучении иностранных стажеров русскому языку в Воронежском университете, немецких студентов-славистов в Институте славистики университета им. М. Лютера (ФРГ), финских славистов в бизнес-школе Тампере и университете Ювяскюля (Финляндия), а также в РГПУ им. Герцена (Санкт-Петербург); курс французского коммуникативного поведения читается студентам французского отделения

факультета РГФ Воронежского университета (см. материал Р. А. Ермаковой в сборнике «Русское и французское коммуникативное поведение». Вып. 1. Воронеж, 2002).

Формы, методы и содержание обучения коммуникативному поведению требуют дальнейшей разработки и совершенствования.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1985.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Очерк американского коммуникативного поведения / Научн. ред. И.А.Стернин, М.А.Стернина. Воронеж, 2001.

Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж, 2000.

Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения // Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung. Halle, 1989. - S.279-282.

Русское и французское коммуникативное поведение. Вып. 1. / Научн. редакторы И.А.Стернин, Р.А.Ермакова. Воронеж, 2002.

Контрастивное описание коммуникативного поведения

Р.А. Газизов
Башкирский ГУ

Коммуникативное поведение немцев и русских в этикетных ситуациях общения

Общество вырабатывает стандартизованные нормы и правила социального поведения, или этикет, который регулирует поведение индивидов в соответствии с социальными требованиями. Реализуемые в коммуникации нормы, правила и традиции общения той или иной лингвокультурной общности образуют коммуникативное поведение данной общности.

Большой вклад в изучение коммуникативного поведения внес отечественный лингвист И.А.Стернин, который первым предложил уникальную модель описания этого явления. По мнению ученого, коммуникативное поведение той или иной общности еще не было представлено в систематическом комплексном описании. «Это связано, во-первых, с неразработанностью теории и методики такого описания, а, во-вторых, с тем, что до сих пор неясно, представители какой науки должны этим заниматься. <...> Коммуникативное поведение представляется нам

синтетической филологической и социально-антропологической наукой будущего. Описание любого языка как культурно-исторического феномена предполагает описание коммуникативного поведения как его составной части» (Стернин 1996, с. 101).

Предметом настоящего исследования явились вербальные и невербальные компоненты общения, или речевое и неречевое коммуникативное поведение немецкой и русской лингвокультурных общностей.

Исследование национально-культурной специфики речевого и неречевого поведения немцев и русских проводилось на материале речевого этикета (далее – РЭ), так как именно ситуации РЭ, такие как “Знакомство”, “Приветствие”, “Прощание”, “Поздравление”, “Пожелание”, “Извинение”, “Благодарность”, “Комplимент”, “Просьба”, “Совет”, “Предложение”, “Приглашение”, “Соболезнование” и др., представляют собой наиболее яркие примеры так называемого ритуализированного речевого поведения.

В результате исследования мы пришли к следующим общим выводам относительно речевого и неречевого поведения русских и немцев.

В немецком речевом поведении по сравнению с русским отмечается большая частотность использования единиц РЭ, а также больший набор нормативной этикетной лексики благодаря огромному разнообразию разговорных вариантов и высокой степени их клишированности и десемантизации.

Так, диалектное употребление немецкого языка в каждой из шестнадцати федеральных земель, а также устоявшаяся тенденция к упрощению и редуцированию сложных форм привели к тому, что многим формулам приветствия в немецком речевом поведении соответствует несколько вариантов, преимущественно разговорных. К примеру, универсальная формула “*Guten Tag!*”, употребляемая в официальной и нейтральной обстановке общения, имеет следующие разговорные варианты: “*Tag!*”, “*n Tag!*”:

- “*Tag, Georgie*”, *sagte ich*, “*Was machst du denn da?*” (Remarque, с. 358).

- Привет, Георгий, - сказал я, - что это ты тут делаешь? (Ремарк, с. 296).

На севере Германии распространены такие ее варианты, как “*Tagchen!*”, “*Tach!*”, “*Tachchen!*”, которые употребляются преимущественно среди молодежи и в непринужденной обстановке. Данные варианты не употребляются по отношению к незнакомым, а также в официальной обстановке общения. Некоторые из них, например, “*Tachchen!*” используются в качестве формул прощания.

Большое многообразие разговорных вариантов имеет также приветствие “*Hello!*”: “*Halochen!*”, “*Hallochen!*”, “*Hi!*”, “*Hey!*”, которым соответствуют русская формула “*Привет!*” с уменьшительно-ласкательной формой “*Приветик!*” и “*Салют!*” с вариантом “*Салютик!*”, употребляемых в отличие от немецких формул и при прощании:

- “*Hello, Zicke.*” ...

“*Hey, Chris!*” (Britten, с. 90).

- Привет, Цике! – Привет, Крис! [наш перевод – н.п.].

Русской нейтральной формуле прощения “*До свидания!*” соответствует несколько вариантов в немецком языке: нейтральная формула “*Auf Wiedersehen!*” с редуцированной формой “*Wiedersehen!*”, синонимичная единица “*Auf Wiederschauen!*” с вариантом “*Wiederschauen!*”. Причем “*Auf Wiederschauen!*” является диалектным вариантом, типичным для Баварии. Разговорная формула прощения “*Tschüs!*” (“*Пока!*”), употребляемая прежде всего в неофициальной обстановке общения, имеет такие варианты, как “*Tschüpf!*” (северогерманский вариант написания), “*Tschüss!*” (новое правописание: β → ss), “*Tschühüs!*”, “*Tschö!*” (рейнландский региональный вариант), “*Tschöhö!*”, “*Schöhö!*”, “*Dschüpf!*”, “*Schüs!*”, “*Adschüpf!*”, “*Tschüssie!*”, “*Tschüsschen!*”. Известны даже варианты “*Tschüssikowski!*”, “*Tschüssinski!*”, которые используются в молодежной среде:

“*Dann braucht ihr mich ja nicht mehr*”, sagte er sofort und drückte mir fest die Hand. “*Tschüssinski, Marianne*”, rief er noch (Schulze, c. 249).

- Тогда я вам не нужен, - сказал он тотчас же и крепко пожал мне руку. - Приветик, Марианна, - добавил он еще [н.п.].

Интересно также отметить, что формула “*Tschüs!*”, распространенная прежде всего в неофициальном общении, в последнее время стала употребляться и в официальной сфере: в учреждениях, бюро, по телевидению.

В качестве эквивалента формулы “*Tschüs!*” и ее вариантов выступают русские формы “*Пока!*”, “*Привет!*”, “*Салют!*”. Согласно В. В. Колесову, “*Пока!*” является переводом немецкого *einstweilen* и французского *à bien tôt*.

Высокая степень десемантизации и клишированности в немецком языке привела к образованию таких форм извинения как “*Entschuldigung!*” (с вариантом “*Tschuldigung!*”) и “*Verzeihung!*” и стала причиной имплицитного выражения просьбы простить, тогда как в русском это недопустимо, сп.:

“*Ich bitte tausendmal – flüsterte diese tiefverschleierte Dame* (Kellerman, c. 327)

Тысячу раз прошу извинить меня... - прошептала дама под густой вуалью (Келлерман, с. 244).

Более или менее эквивалентными немецким формулам “*Entschuldigung!*” и “*Verzeihung!*” могут считаться русские “*Извини/те!*” и “*Прости/те!*”, предполагающие обращение к собеседнику на “ты” или на “вы”, а также “*Прошу прощения!*”:

- “*Verzeihung*”, sagte ich, “*öffnen Sie jetzt?*” (Böll, c. 40).

- Прошу прощения, - сказал я, - вы уже открываете? (Бель, с. 31).

В немецком же языке “*Entschuldigung!*” и “*Verzeihung!*” не отражают оппозицию местоименного дейксиса “ты/вы”; при этом распространяется, как правило, единица “*Verzeihung*” в отличие от “*Entschuldigung*”:

Eines Nachmittags kommt Romie. “Bist du noch meine Freundin, Märkje?”

“*Warst du es nicht, der ich zu rotfromm roch?*”

“*Große Verzeihung!*” Romie ist am Ende (Strittmatter, c. 236).

Однажды под вечер заявляется Роми.

- Могу я по-прежнему считать тебя своей подругой?

- Ты же говорила, что я молюсь на красных?

- Умоляю, прости! – Роми в отчаянии (Штритматтер, с. 237).

В русском речевом поведении формулы извинения менее клишированы и стереотипны, так как семантический элемент “вина” в русских формулах извинения присутствует в большей степени, чем соответствующий компонент “Schuld” в немецких” (Ратмайр 1997, с. 17). Так, если у немецкой интеллигенции обязательны извинения за ошибки в речи, то у русских это не принято. С точки зрения русских, ошибка, вызванная незнанием, а не моральной виной, не служит поводом для извинения. Таким образом, чувство вины является основным условием употребления формул извинения в русской культуре.

Большая частотность использования единиц РЭ в немецком речевом поведении связана также и с тем, что некоторые немецкие этикетные единицы сильно ритуализированы. Это относится прежде всего к выражениям благодарности и извинения. Немцы используют формулы благодарности подобно формулам извинения при малейшем случае, русские же лишь тогда, когда необходимо обязательно поблагодарить партнера или извиниться перед ним. Таким образом, речевые клише, используемые в качестве благодарности и извинения, в русском языке являются более «дословными», чем в немецком: “Это значит, что буквальное значение, семантика, хотя и в редуцированном виде, но присутствует <...>” (Ратмайр 1997, с. 21). Если, например, по-русски произносится благодарность, то говорящий действительно благодарен. При этом формулы благодарности, как правило, могут употребляться несколько раз для выражения большей степени признательности:

Голос его взволнованно вздрагивал, когда он говорил:

- *Спасибо тебе, дорогой Нестеренко! Большое спасибо! Хороший ты парень, и легко с тобой будет работать...* (Шолохов, с. 403).

Seine Stimme bebte erregt, als er sagte: “Ich danke dir, lieber Nesterenko! Herzlichen Dank! Bist ein Prachtkerl, mit dir werden wir gut arbeiten...” (Scholochov, с. 112).

Некоторые немецкие этикетные единицы в отличие от русских способны распространяться большим набором «степенных определителей».

Так, если русская формула благодарности “Спасибо!” может сочетаться, как правило, лишь со словами *большой* и *огромный* или с сочетанием *на добром слове*: “*Большое спасибо!*”, “*Огромное спасибо!*” “*Спасибо на добром слове!*”, то немецкое “*Danke!*” распространяется следующим образом: “*Danke sehr!*”, “*Danke schön!*” (“*Dankeschön!*”), “*Danke vielmals!*”, “*Danke bestens!*”, “*Vielen Dank!*”, “*Schönen Dank!*”, “*Herzlichen Dank!*”, “*Besten Dank!*”, “*Heißten Dank!*”. Причем прилагательные “*schön*”, “*viel*”, “*herzlich*” часто усиливаются наречием “*recht*”:

Ober: Sie bekommen sicherlich die Rechnung, ja? ...

Gast 2: Ja, gut. Bitte sehr. Stimmt so.

Ober: Oh, recht vielen Dank. Schönen Nachmittag wünsch' ich noch!

Auf Wiedersehen!

Gast 1: Wiedersehen (Beile1, 80).

Официант: Вы хотели бы получить счет?

Посетитель 2: Да. Пожалуйста. Верно?

*Официант: О-о, большое спасибо. Желаю вам приятно провести время!
До свидания!*

Посетитель I: До свидания (н.п.).

Распространяться могут также ответные реплики “*Bitte!*” в немецком языке и “*Пожалуйста!*” в русском. Ср.: “*Bitte sehr!*”, “*Bitte schön!*” в ответ на немецкое “*Danke!*” и “*Всегда пожалуйста!*” на русское “*Спасибо!*” (ср. также: шутливое “*Большое пожалуйста!*” в ответ на благодарность “*Большое спасибо!*”).

Необходимо отметить, что слово *пожалуйста* (*bitte*) нашло традиционное употребление как в немецких, так и в русских извинениях. Однако в настоящее время высказыванию с этим словом приписывается высокая степень вежливости именно в русском языке, например, “*Извините, пожалуйста!*”, “*Пожалуйста, прости!*”. В немецком же языке “волшебное слово” *bitte*, включенное в императивное предложение, <...> поднимает такое высказывание по шкале вежливости очень незначительно: факты свидетельствуют о том, что в современном немецком языке *bitte* не может служить “индикатором вежливости”, так как оно одинаково употребительно во всем регистре побуждения, начиная с просьбы и кончая даже резким приказом” (Милосердова 1991, с. 105).

Все же в большинстве случаев с использованием *пожалуйста* в русском коммуникативном поведении реализуется функция вежливости. Как известно, *пожалуйста* может употребляться в двух основных случаях: 1) для выражения вежливой просьбы, совета, предложения и 2) для выражения согласия, разрешения. Касательно первого случая употребления Н. И. Формановская справедливо указывает, что *пожалуйста* «выражает именно вежливость, а не саму просьбу, предложение» (Формановская 1987, с. 97).

Распространение некоторых формул теми или иными определителями может использоваться также в целях создания более благоприятной тональности общения. Формулы приветствия “*Guten Tag!*”, “*Guten Morgen!*”, “*Guten Abend!*” распространяются прилагательным “*schön*”: “(*Einen*) *schönen guten Tag!*”, “(*Einen*) *schönen guten Morgen!*”, “(*Einen*) *schönen guten Abend!*”. По справедливому замечанию Р.Ратмайр, такие формулы появились в результате “инфляции языковых средств”, т.е. клишированные фразы “*Guten Tag!*”, так же как и “*Guten Morgen!*”, “*Guten Abend!*” становятся недостаточными для выражения приветствия. Новые формы свидетельствуют об усилении тенденции к выражению так называемой “новой немецкой искренности, сердечности” (“*neue deutsche Herzlichkeit*”).

Немецкая формула прощания “*Auf Wiedersehen!*” может распространяться такими определениями, как *bald, glücklich*: “*Auf ein baldiges Wiedersehen!*”, “*Auf ein glückliches Wiedersehen!*”. Напротив, русское “*До свидания!*” распространяется, как правило, лишь одной лексемой *скорый*: “*До скорого свидания!*”.

Приятным исключением в русском речевом поведении является разговорная форма “*Здорово!*”, которая может распространяться следующим образом: “*Здорово, коль не шутишь!*”, “*Здорово бываешь!*”, “*Здорово были!*”,

“Здорово в избу!”, “Здорово живете!”, “Здорово ночевали, спали – почевали!”, “Здорово дневали!”, “Здорово вечеряли!” <...>” (Балакай 1999а, с.167-169).

Наличие определенных формул РЭ, так же как и употребление некоторых единиц в составе этикетных формул, связано с различиями немецкого и русского менталитета, а также с существованием этнокультурных реалий у одной нации и их отсутствием у другой.

Так, в немецком речевом поведении не имеется соответствия русской единице “С легким паром!”, так как народы Германии не знают парной бани. В таком пожелании многое истинно русского и его трудно понять иностранцу, не знающему парной русской бани, той легкости, которую дает ее пар. А. Г. Балакай отметил также возможность использования следующих формул: “Пар (вам, тебе) легкий!”, “Легкого (вам, тебе) пару (без угару)!”, которые являются разговорными формами доброго пожелания идущим в баню. Формой пожелания-приветствия парящимся в бане является “Пар в бане!”.

Русские выражения “Заходи (Приходи), гостем будешь!”, “Чем богаты, тем и рады!”, “Милости прошу к нашему шалашу!”, не имеющие прямых соответствий в немецком языке, свидетельствуют об особой доброжелательности, радушии, гостеприимстве русского человека. По поводу таких выражений Н. И. Формановская отмечает следующее: “Сколько старинных обычаяв в таких присловьях! Какую языковую древность сохраняют они для нас! Какую грамматику, какую лексику! Чем богаты, тем и рады... Рады – тем? Ведь правильно – рады тому. Наверное, было когда-то “тем и рады угостить”. Но сегодня этого “угостить” уже нет, и осталась как бы “неправильная” грамматика, а мы и не замечаем неправильности, и все по той же причине: устойчивая формула, притом национально своеобразная” (Формановская 1987, с. 100):

Половцев робко спросил:

- Господин полковник, может быть, разрешите чем-нибудь вас угостить?
По-простецки, чем богаты, тем и рады! (Шолохов, с. 638).

Polowzew sagte befangen: “Herr Oberst, vielleicht dürfen wir Ihnen etwas anbieten? Ganz bescheiden zwar, aber nehmen Sie vorlieb!” (Scholochov, с. 393).

Большой интерес представляют также пожелания за столом, или так называемые тосты. Длина, поэтичность, содержательность русских тостов вызывают удивление у незнакомых с русской культурой носителей немецкого языка. Немцы привыкли к минимальным “Prost!”, “Gesundheit!”, “Zum Wohl!” и т.д. или даже к “нулевому” тосту, “буквальное калькирование которого в русской культурной среде может быть воспринято как индикатор “антикультурного” поведения, – например, свойственного алкоголику” (Ратмайр 1997, с. 20).

Немецкая пунктуальность и приверженность к «жизни по расписанию» стали причиной появления таких формул прощания, как “Bis gleich!” (1), “Bis dann!”, “Bis dahin!” (2), “Bis nachher!”, “Bis später!”, “Bis bald!”, “Bis morgen!”. В данном случае русские обходятся формулами “Пока!”, “До встречи!”, “До скорого!”.

(1) *Jürgen: Ich warte lieber draußen. Viel Glück!*

Anna: Danke.

Sabine: Tschüß, Jürgen!

Jürgen: Bis gleich! (Alles Gute, c. 98).

Юрген: Я лучшие подожду снаружи. Желаю успеха!

Анна: Спасибо.

Сабина: Пока, Юрген!

Юрген: До встречи! (Alles Gute, c. 99).

(2) *Ulrich: Gut. Dann sehen wir uns alle um sechs Uhr heute abend.*

(3) *Bis dahin! Tschüs!*

Birgit: Tschüs, Uli!

Ute: Tschüs, Uli! (Beile2, c. 36).

Ульрих: Хорошо. Тогда увидимся в 6 вечера. Пока!

Биргит: Пока, Ули!

Утэ: Пока, Ули! [н.п.].

В немецком языке вышеназванные формулы имеют принципиальное значение при прощании. Так, “*Bis gleich!*” употребляется в том случае, если партнеры попрощались лишь на короткое время, “*Bis bald!*” в отличие от “*Bis gleich!*” предполагает более длительное расставание. “*Bis später!*” и “*Bis nachher!*” означают еще более длительный период “разлуки”. Если же партнеры оговаривают время следующей встречи, то при прощании они могут употребить “*Bis dahin!*”, “*Bis dann!*”.

Вывод о том, что употребление некоторых единиц в составе формул РЭ связано с различиями менталитета немцев и русских, особенно подтверждается использованием слов “душа”, “сердце/сердечный” во многих формулах РЭ, а также во фразеологических оборотах, спр.:

Sie (Mathilde – Р.Г.) umklammerte meine Hand (von Robby – Р.Г.) und schüttelte sie: „Herzlichsten Glückwunsch!“ (Remarque, c. 21)

Она схватила мою руку и стала трясти ее: “От души поздравляю!” (Ремарк, с. 12).

Употребление слова “душа” в составе русских речевых формул и слова “сердце” в составе немецких можно объяснить различием в этническом стереотипе восприятия данных понятий. Если у немцев “душа” ассоциируется прежде всего с религиозным понятием, то в сознании русского – это не столько “божественное”, сколько “человеческое”, т.е. он связывает ее с психологическими процессами, происходящими внутри самого человека.

Для русского человека большое значение имеет содержание понятия «здравье». Это относится к некоторым формулам приветствия, прощания, пожелания и т.д. К примеру, приветствие “*Здравствуй/те!*” этимологически обозначает пожелание здоровья. Этим национальным пожеланием русские отличаются и по сей день от многих европейских народов, у которых смысл приветствия заключается в пожелании радости, счастья и добра. Русский человек все это вместе видит в здоровье. “*Здравствуй/те!*”, являясь повелительной формой глагола, сформировалось “к концу XVII века из

описательных вроде “повелеваю тебе здравствовать”, <...> “здравия желаю тебе” и т.д.” (Колесов 1988, с. 223).

Пожелание здоровья содержится и в такой формуле приветствия, как “Здравия желаю!”, распространенной среди военных, также в разговорной форме “Здорово!”. Причем последняя формула, по мнению некоторых специалистов по культуре речи, является несколько грубоватой и просторечной, поэтому ее рекомендуется избегать. Мы придерживаемся противоположной точки зрения. Данную формулу можно отнести к разряду тех средств, которыми “оперирует” гендерная лингвистика. Употребляемая в большинстве случаев мужчинами, она не свойственна “женской” речи. Однако в сельской местности ее могут использовать все же женщины:

- Бабочки-красавицы, здравствуйте! – с наигранной вежливостью приветствовал богомолок Давыдов.

- Здорово, коли не шутишь, - ответила за всех самая бойкая из женщин (Шолохов, с. 472).

“Guten Tag, ihr Hübschen!” begrüßte Dawydow die Pilgerinnen mit gespielter Lustigkeit.

“Guten Tag, wenn’s dein Ernst ist“, antwortete der Keckste (Scholochov, с. 196).

В немецком и русском коммуникативном поведении находят все большее распространение транслитерированные формы, или заимствования.

Так, итальянское приветствие “Ciao!”, “онемченное” в “Tschau!”, употребляется как в немецком, так и в русском языке (“Чао!”). Оно используется прежде всего среди молодежи и представляет собой непринужденную форму прощания:

“Ciao, Franco”, sagte ich (Schulze, с. 250).

- ЧАО, Франко, - сказал я [н.п.].

В русскоязычной среде встречается также другая форма “итальянского происхождения” “Аривидерчи!” (от итал. *Arrivederci* – До свидания), представляющая собой форму дружески-шутливого или фамильярного прощания.

Территориально ограниченные варианты “Adieu!”, “Adé!”, “Adjö!”, заимствованные из французского языка (*adieu*: сращение предлога *a* и *dieu* “Бог”. Ср. русс. “С Богом!”), употребляются на юге Германии. “Adé!” распространена в Швабии и Саксонии. В отличие от “Adieu!” она может употребляться и по отношению к незнакомым, но социальный статус в первом и втором случаях должен быть одинаковым. Нельзя однако забывать, что вышеизложенные варианты воспринимаются во многих регионах Германии как несколько устаревшие. В русском речевом поведении хотя и встречается транслитерированная форма “Адью!” (1) с вариантами “Адье!”, “Адъё!”, все же предпочтение отдается другим формулам прощания (2) и даже некоторым формулам пожелания при прощании (3), ср.:

(1) - “Guten Tag”, sagte Bienkopp und ging.

- “Adieu”, sagte Anngret (Strittmatter, с. 337).

- Всего доброго, - ответил Оле и ушел.

- Адью, - сказала Аннгрет (Штритматтер, с. 332).

(2) Sie (Käthe – Р.Г.) ging zur Tür, müde. “Adieu, Paul”, sagte sie. (Feuchtwanger, с. 150).

Кете усталым шагом направилась к дверям.

- Прощай, Пауль, - сказала она (Фейхтвангер, с. 129).

(3) Die junge Frau errötet wieder.

“Good-bye, adieu!”

“Auf Wiedersehen!” (Strittmatter, с. 76).

Молодая женщина снова краснеет.

- Good bye, всего хорошего.

- До свиданья (Штриттматер, с. 89).

В последнем примере, как в немецком, так и в русском языке, используется английская формула прощания “Good bye!”. В русском речевом поведении в молодежной среде встречается непринужденная форма “Бай-бай!” (от англ. bye-bye – “пока”).

Среди молодежи у русских употребима также контаминированная форма “Губайтэ!”: от англ. Good bye и russk. Прощайтэ.

А.Г.Балакай приводит в своем словаре такие формы, как “Гутен морген!”, “Гутен таг!” от соответствующих немецких формул “Guten Morgen!”, “Guten Tag!” (Балакай 1999а, с. 115).

Русские, побывавшие в Германии, охотно используют в речи транслитерированную форму “Данкел!”. Это касается также форм “Мерси!” (от франц. merci – спасибо), “Мерси боку!” (от франц. merci beaucoup – большое спасибо), “Сенкью!” (от англ. thank you – спасибо).

Заимствованное из французского “Pardon!”, относящееся к стилистически сниженным формам извинения, является территориально-ограниченной формулой извинения, распространенной прежде всего на юге Германии. Русское “Пардон!” в отличие от немецкого употребляется крайне редко и только в неофициальном общении. В данном случае русские предпочитают формулу “Виноват！”, не имеющую, по Р.Ратмайр, немецкого эквивалента, либо “Прошу прощения!”:

An der Tür blieb er stehen. “Pardon”, sagte er, “es muß ein Irrtum sein...” (Манн 2, с. 180).

- Прошу прошенья, - сказал он. – Произошла, как видно, ошибка (Манн 2, с. 338).

Возможно также использование контаминированной формы “Пардоныте!” (от франц. pardon и russ. простите) или “Прошу пардона!” (Балакай 1999б, с. 8).

К заимствованиям относятся также русский комплимент “Браво!” и немецкий “Bravo!”, которые представляют собой краткие формулы, выраждающие восхищение поступком, действием, зрелищем. Так, русское “Браво!”, заимствованное из итальянского в начале XIX в. в связи с распространением итальянской музыки (Балакай 1999а), и немецкий эквивалент “Bravo!” (ср. также: немецкий комплимент “Brav, brav!”) употребляются, как правило, публикой в знак благодарности и восхищения

выступлением актеров. Данные формулы могут сопровождаться или замещаться жестом рукоплескания.

В связи с тем, что в передаче той или иной информации непосредственно участвуют, помимо словесного кода, и пара- и экстралингвистические каналы сообщения, речевое поведение человека должно исследоваться во взаимодействии с неречевыми, или невербальными средствами. «Органическая включенность неверbalных средств в передачу мыслей настолько существенна, что при искусственном изъятии фраз из естественных условий их произнесения они становятся не вполне понятными и производят впечатление ущербности, неполноценности и даже ошибочности. Ситуативная обусловленность разговорных явлений настолько велика, что попытки их объяснения исключительно внутриязыковыми факторами без обращения ко всему нелингвистическому едва ли возможны» (Девкин 1979, с. 251).

Сопоставительные исследования невербальных компонентов общения в коммуникативном поведении двух народов позволяют выявить ко всему прочему национально-культурные особенности общения. Если проанализировать использование невербальных средств коммуникации у немцев и русских в ситуациях РЭ, можно отметить значительные расхождения, обусловленные различиями культур данных наций. Особенно ярко национально-культурная специфика невербальной коммуникации представлена в ситуациях “Приветствие”, “Прощание”, “Пожелание”, “Комplимент”, “Просьба”.

Так, в этикетной ситуации “Приветствие” распространенным жестом у немцев, встречающихся в местах общепита, является постукивание костяшками пальцев по столу в знак приветствия знакомых (преимущественно мужчин), сидящих за этим столом. Данный жест означает “*Guten Tag allerseits!*” (“Всем добрый день!”) или “*Guten Abend allerseits!*” (“Всем добрый вечер!”). В большинстве случаев приветствующему отвечают тем же. У русских нет аналогичного жеста. Этим жестом также приветствуют немецкие студенты своих профессоров и преподавателей в университетах.

В случае, когда партнеров по коммуникации разделяет определенное расстояние, немцы приветствуют друг друга поднятием руки (чаще всего правой). При этом рука согнута в локте, ладонь повернута к приветствуемому, а кисть производит легкие движения из стороны в сторону. Русские же приветствуют партнера лишь легким поднятием руки. Широко распространены помимо прочего кивки, сп.:

Ich hob die Hand: “Salü, Valentin!”

Er blickte auf und nickte: “Salü, Robby!” (Remarque, с. 52).

-Я поднял руку: “Салют, Валентин!”.

Он очнулся и кивнул: “Салют, Робби!” (Ремарк, с. 39).

Если сидящий за рулем автомобиля водитель проезжает мимо своего знакомого, то он приветствует его поднятием указательного пальца правой руки ко лбу или к краю шляпы. У русских водителей нет аналогичного жеста приветствия. Они либо поднимают руку, либо приветствуют своих знакомых сигналом автомобиля. К тому же касаться козырька (края) кепки (шляпы) в

знак приветствия могут также и не водители, как это делают, например, каждое утро Барташ и Ян в романе Э. Штритматтера “Оле Бинкоп”:

Wenn die beiden Neubauern morgens auf den Hof treten, begrüßen sie sich über den Zaun hinweg und tippen an die Mützenschilder.

“Wie geht’s!”

“Es geht!” (Strittmatter, с. 147).

По утрам соседи приветствуют друг друга через забор и прикладывают руку к козырьку.

-Как дела?

-Дела идут (Штритматтер, с. 156).

При приветствии коллег у немцев принято рукопожатие, а у русских оно не обязательно.

Немаловажное значение в речевом общении немцев, как и у европейцев в целом, занимает улыбка. При приветствии она необходима, так как является неотъемлемым компонентом коммуникативного поведения. «В западном мире улыбка одновременно и формальный знак культуры, не имеющий ничего общего с искренним расположением к тому, кому ты улыбаешься, и, разумеется, как и у всего человечества, биологическая реакция на положительные эмоции; у русских – только последнее» (Тер-Минасова 2000, с. 190). В русском общении улыбка не обязательна, она выполняет иные функции, чем в Европе или даже Америке. Приветствие должно сопровождаться вежливой интонацией и дружеским выражением лица.

И. А. Стернин выделил ряд особенностей русской улыбки:

- 1) у русских не принято улыбаться незнакомым;
- 2) у русского человека улыбка не является атрибутом вежливого общения. “Улыбка осознается как некий внешний, дополнительный по отношению к общению коммуникативный элемент, далеко не всегда необходимый и уместный” (Стернин 1992, с. 56);
- 3) в русском общении не принята улыбка при исполнении служебных обязанностей. Считается, что, занимаясь серьезным и ответственным делом, человек должен быть исключительно серьезным;
- 4) для улыбки у человека должна быть некая причина. Русская поговорка “Смех без причины – признак дурачина” – тому свидетельство.

“Таким образом, национальная специфика улыбки как компонента русского коммуникативного поведения весьма значительна. Специфика улыбки ставит Россию как бы в особое положение по отношению и к Западу и Востоку” (Стернин 1992, с. 57).

При приветствии в русской культурной среде нельзя здороваться через порог, необходимо обязательно пройти в помещение или хотя бы одной ногой переступить через порог:

Половцов услужливо метнулся к двери, но в нее уже входил статный и ладный кучер господина полковника. Он протянул Половцову руку:

- Здравия желаю, господин есаул! *По русскому обычаю через порог не здороваются...* (Шолохов, с. 638).

Diensteifrig stürzte Polowzew zur Tür, aber der stattliche Kutscher des Herrn Obersts trat bereits ein und streckte Polowzew die Hand entgegen. "Guten Tag, Herr Rittmeister! Nach russischem Brauch begrüßt man sich nicht auf der Schwelle..." (Scholochov, c. 393).

При прощании немцы помимо рукопожатия используют также следующий жест: рука приподнята, кисть обращена к партнеру, она полусогнута в виде “лопатки” и производит движения из стороны в сторону. При этом данный жест часто сопровождается выражением “*Huhu!*”, которое напоминает крик совы. У носителей русского языка при прощании приподнятая рука движется вперед-назад. Для родственных, близких отношений, как у русских, так и у немцев, характерны объятия и поцелуй:

Rosa küßte sie herhaft ab: "Mach's gut, Lilly" (Remarque, c. 63).

Роза пылко расцеловала подругу: "Счастливо, Лили" (Ремарк, с. 49).

У русских принято присаживаться перед дорожкой в знак прощания:

- *Спасибо, Филат... Ну, присядем на прощание, и с богом* (Пастернак, с. 69).

"Danke, Filat... Na, setzen wir uns zum Abschied, und in Gottes Namen!" [н.п.]

Различия обнаруживаются также в этикетной ситуации “Пожелание”. Немецкое пожелание удачи “*Hals- und Beinbruch!*” и синонимичное пожелание “*Ich drücke Ihnen/dir den/die Daumen!*” (дословно – “я зажимаю большой палец”) могут сопровождаться или замещаться следующим жестом: большой палец зажимают остальными пальцами той же руки в кулак, рука приподнимается до уровня груди. Иногда этот жест выполняется обеими руками. У русских нет аналогичного жеста.

При застольных пожеланиях после произнесения тостов у немцев не принято чокаться, тогда как русские делают это непринужденно и неосознанно.

Среди жестов одобрения, совпадающих в немецкой и русской культурах в ситуации “Комpliment”, выделяются следующие: кивать, хлопать в ладоши (апплодировать), похлопать по плечу. Национально специфичны жесты одобрения у немецких студентов: если студентам особенно понравилась лекция профессора, то они в знак благодарности и одобрения начинают стучать костяшками пальцев по столу. Для выражения одобрения, а также приветствия актеров в цирке и варьете (но не на концерте и в театре) необходимо потоптать ногами. Что касается мимики, то «похвала и одобрение подчеркиваются улыбкой, приветливое выражение лица варьируется в зависимости от ситуации» (Городникова, Добровольский 1999, с. 140).

Напротив, кислое и холодное выражение лица при произнесении комплимента может вызвать неадекватное восприятие «адресатом» данного комплимента:

- ... *Сегодня вы так же свежи и милы, как это утро.*

Александра Павловна опять засмеялась.

- *Чему же вы смеетесь?*

- *Как чему? Если бы могли видеть, с какой вялой и холодной миной вы произнесли ваши комплимент!* Удивляюсь, как вы не зевнули на последнем слове (Тургенев, с.10).

“... Heute sind Sie so frisch und lieb wie dieser Morgen”.

Alexandra Pavlovna hat sich wieder gelächelt.

“Warum lachen Sie?”

“Warum? Wenn Sie gesehen hätten können, mit welch einem schlaffen und kalten Gesichtsausdruck Sie Ihr Kompliment sagten! Ich wundere mich, dass Sie mit dem letzten Wort nicht gegähnbt haben” [н.п.].

В ситуации “Просьба” национально специфичными являются следующие жесты: просьба к водителю попутной машины остановиться у немцев выражается в поднятой до уровня плеч руке с обращенным вверх большим пальцем. У русских же принято просто поднимать руку до уровня плеч или чуть ниже. В данной ситуации допускается также употребление некоторых жестов, например, последнего без словесного сопровождения.

Весьма эмоциональным считается взмахивание руками вверх, когда осуществление просьбы особенно важно для просящего:

Unrat eilte herbei, mit ausgestreckten Armen; er bat, mit dem Ausdruck der Not:

- „Lieber Mann, so holen Sie mir doch den Schüler heraus!“ (Манн 1, с. 58).

Гнус побежал за ним, простирая руки, и с отчаянием взмолился:

- Очень вас прошу, любезнейший, приведите мне гимназиста! (Манн 1, с. 62-63).

Выражение благодарности как в русском, так и в немецком коммуникативном поведении сопровождается использованием аналогичных невербальных компонентов общения. Общепринятым жестом благодарности является рукопожатие:

- *“Ich danke Ihnen, Frau Tirschenreuth”, hört er sich selber sagen. Er nimmt ihre Hand und drückt sie* (Feuchtwanger, с. 18).

-Благодарю вас, госпожа Тиршенрейт, - слышит он звук собственного голоса. Он берет ее руку и пожимает (Фейхтвангер, с. 16).

При близких отношениях возможны объятия и легкие поцелуи. Мужчины могут также слегка поклониться, а женщины – кивнуть головой. “На расстоянии благодарность выражают более подчеркнуто, например, аплодисментами, после публичного выступления актеры низко кланяются, а женщины приседают, делают реверанс, посылают воздушный поцелуй” (Городникова, Добровольский 1999, с. 202). Причем поклоны в знак благодарности приняты и в сельской местности, преимущественно у русских:

-Спасибо на добром слове, товарищ Давыдов!... – Осетров поклонился Давыдову.

А тот неожиданно рассвирепел:

-Что ты мне кланяешься?...

У нас со старых времен так ведется: ежели благодаришь, то и кланяешься, - с достоинством ответил Осетров (Шолохов, с. 470).

“Hab Dank, Genosse Dawydow! Vergelt’s dir Gott, dass du gegen Ustin keinen Zorn im Herzen hast.” Und Ossetrow verbeugte sich vor Dawydow.

Aber der brauste plötzlich auf: “Warum verbeugst du dich vor mir?...”

“Das ist bei uns ein alter Brauch: Wenn man sich bedankt, so verneigt man sich”, antwortete Ossetrow mit Würde (Scholochov, с. 194).

Данный жест может быть заменен также соответствующим вербальным “компонентом”:

Благодарно глядя на щедрую стряпуху, сказал:

- *Спасибочка всем вам за угощение и водку, а тебе, Куприяновна, низкий поклон...* (Шолохов, с. 524).

Er (Großvater Stschukar – Р.Г.) blickte die gastfreundliche Köchin mit dankbaren Augen an und sagte: „Herzlichen Dank euch allen für Bewirtung und Wodka, dir aber, Darja Kuprijanowna, meine tiefe Verbeugung....“ (Scholochov, с. 259).

Что касается неверbalного сопровождения речевых актов поздравления, можно выделить прежде всего рукопожатие, преимущественно в официальной обстановке общения. В неофициальном же общении для выражения особой эмоциональности можно потрясти руку собеседника (1) или сжать ее в полную силу (2):

(1) *Sie (Mathilde – Р.Г.) umklammerte meine Hand und schüttelte sie: „Herzlichsten Glückwunsch!“* (Ремарк 1, с. 2).

Она схватила мою руку и стала трясти ее: „От души поздравляю!“ (Ремарк 1, с.12).

(2) *Клоня голову, Нагульнов взял прямо протянутую руку Кондрата в свои увлажншившиеся от волнения длинные ладони, сжал ее в полную силу, сказал...:*

- Товарищ! Браток! Поздравляю!... (Шолохов, с. 579).

Den Kopf etwas vorgebeugt, nahm Nagulnow Kondrats sterif hingestreckte Rechte in seine vor Erregung feuchten Hände, drückte sie aus allen Kräften und sagte... „Genosse! Bruder! Ich gratuliere!...“ (Scholochov, с. 324).

Также приняты объятия и поцелуй особенно при родственных, дружеских, интимных отношениях. Мужским фамильярным жестом считается похлопывание по плечу или спине. причем улыбаться при поздравлениях принято как в немецком, так и в русском коммуникативном поведении.

Таким образом, множественность способов языкового и неязыкового выражения в этикетных ситуациях, а также их национально-культурная специфика свидетельствуют о необходимости учета в речевом общении многих факторов, преимущественно экстралингвистических: характер взаимоотношения общающихся, официальность/неофициальность обстановки общения, социокультурные факторы. Данное положение можно справедливо связать с понятием “культура общения”, которая “заключается в том, чтобы в той или иной ситуации выбрать наиболее уместное языковое средство, продемонстрировать своему адресату наиболее подходящее в данном случае вежливое, уважительное отношение” (Формановская 1989, с. 65).

Комплексное описание и разъяснение национально-культурной специфики коммуникативного поведения народа в целом и речевого и неречевого поведения в частности способствует профилактике и предотвращению межнациональных недоразумений и конфликтов, позволяет выявить и разработать пути достижения эффективности общения с представителями разных культур.

-
1. Балакай А. Г. Доброе слово: Словарь-справочник русского речевого этикета и простонародного доброжелательного обхождения XIX-XX вв.: В 2 т./ Департ. образования Администр., ОблИУУ, Новокузнецкий госпединститут. – Кемерово, 1999а. – Т. 1. – А-О. – 312 с.
 2. Балакай А. Г. Доброе слово: Словарь-справочник русского речевого этикета и простонародного доброжелательного обхождения XIX-XX вв.: В 2 т./ Департ. образования Администр., ОблИУУ, Новокузнецкий госпединститут. – Кемерово, 1999б. – Т. 2. – П-Я. – 318 с.
 3. Городникова М. Д., Добровольский Д. О. Немецко-русский словарь речевого общения. – 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1999. – 332 с.
 4. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. – М.: Международные отношения, 1979. – 256 с.
 5. Колесов В. В. Культура речи – культура поведения. – Л.: Лениздат, 1988. – 271 с.
 6. Милосердова Е. В. Как важно быть вежливым, говоря на иностранном языке // Иностранные языки в школе, № 4. – 1991. – С. 104-106.
 7. Ратмайр Р. Функциональные и культурно-сопоставительные аспекты прагматических клише (на материале русского и немецкого языков) // Вопросы языкознания. – 1997. – № 1. – С. 15-23.
 8. Стернин И. А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М.: Российская Академия Наук, Институт языкознания, 1996. – С. 97-112.
 9. Стернин И. А. Улыбка в русском общении // Русский язык за рубежом, № 2, 1992. – С. 54-57.
 10. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. пособие) – М.: Слово/Slovo, 2000. – 264 с.
 11. Формановская Н. И. Вы сказали: “Здравствуйте!” (Речевой этикет в нашем общении). Изд. 2-е. – М.: Знание, 1987. – 160 с.
 12. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. М., “Высшая школа”, 1989. – 157 с.

Источники примеров

- Alles Gute – Alles Gute. Телевизионный курс немецкого языка. М.: Фирма “Акция”, 1991. – 288 с.
- Beile1 – Beile W. und A. Alltag in Deutschland. Übungsmaterial. – Bonn: Inter Nationes, 4. Auflage, 1998. – 224 S.
- Beile2 – Beile W. und A. Deutsch einfach 1: Frei Fassung. – Bonn: Inter Nationes, 1987. – 84 S.
- Böll – Böll H. Und sagte kein einziges Wort: Roman. – Moskau: Verlag “Hochschule”, 1966. – 384 S.
- Бель – Бель Г. И не сказал ни единого слова: Перевод Д.Мельникова и Л.Черной // Бель Г. Собрание сочинений. В 5-ти т. Т. 1. Романы; Повесть;

Рассказы; Эссе. 1947-1954: Пер. с нем. / Редкол.: А.Карельский, Н.Павлова, И.Фрадкин; Сост. и вступ. статья И. Фрадкина; Коммент. Г. Бергельсона. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 289-429.

Britten – Britten U. Straßenkid / Uwe Britten. – Stuttgart; Wien; Bern: Thienemann, 1997. – 158 S.

Feuchtwanger – Feuchtwanger L. Die Brüder Lautensack: Roman. – Greifenverlag zu Rudolstadt. – 346 S.

Фейхтвангер – Фейхтвангер Л. Братья Лаутензаки. Роман. – М.: Худож. лит., 1977.

Kellermann – Kellermann B. Der 9. November: Roman. – Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1955. – 445 S.

Келлерман – Келлерман Б. Девятое ноября // Келлерман Б. Девятое ноября. Пляска смерти. Романы. Перевод И.Горкиной.- М.: Изд-во худ. литературы, 1955. – С. 9-330.

Mann 1 – Mann H. Professor Unrat. Roman. – Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1952. – 248 S.

Манн 1 – Манн Г. Учитель Гнус. Перевод с нем. Н. Ман. – М.: Изд-во худ. литературы, 1971. – С. 33-195.

Mann 2 – Mann H. Der Untertan. Roman. – Berlin: Aufbau-Verlag, 1955. – 464 S.

Манн 2 – Манн Г. Верноподданный. Перевод с нем. Н. Ман. – М.: Изд-во худ. литературы, 1971. – С. 195-569.

Пастернак – Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: Роман. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 624 с.

Remarque – Remarque E.M. Drei Kameraden. Roman. – Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1960. – 456 S.

Ремарк – Ремарк Э.-М. Три товарища: Роман / Пер. с нем. Ю.Архипова; Предисл. А.Битова; Ил. худож. П.Пинкевича – М.: Худож. литература, 1989. – 368 с.

Шолохов – Шолохов М. Поднятая целина. Книга вторая. – М.: Просвещение, 1968. – С. 313-656.

Scholochov – Scholochov M. Neuland unterm Pflug. Teil II. – Berlin: Verlag Volk und Welt, 1961. – 412 S.

Schulze – Schulze I. Simple Storys. Ein Roman aus der ostdeutschen Provinz, Berlin: Berlin Verlag, 1998. – 303 S.

Strittmatter – Штритматтер Э. Оле Бинкоп: Роман. – М.: Прогресс, 1980. – 424 с. – На нем. яз.

Штритматтер – Штритматтер Э. Оле Бинкоп // Избранное: Сборник/Перевод с нем; Составл. и предисл. П. Топера. – М.: 1984. – (Мастера современной прозы). – С. 21 – 367.

Тургенев – Тургенев И.С. Рудин: Роман / Послесл. Г.А.Бялого; Ил. Г.С. Волхонской. – М.: Дет. лит., 1989. – 159 с.

Е.А. Попова
Липецкий ГПУ

Доброе утро, Guten Morgen и Good morning

Важной характеристикой национальной культуры является языковое поведение, в котором выделяются три группы фактов: «1) невербальные элементы поведения и реакции; 2) вербальные реакции в конкретных культурных сферах и условиях; 3) общие тенденции (константы) речевого поведения, которые проявляются независимо от культурной сферы и отражают как общие закономерности построения высказывания на данном языке, так и свойственные данному социуму правила речеповедения» (Гак 1998, с. 585). Нами будет рассмотрена одна из фразеологизированных речевых реакций (фраз-приветствий), которая относится ко второй из выделенных групп.

Общение носителей любого языка невозможно представить без фразеологизированных речений типа *доброе утро, добрый день, добрый вечер и др.* Однако, несмотря на их повсеместное употребление, подвергаются систематическому анализу они явно недостаточно. Из работ, посвященных данной проблеме, укажем следующие: Гак 1995, с. 47-55; Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. 1997, с. 229-240.

Согласно данным словарей русского языка (Толкового словаря русского языка под. ред. Д.Н. Ушакова, Словаря русского языка, Словаря современного русского литературного языка), фраземы *доброе утро, добрый день, добрый вечер* употребляются как приветствие при встрече утром, днем или вечером. Таким образом, по данным словарей в любой момент утра (дня, вечера) можно обратиться к кому-либо с приветствием *доброе утро (день, вечер)*. Однако это не совсем точно по отношению к фразе-приветству *доброе утро*.

Дело в том, что у русских понятие времени отличается от временных представлений носителей других языков. Одной из особенностей русской языковой картины мира является то, что языковые обозначения временных интервалов определяются наполняющей их деятельностью. Например, в русском, немецком, английском языках существует приветствие *Доброе утро!* (*С добрым утром!*). Но если *Guten Morgen!* и *Good Morning!* будут уместны в любой момент утра (до обеденного перерыва), то в русском общении *Доброе утро!*, адресованное, к примеру, коллеге по работе, может быть воспринято, например, как намек на то, что человек имеет невыспавшийся вид. Обмен этими приветствиями на русском языке уместен между людьми, которые проснулись под одной крышей (в одном доме, квартире, гостинице и т.п.) и еще ничего не успели сделать. *Доброе утро* является чем-то «вроде поздравления с пробуждением и пожелания, чтобы то, что ждет человека после пробуждения, было приятным» (Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. 1997, с.238). Поэтому по отношению к проснувшемуся в два-три часа дня русскому человеку *Доброе утро* допустимо, хотя и звучит с иронией, а в английском и

немецком языках приветствовать человека, вставшего после полудня, словами *Good morning* и *Guten Morgen* нельзя.

Таким образом, сравнение приветствия *Доброе утро* как вербальной реакции с аналогичными выражениями в английском и немецком языках показывает, что у носителей русского языка представление о времени отличается от временных представлений жителей Западной Европы: русские придают большое значение деятельности, которая наполняет те или иные временные интервалы.

Гак В.Г. Человек в языке. Говорящий и пространство ситуации. Языковое поведение. // Гак В.Г. Языковые преобразования. – М., 1998. – С. 578-586.

Гак В.Г. Фразеоффлексы в этнокультурном аспекте // Филологические науки. 1995. № 4 . – С. 47-55.

Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Время суток и виды деятельности // Логический анализ языка. Язык и время. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М., 1997. – С. 229-240.

И.А. Стернин
Воронежский ГУ

Русская невербальная коммуникация (на фоне немецкой)

В предлагаемой статье предпринимается попытка описания русских жестов в сопоставлении с их немецкими соответствиями. Описание осуществляется на контрастивной основе - описываются различия в форме и семантике близких, но не совпадающих жестов двух языков, выявляются безэквивалентные для немецкого общения русские жесты, а также русские жестовые лакуны на фоне немецкого невербального общения.

В описание включены не все русские жесты; описаны лишь такие жесты, которые демонстрируют отличия в сопоставлении с немецкими соответствиями.

По значению все жесты могут быть подразделены на две большие группы: номинативные и эмоциональные.

Номинативные жесты – такие, которые используются вместо языковых единиц, выражений или вместе с ними; они обозначают явления, понятия, предметы, ситуации. Эмоциональные жесты – такие, которые выражают эмоцию или оценку чего-либо. Четкой границы между номинативными и эмоциональными жестами нет, но в большинстве случаев с известной долей условности имеющиеся жесты могут быть подразделены на эти две группы.

Номинативные жесты

Приветствие, прощание

При приветствии возможны следующие жесты.

Рукопожатие – при знакомстве. Преимущество используется мужчинами, а также в официальной обстановке – мужчинами и женщинами. Мужчина не подает женщине руки первым, а младшие и нижестоящие не протягивают первыми руку старшим и вышестоящим. Рукопожатие при знакомстве в официальной обстановке факультативно.

Рукопожатие – при встрече. Как правило, обязательно у молодых и среднего возраста мужчин, а также при официальной встрече. У мужчин рукопожатие всегда носит “силовой” характер. Рукопожатие между мужчинами и женщинами всегда носит официальный характер. Рукопожатие между женщинами в неофициальной обстановке обычно не принято.

Как при встрече, так и при знакомстве русская женщина всегда подает мужчине руку первой. Женщина не пожимает мужчине руку, а подает расслабленную кисть руки, мужчина при этом скорее изображает рукопожатие – берет руку женщины в свою (обычно не всю ладонь, а только пальцы) и слегка встряхивает их один-два раза, при этом мужчина не должен долго задерживать руку женщины в своей.

В немецком общении, как при встрече, так и при знакомстве рукопожатие используется в равной мере и мужчинами и женщинами. Мужчины и женщины, старшие и младшие, вышестоящие и нижестоящие в целом равноправны в подаче руки. Рукопожатие используется в равной мере как официальный, так и неофициальный жест. Между мужчиной и женщиной рукопожатие носит двусторонний характер, осуществляется взаимно.

Поднятая на уровне головы или несколько выше кисть руки ладонью вперед. Ладонь обращена в сторону того, кому адресуется жест. Жест выполняется достаточно резко, ладонь иногда слегка откладывается назад. Приветственный фамильярный жест, выполняется на ходу, когда нет возможности остановиться. Может сопровождаться вербализацией “Привет!”. Возможен как приветствие между близкими людьми, но не используется между родственниками. В немецком общении отсутствует.

Рука на уровне головы, ладонью вперед, пальцы совершают волнообразные движения вперед. Заимствован недавно, является игриво-шутливым. Возможен между людьми, находящимися в неофициальных отношениях, предполагает наличие совместных действий или намерений. В немецком общении отсутствует.

Кивок головой. Без сопровождения вербальным приветствием является фамильярным, в официальной обстановке недопустим, рассматривается как пренебрежительный по отношению к собеседнику. В немецком общении допустим при обращении к группе людей и в официальной обстановке, является нейтральным и при отсутствии верbalного сопровождения.

Поцелуй. Принят поцелуй в щеку. Распространен между родственниками, близкими друзьями и знакомыми. Поцелуй менее знакомого человека означает демонстрацию дружеского расположения и радости от встречи. Поцелуй обычен после долгой разлуки, при встрече в аэропортах, на вокзалах и т.д. Поцелуй после краткой разлуки – демонстрация расположения к собеседнику. Поцелуй возможен между супругами, родственниками, женщинами-подругами. Поцелуй между мужчинами возможен, если они родственники и наблюдается большая разница в возрасте (отец и сын, дед и внук). Поцелуй в губы у русских носит интимный характер, используется как форма приветствия между супругами, женихом и невестой. Обычно на людях целовать в губы у русских не принято.

В немецком общении поцелуй в щеку распространен при встрече пожилых людей и молодых с пожилыми, между молодыми людьми принят поцелуй в губы, как между супругами. Поцелуй в губы возможен на людях, не носит чисто интимного характера. В последнее время поцелуй в Германии получил более широкое распространение.

Отдание чести. Жест выполняется ладонью правой руки с сомкнутыми пальцами, ладонь резким движением прикладывается с правой стороны к головному убору. Без головного убора не выполняется. Жест обязателен как приветствие военных в форме (как на территории воинской части, так и в общественных местах, на улице), а также как приветствие у милиционеров, когда они обращаются к кому-либо или кто-либо обращается к ним.

В немецком общении полицейские честь гражданам практически не отдают, военные отдают честь преимущественно на территории воинских частей.

При прощании используются следующие жесты:

Рукопожатие. Используется в основном в официальном общении, преимущественно мужчинами. В немецком общении используется и мужчинами, и женщинами, как в официальной, так и в неофициальной обстановке.

В русском общении отсутствует прощальный жест, распространенный у немецкой молодежи: при прощании на транспорте правая рука нерезким движением поднимается вверх и фиксируется с небольшим наклоном, оставаясь неподвижной.

Сгибание и разгибание ладони поднятой на уровне кисти неподвижной руки. В русском общении это жест детский, означает прощение со взрослым. Взрослыми людьми не используется. Аналогичный жест есть в немецком общении, он тоже характерен для детей, но выполняется только пальцами и быстрее, чем в русском общении.

Утверждение, отрицание

Размахивание указательным пальцем правой руки из стороны в сторону на уровне груди, кисть обращена сложенными пальцами в сторону собеседника. Жест категоричен, фамильярен, часто сопровождается вербализацией типа "Ни за что!", "Ни в коем случае!". Означает категорический отказ, часто совмещается с выражением опасения за результат какого-либо действия или высказывания: "Нельзя этого делать (говорить)!". Используется и для выражения несогласия с собеседником; чем категоричнее несогласие, тем выше частота жеста. В немецком общении жест используется аналогично, но не выражает несогласия.

Помещение большого пальца правой руки указательным и средним. Вульгарный детский жест, означающий категоричное отрицание. Взрослыми практически не используется. В немецком общении отсутствует.

Вопросительные жесты

Ладонь или несколько пальцев правой руки 2-3 раза постукивают по запястью левой руки. Жест разговорный, заменяет вопрос "Который час?". В немецком общении крайне редок, так как жестовые вопросы не принято использовать в обращении к людям с нормальным слухом.

Пространственно-указательные жесты

Указание назад большим пальцем через плечо. Жест грубо-фамильярный, оскорбительный, особенно если выполняется без поворота головы в указанном направлении. Выполняется с позиции вышестоящего, демонстрирует пренебрежение к собеседнику. В немецком общении этот жест нейтрален, носит чисто пространственно-указательный характер, применим в широком круге ситуаций.

Указание большим пальцем желательного направления поездки, адресованное водителя проезжающей автомашины. В русском общении крайне редок, в немецком – очень употребителен, выступает как сигнал водителю остановиться.

Привлечение внимания, подзываение

Размахивание вытянутой вперед рукой на уровне головы, кисть совершает движение "к себе", рука сгибается в локте. Жест разговорный, означает приглашение подойти, преодолев некоторое пространство. Используется только при обращении к знакомым. В немецком обращении есть аналогичный жест, но он выполняется только кистью, рука в локте не сгибается.

Размахивание кистью на уровне головы или несколько выше головы. Жест разговорный, используется для обращения на себя внимания собеседника,

находящегося на расстоянии. Выражает дружеское отношение к собеседнику, может нести информацию “Я здесь”. В немецком общении не используется, сходный жест используется только как жест прощания.

Поднятие вытянутой руки над уровнем головы, означает просьбу остановиться, адресованную такси или попутной машине. В немецкой общении не используется.

Рука протягивается поперек дороги, жест может сопровождаться частыми движениями кисти рук сверху вниз. Выражение просьбы остановиться, обращенной к водителю такси или попутной машины. В немецком общении функционирует аналогичный жест, но движение кисти обязательно. Неподвижной рукой останавливает транспорт лишь транспортная полиция.

Поднятая вверх рука. Жест означает желание задать вопрос или сказать что-нибудь в официальной обстановке (собрание, ученое заседание, конференция). Ладонь поднятой руки обычно раскрыта в сторону человека, которому задается вопрос. В немецком общении в таких ситуациях поднимают указательный палец (реже – указательный и средний) правой руки.

Просьба, предложение, побуждение

Двукратное движение вперед-назад сигаретой, зажатой между указательным и средним пальцем. Жест разговорный, означает просьбу прикурить.

Аналогичное движение указательным и средним пальцем без сигареты. Означает просьбу дать сигарету. Разговорный жест.

Правая рука подносится к кисти левой руки, имитируя движение зажигания спички. Жест разговорный, означает просьбу, но в немецком общении встречаются крайне редко, так как не принято обращаться с подобными просьбами. При обращении за спичками принято давать коробку, а не зажигать спичку или подносить зажженную сигарету – это будет рассматриваться как стремление угодить собеседнику, как демонстрация позиции зависимого человека. В русском общении такого значения у жеста нет.

Пощелкиванье пальцами по горлу. Предложение выпить. Немцы понимают этот жест (как русский), но не пользуются им. В русском общении отсутствуют жесты со значением предложения выпить, имеющиеся в немецком общении: имитация движения, которым ставят кружку на стол (выполняется кулаком правой руки), имитация опрокидывания стакана, выполняемая правой рукой на некотором расстоянии от рта и имитация опрокидывания рюмочки, выполняемая двумя пальцами правой руки.

Быстрое неоднократное вращение указательным пальцем или полусжатыми кулаками около пояса. Жест разговорный, означает настоятельную просьбу о скорейшем завершении разговора или действия. Выполняется как сигнал собеседнику на расстоянии. Может сопровождаться вербализацией: “Давай, давай, кончай!” и др. Может выполняться только

правой рукой. В немецком общении отсутствует.

Одноразовое движение разведенными руками с развернутыми вверх ладонями в направлении вверх. Жест разговорный, означает указание аудитории встать. Выполняется с позиции старшего, вышестоящего. Часто выполняется в том случае, если аудитория сама не догадалась встать. Распространен среди учителей. В немецком общении не функционирует.

Указательный палец правой руки поднесен к сжатым губам. Возможно легкое постукивания пальца по губам. Жест разговорный, обозначает призыв к тишине. Выполняется обычно по отношению кциальному собеседнику. Имеет дополнительное значение – призыв не разглашать тайну, секрет, не произносить что-либо в слух. Часто сопровождается вербализацией “Тсс”. В немецком общении имеет то же значение, но не предполагает постукивания по губам. У немцев возможен вариант этого жеста – к губам прикладываются четыре пальца ладони; в русском общении этот вариант отсутствует.

Окончательное решение

Ладонь правой руки резко выбрасывается вперед туловищем на уровне плеча, как бы отталкивая невидимое препятствие. Жест может выполняться также двумя руками. Жест экспрессивный, разговорный, означает окончательность принятия решения (часто – и прекращение разговора на эту тему). Часто сопровождается вербализацией типа “Все”, “Делаем так...” и др. Жест также может иметь значение окончание разговора, сопровождаемого обещанием все сделать – “Все будет сделано!”. Резкость выполнения жеста отражает степень решительности выполняющего жест: чем «окончательней» решение, тем энергичней выполняется жест. В немецком общении жест отсутствует.

Абстрактно-изобразительные жесты

К абстрактно-изобразительным жестам относятся жесты, которые используются для неверbalного изображения абстрактных понятий или ситуаций.

Разведение руками с опусканием их почти до уровня бедер, поднятие плеч, выдвижение вперед нижней губы. Разговорный жест, обозначает незнание, недоумение, затруднительное положение. В немецком общении есть аналогичный жест, но при выполнении его руки остаются на уровне плеч, не опускаются вниз.

Потирание лба или висков пальцами. Стилистический нейтральный жест, обозначает попытку вспомнить. Существует аналогичный немецкий жест, но лоб или виски потираются ладонью или одним пальцем. Жест редкий.

Соприкосновение указательных пальцев рук на уровне груди с неоднократным постукиванием друг о друга. Жест разговорный, означает плохие отношения, нелады людей друг с другом. Обычно включается непосредственно в вербализацию “Они (жест) друг с другом”, “Они друг с

другом (жест)”. В немецком общении отсутствует.

В русском коммуникативном поведении отсутствует жест оттягивания пальцем нижнего века в значении “секрет”, используемый в немецком общении.

Жест, имитирующий взвешивание и изображающий движение чашек весов. Используется при описании колебаний в выборе решения или при описании ситуации, которая некоторое время не склонялась ни в одну, ни в другую сторону. Сопровождается вербализацией: “И так, и так …”, “Все было на грани” и др. В немецком общении отсутствует.

Конкретно-изобразительные жесты

Жесты этого типа обозначают предметы или людей по определенным признакам.

Разведение рук на уровне груди для имитации крупных габаритов тела человека, часто кисти рук совершают легкие колебание движения вверх-вниз. Жест обозначает сильно расположенного человека и завершает вербализацию “Он стал воо… (жест)”, “Он теперь воо… (жест)”. Жест разговорно-фамильярный. Вариант его является разведение ладоней на уровне лица, имитирующее увеличение объема щек. В немецком общении оба варианта жеста отсутствуют. Вместе с тем для обозначения расположенного человека немцы нередко используют жест - имитацию двумя руками расширения бедер.

Ладонь руки подносится к углу рта и совершает частые движения вверх-вниз. Жест пренебрежительный, означает болтливого человека. Включается в вербализацию “Он – (жест)” или сопровождается фразеологизмом “Язык без костей”. Жест имитирует движение языка. Отсутствует в немецком общении. В немецком общении возможен в этом значении другой жест – ладонь подносится ребром ко рту и совершает колебательные движения, сопровождаемые вербализацией bla-bla-bla-bla.

Большой палец упирается в среднюю часть фаланги указательного пальца этой же руки (обычно правой). Разговорный жест, означает небольшое количество чего-либо, незначительную часть некоторого целого. В немецком общении не функционирует.

Пальцы правой руки вытянуты вверх и собраны вместе, в щепочку рука вытянута несколько вперед на уровне груди и совершает легкие колебательные движения. Жест разговорный. Означает “щепотку”, небольшое количество сыпучего вещества. Может означать просьбу дать небольшое количество этого вещества, в этом случае сопровождается вербализацией “чуть-чуть”. В немецком общении отсутствует.

При жестовом изображении цифр русские обозначают цифру 1 указательным пальцем, цифру 2 указательным и средним, цифру 3 – большим, указательным и средним, цифру 4 – всеми пальцами, за исключением большого, цифру 5 – всеми пальцами. Цифры изображаются обычно пальцами правой руки, при необходимости изобразить число от 6 до 10 используют пальцы левой руки: для обозначения цифры 6 прибавляется большой палец

левой руки, 7 – указательный и большой, а дальше – аналогично правой руке. Цифры более 10 обычно не изображаются.

Жестовый счет у русских осуществляется следующим образом. Указательный палец правой руки загибает по одному пальцу левой руки, начиная с мизинца. В случае необходимости счет продолжается на правой руке, пальцы загибаются указательным пальцем левой руки; возможен также счет без участия второй руки: считающий последовательно сгибает пальцы одной руки, начиная с мизинца.

Для немцев характерно выбрасывание пальцев из собранной в кулак руки, как при жестовом изображении цифр, так и при счете. Цифру 1 в обоих случаях обозначают большим пальцем, цифру 2 – указательным и большим, в остальном различия между русским и немецким пальцевым счетом нет.

Ввинчивание указательного пальца правой руки в правый висок. Жест грубый, означающий “сумасшедший”, “выживший из ума”, или “поступивший как сумасшедший”. Указательный палец, приставленный к виску, совершает небольшие повороты направо и налево. Может входить в состав вербализации “Он ведь (жест)”. “Он, по-моему, совсем (жест)” и др.

В немецком общении есть аналогичный жест, но он обычно выполняется 1 – 2 раза с разговором подушечки указательного пальца в направлении слушателя, часто сопровождается имитацией свиста – “фьюить”.

Эмоциональные жесты

Одобрение, неодобрение

Поднятие большого пальца. Жест фамильярный, означает “Отлично!” Выполняется энергичным движением правой руки вперед от плеча с фиксацией положения. Большой палец поднят вверх с начала выполнения движения. Жест преимущественно мужской, молодежный, экспрессивный, носит усиительный характер. Аналогичный жест в немецком общении не очень распространен, обычно выполняется менее энергично, большой палец поднимается из сжатого кулака при уже вытянутой вперед руке.

В русском общении отсутствует жест одобрения выступающего (говорящего) в форме стука костяшками пальцев по столу (принято в вузах на научных конференциях, в среде интеллигенции). Русскими этот жест воспринимается как странный.

Интенсивное групповоеapplодирование, выполняемое не синхронно в процессе выступления оратора вне связи с какой-либо его законченной мыслью. Является сигналом неодобрения его речи аудиторией и призывом покинуть трибуну. Жест новый, используется в условиях массовых собраний, митингов. В немецком общении отсутствует.

Поцелуй щепотки пальцев. Означает эмоциональное одобрение, удовольствие. Жест преимущественно шутливый, часто используется мужчинами как знак одобрения женщины в разговоре с другими мужчинами. Жест мало употреблен. В немецком общении более употреблен, означает не

только одобрение женщины, но и одобрение предмета, используется и женщинами.

Угроза, дразнящие, оскорбительные жесты

Похлопывание сзади по своим ушам. Жест грубый, адресован к собеседнику или тому, о ком говорят, означает неумелого, несообразительного человека, неудачника, растяпу. Выполняется, когда хотят сказать, что тот или иной человек не справился с чем-либо, растерялся в несложной ситуации. Жест отсутствует в немецком общении.

Ладони обеих рук на уровне ушей, пальцы быстро многократно сгибаются в направлении собеседника. Жест фамильярный, означает, как и предыдущий растяпу. Может сопровождаться фразеологизмом “хлопать ушами”: “А он только (жест) ушами хлопает”. В немецком общении жест не используется.

Легкий удар кончиками пальцев раскрытой ладони по лбу с вербализацией типа “Что же я сделал!”, “Ах, я дурак!”. Жест выражает досаду, сожаление по поводу неудачного решения, не благоприятного события, произошедшего по вине говорящего. В немецком общении аналогичный жест выполняется более интенсивно, раскрытым ладонью, при ударе по лбу должна произвести отчетливый звук. Может сопровождаться вербализацией, аналогичной русской, и диффузным звукосочетанием типа “ыы”.

Горе, отчаяние, досада

Кратковременное охватывание руками головы спереди или с боков, сопровождаемое междометием “Ой”, вербализацией типа “Что же я наделал!”. Жест выражает осознание ошибочного действия, сожаление об этом. Эквивалентен фразеологизму “схватиться за голову”. Жест разговорный, в немецком общении отсутствует.

Подведем некоторые итоги. Всего в материале, которым мы располагаем, представлено около 140 наиболее употребительных русских жестов. Эти жесты используются в повседневном общении; нами не анализировались спортивные, технические, охотничьи, военные, милиционные и другие специальные жесты. Из числа рассмотренных нами русских жестов 20 оказались безэквивалентными для немецкого коммуникативного поведения, а 29 имеют определенные отличия от немецких жестов. В числе этих 29 жестов отмечены различия по значению (13 жестов), различия в форме жеста, в технике его исполнения (13 жестов), а также различия одновременно в форме и значении (3 жеста).

Таким образом, среди русских жестов приблизительно одна треть требует комментария для немецкого учащегося, а две трети такого комментария не требуют, имея достаточно адекватные жестовые соответствия в немецком коммуникативном поведении. Подчеркнем, что подавляющее большинство русских безэквивалентных и национально-специфических жестов будут

понятны немецкому учащемуся в процессе коммуникации, что свидетельствует об отсутствии существенных различий между русским и немецким невербальным коммуникативным поведением. Вместе с тем, в процессе обучения русскому языку немецкие учащиеся должны получить представление о русской невербальной системе с учетом ее отличий от немецкой.

Представляется, что обучение жестам должно осуществляться с рецептивной целью, чтобы дать возможность учащимся адекватно понимать инокультурные жесты. Видимо, обучение должно проводиться преподавателем путем демонстрации и сравнения, так как никакие иллюстрации не могут адекватно передать динамику выполнения и специфику национального жеста.

Н. А. Мруць
Воронежский ИПКиПРО

Особенности оформления делового письма в немецком и русском делопроизводстве

Формам деловой переписки, принятым сегодня в международном общении, более 150 лет. Родиной их традиционно считается Англия. Именно оттуда ведут свое начало основные правила этикета составления деловой корреспонденции. В силу того, что английский язык является общепринятым языком международного делового общения, то и существующий международный стандарт оформления деловых писем ориентирован на англоамериканский вариант. Расширяющиеся международные связи, влияние английского языка как международного языка делового общения приводят к стандартизации (унификации) делопроизводства в разных странах. Но нельзя не отметить и ряд особенностей (характерных для ведения деловой переписки, в частности), связанных с влиянием норм и традиций национального коммуникативного поведения, особенностей национального делопроизводства.

Германия является страной, где сложились давние и устойчивые нормы и традиции в делопроизводстве. В России также существуют особенности делового общения, отличные от международных, связанные с начальной стадией формирования рыночных отношений в нашей стране.

В России формальным сторонам деловой корреспонденции уделяется меньше внимания, чем на Западе. Главное же отличие немецкой манеры вести дела – высокая степень официальности. Немцы очень сдержаны в деловом общении и тщательно соблюдают принятые формы общения.

Соблюдение правил переписки свидетельствует о вежливости, уважении к партнеру. На Западе очень пристальное внимание уделяется этике бизнеса, что, к сожалению, часто игнорируется в России. Там считается, например, совершенно необходимым письменно подтвердить предварительную

договоренность или прием заказа, извиниться за непредвиденную задержку его исполнения, дать промежуточный ответ, сохранить конфиденциальность получения информации, поблагодарить за оказанную любезность или сделанную покупку, официально поздравить коллегу с повышением по службе или днем рождения.

В немецком деловом общении в коммерческой корреспонденции очень важное место играет фактор формуляра, т.е. способ официального оформления делового письма. Формуляр делового письма дает возможность получить точные данные о фирме-партнере (координаты, структура, финансовая и юридическая состоятельность, состояние делопроизводства и прочее), об отправителе (опыт работы, профессионализм, компьютерная грамотность, статус и положение внутри фирмы и прочее), о получателе (статус, степень знакомства с отправителем и прочее), о юридической и иерархической квалификации делового текста (копия или оригинал, относится ли к коммерческим документам, важным или рядовым рабочим письмам, общая цель сообщения и прочее), о его коде, о канале связи и многом другом.

В Германии главным документом, регламентирующим формулярно-композиционный вид делового текста, являются “Regeln fuer Maschinenschreiben” – DIN 5008. Однако эти правила имеют скорее рекомендательный характер. Степень свободы и творчества составителя письма ограничивается лишь его опытом и профессионализмом, который основывается, прежде всего, на знании норм и традиций немецкоязычного делопроизводства, а также международных тенденций оформления деловых бумаг. В России таким документом является «ГОСТ Р 6.30-97. Унифицированная система ОРД. Требования к оформлению документов». Он также носит рекомендательный характер и ориентирован на международный стандарт.

Особое внимание в немецком делопроизводстве уделяется способу оформления деловых бумаг при переписке с властями – Korrespondenz mit Behoerden, когда используют более консервативный стиль Verwaltungssprache/ Kanzleistil. Нормализаторы рекомендуют строже соблюдать такие параметры машинописи как: поля страницы, вид абзаца, отступ - Eingrueckung, пропуск строк, расположение реквизитов, а также списки и перечисления – Gliederung/ Ordnungssystem, Aufzaehlung - в соответствии со шкалой печатной машинки - Schreibmaschinenskala. Несмотря на то, что все современные офисы в Германии оборудованы факсимильными аппаратами и компьютерами, а у секретарей в машинах, как правило, имеются факс-модемы, при обращении в государственные и властные структуры официальные бумаги следует печатать на машинке стандартным шрифтом; возможен вариант и компьютерного текста, но при этом разрешается использовать только шрифт Courier.

Если письмо адресовано деловому партнеру, то отправитель свободен в выборе шрифта, однако международная традиция делопроизводства гласит: используйте Times New Roman, а в таблицах и заголовках – Arial. В русском делопроизводстве не существует указаний на необходимость использования печатных машинок при составлении официальных деловых писем.

Деловое письмо обычно посыпается на бланке фирмы; письмо может, быть напечатано и на чистом листе, однако, при этом всегда остается неизменным основной набор реквизитов. Это: 1) колонтитулы (верхний и нижний), 2) штамп отправителя + адрес получателя, 3) обозначение типа связи, 4) указание на количество страниц письма, 5) тема/ предмет письма, 6) особые пометы (факультативно), 7) обращение, 8) текст письма, 9) формула прощания, 10) название фирмы отправителя, 11) роспись и подпись (с расшифровкой), 12) примечания.

Несоблюдение формы и отсутствие ряда реквизитов на деловом письме в немецком делопроизводстве встречается чрезвычайно редко и может свидетельствовать о том, что факс передан новичком-непрофессионалом, или отправлен в необычных условиях. Такой факс требует к себе внимания со стороны получателя, вероятнее всего последует просьба его подтвердить, так как он не отвечает требованию достоверности и не может быть идентифицирован как документ фирмы-отправителя. Неправильное оформление корреспонденции – один из признаков несолидности фирмы или чужого, «фальшивого» отправителя.

Развитая система делопроизводства в Германии проявляется в сложном формуляре. Чем сложнее формуляр, тем совершеннее принятая на фирме система делопроизводства, тем серьезнее, солиднее и надежнее сама фирма. Анализ формуляра позволяет определить тип и характер делового письма, создать коммуникативный (социально-психологический и речевой) портрет отправителя.

Если немецкая фирма ориентирована на внешние связи, на международный бизнес, то показательным является параллельное употребление в штампе отправителя немецких и английских слов-указателей: Datum/ Date:, An/ To:, Firma/ Company:, Von/ From:, Telefax-Nachricht/Cover Sheet, Seiten/ Number of pages (including cover sheet): – это свидетельствует о факте постоянной и давней ориентации фирмы на внешние связи, на международный бизнес.

Факс в немецком делопроизводстве имеет верхний и нижний колонтитулы, которые являются его границами.

Данные колонтитула несут информацию о ее руководителях, о ее юридической и банковской поддержке, о ее структуре (материнской фирме или филиалах, о ее подразделениях и отделах, например: Export, Auftragsannahme). Чем полнее отражена в колонтитуле информация о фирме, тем более открытой она хочет себя представить, это означает, что ей есть, чем гордиться и нечего бояться. У некоторых экологически продвинутых фирм в нижний колонтитул занесена информация об экологической чистоте бумаги, на которой отпечатан ее бланк. Внимательный анализ колонтитулов может сообщить нам важную информацию о письме: когда и откуда отправлен, копия это или оригинал, а также об отправившей его фирме, о ее весе и статусе.

Кроме колонтитулов и «шапки» (логотип и иногда отпечатанный адрес фирмы) бланка фирмы, вся остальная содержательно-графическая информация заносится сотрудником-отправителем, в том числе, штамп

отправителя + адрес получателя Innenadresse/ Versendungsform + Empfaengeranschrift. По-немецки этот реквизит называют Briefkopf, хотя иногда Briefkopf относят к “шапке” бланка. Он включает в себя обязательно: 1) название фирмы-отправителя Firmenbezeichnung, 2) имя сотрудника-отправителя Name des Absenders, 3) номер телефона и факса/e-mail отправителя, 4) адрес и имя получателя Name & Anschrift des Empfaengers; если письмо предназначено именно для определенного сотрудника, стоит помета: Z. Н. – zu Haenden Frau Olga Klimowa, 4) номер телефона и факса получателя, 5) дату/ Datum отправки письма.

При указании даты в немецком деловом письме месяц указывается полностью – 10 Февраля 2002 г., сокращения приняты только в нашей стране – 10.02.02. В США принято указывать месяц, затем число – Февраль 10, 2002.

Факультативно содержатся следующие реквизиты – 1) должность или отдел фирмы, который представляет данный сотрудник, и специальный знак / - код сотрудника, отправившего письмо, например, Frau Neustadt/ Export; Herr Ott/ Marketingleiter. Следует отметить, что коммуниканты с самым высоким иерархическим статусом, при условии непервоначального контакта с фирмой-адресатом, крайне редко указывают свою должность или титул.

Не указывают свою должность и так называемые свободные/частные предприниматели, и это объяснимо – нередко они действительно ее не имеют, Geschaeftsmann/ Businessman сам себе хозяин. Коды / (специальные знаки руководящих сотрудников или сотрудников, на чье имя приходят счета в банке) - Diktatzeichen – это явление новое, но их указание стало обязательным в письмах документного характера: Dr. T/Ko, ALI/SG.

Обозначение типа связи бывает обязательным, если это - факс, и необязательным при другом виде пересылки.

Указание общего количества страниц отправленного документа – необходимый реквизит в связи по факсу.

Обращение/ Anrede – самый консервативный и простой реквизит. Как и формула прощания, обращение всегда выделяется отдельным абзацем. В Германии существует ограниченное число формул обращения от формального до фамильярного – максимально 12:

а) Sehr geehrter Herr Krieghoff, - самое частотное обращение с указанием фамилии; Sehr geehrter Herr Dr. Krieghoff – т.е. с указанием звания; Sehr geehrter Herr Karl Krieghoff – указание имени; Geehrter Herr ... es folgt der Familienname; SGH,...SGDUH, (аббревиатура, как принято в телексовой связи), б) Sehr geehrte Damen und Herren; Sehr geehrte Herren, - при обращении в государственную инстанцию или в официальном заявлении/ циркуляре без указания фамилий, в) Guten Tag, Herr Krotov; Lieber Herr Saitzev, - при неформальных отношениях и личном знакомстве, г) Hallo, Olga, - при переписке двухрядовых коммуникантов. В отличие от собственно деловых писем в рекламных письмах используются сходные обращения, но в восклицательной форме, т.е. с восклицательным знаком, а не с запятой: *Sehr geehrte Herren!* Следует отметить также, что обращения в рекламных письмах

чуть более разнообразны, помимо указанных форм встречаются: *Lieber Kunde!* *Liebe Kunden!* *Sehr geehrte Firma!* *Sehr geehrter Geschaeftsfreund!*

В русском деловом письме после вступительного обращения принято всегда ставить восклицательный знак. Формы обращения у нас не так разнообразны, начало письма может иметь следующие варианты обращения: «Уважаемый Игорь Леонидович!», «Господин Зорин!», «Игорь Леонидович!», «Уважаемый г-н Зорин!», «Уважаемые господа!» (употребляется, когда неизвестны имена получателей письма).

В англоязычном делопроизводстве деловое письмо обычно начинается со слов “Dear ...” В зависимости от того, кому письмо адресовано, могут использоваться следующие фразы:

Dear Sir – если имя получателя неизвестно;

Dear Madam - если имя получателя неизвестно;

Dear Mr Neit - господину, имя которого известно;

Dear Mrs Fella – замужней женщине;

Dear Miss Jones – незамужней женщине;

Dear Ms Morrisson – замужней или незамужней женщине.

Если у адресата имеется титул или звание, то опускать его во всех западных странах, в том числе и в США, считается невежливым. Таким образом, в обращении будет указано: Доктору Д.Смиту, профессору А.Шульцу. Только особенностью немецкого делового стиля является формула обращения «Господин + титул или звание + фамилия». В русском деловом письме звание, должность (титулы в России отсутствуют) в обращении указывать не принято, однако будет невежливым опустить их (если они имеются) в «шапке» письма.

В Германии существует два типа формулы прощания / Grussformel: формальные обязательные и «свободные» необязательные. Первые употребляются всегда, их отсутствие равносильно тому, что собеседник ушел, не сказав "до свидания". 1) *mit freundlichen Gruessen* – в абсолютном большинстве писем, 2) другие формулы: *mit freundlichem Gruss; Hochachtungsvoll; mit den besten Gruessen; mit freundlicher Empfehlung; MFG* (принятое в телековой связи сокращение) – в 5-7 % писем, 3) *mit vorzueglicher Hochachtung* - употребляется исключительно в письмах, адресуемых в государственные инстанции. Связкой между реквизитами - текстом и формулой прощания выступает глагол (*und*) *verbleiben*, после него уже не может быть передана важная (с внеязыковой точки зрения) информация, но pragmatisch-relevantной такая информация может быть.

Более разнообразны и pragmatisch богаче свободные формулы прощания, употребляемые, главным образом, в письмах больших форматов и между партнерами, коротко знакомыми. Можно встретить следующие формулы прощания, содержащие одновременно другие иллокуции: благопожелание, благодарность, надежду на продолжение контакта: *Mit herzlichem Dank und freundlichen Gruessen an alle Mitarbeiter/ Viel Erfolg und herzliche Gruesse an Alle. Schoenes Wochenende! / Beste Gruesse und weiterhin viel Erfolg/ Ihr Martin Ott. /In Erwartung Ihrer baldigen Antwort.* Использование свободных формул

прощания – показатель не только авторской манеры и склонности автора к речетворчеству, но и его желания понравиться адресату, проявить к нему свое особое расположение, а также форма выражения его хорошего настроения, связанного с профессиональными удачами или надеждами. Наличие в свободном деловом письме фраз, подобных вышеприведенным, не может служить маркером социального статуса автора. Этот момент связан, скорее, с психологическим типом коммуниканта – более эмоциональным, чем классический тип сдержанно-вежливого делового коммуниканта.

В России заканчиваются письма обычно фразами: «Надеемся, что наша просьба не будет для Вас затруднительной»; «Мы рассчитываем на успешное продолжение сотрудничества»; «Мы надеемся на Вашу заинтересованность в расширении связей»; «Суважением».

В соответствии с международной традицией, ориентированной на унифицированный англоамериканский вариант для вежливого завершения письма используются следующие стандартные фразы: «Faithfully yours» - если не известно имя получателя, и «Sincerely yours» - если имя получателя известно.

Роспись и подпись (с расшифровкой)/ Unterschrift/ Gegenzeichnung в немецком деловом письме несет важную pragmalingвистическую информацию об отправителе. По ним можно выделить три категории отправителей по их иерархическому статусу: 1) глава фирмы или руководящий сотрудник; 2) менеджер; 3) рядовой сотрудник фирмы.

Если за названием фирмы следует подпись с росписью без расшифровки, значит, письмо отправлено самим главой фирмы: NATURWAREN OHG/ DR. PETER THEISS (роспись) Dr. Peter Theiss.

В случае, если письмо направляется в государственные органы, расшифровка обязательна или в первоначальных контактах: Generaldirektor ZAO Rosagroservice/ Karl Krieghof (роспись); T. Ali/ Geschaeftsuehrer.

Представители среднего менеджмента должны указывать свою должность в подписи: DG Agropartners / Absatzberatungs- und Projekt- GmbH/ Ludwig Eger (роспись); Günther Berger/ Landwirtschaftsreferent; i. V. – in Vertretung перед подписью означает, что отправитель несет ответственность за документ и что ранг отправителя (обычно это заместитель управляющего фирмой, начальник отдела и проч.) достаточно высок, чтобы представлять свою фирму; напротив, i. A. – im Auftrag означает, что ранг отправителя невысок, как правило, это рядовой сотрудник отдела: ассистент, референт.

Для русского делового общения характерно, что письма по финансовым вопросам подписывает руководитель и главный бухгалтер фирмы. Письма, дающие какие-либо гарантии, имеющие юридические и финансовые последствия, заверяются печатью фирмы.

В большинстве стран подпись на деловом письме ставится с правой стороны листа, как раз под заключительной формулой вежливости. В Германии принято заключительный комплимент располагать с левой стороны, и подпись ставится также с левой стороны.

Немалое внимание немцы уделяют оформлению примечаний, которые находятся в самой нижней части первой страницы. По-немецки они называются *Anlagenvermerke* или иногда могут иметь обозначение *Remarks* (англ.); если фирма ориентирована в первую очередь на внешнеторговую деятельность, то, как уже отмечалось, она использует английскую лексику, сокращения и спецсимволы. Примечания обычно содержат сведения о приложении: чаще стоит слово *Anlage*, оно обозначает, что приложение состоит из одно- или многостраничного текста, представляющего собой единый документ; форма множественного числа *Anlagen* употребляется, если в приложении разные типы документов. В примечании может быть обозначен тип деловой бумаги, если это не указано в *Briefkopf*, например: *Dieses Angebot ist freibleibend*. Также в примечании может стоять отметка об отправке копий другим лицам *Verteilervermerk – Kopie an:/ c. c. Herr Nardi*. При пересылке финансового документа стоит отметка о количестве экземпляров: *1-fach/ fold/ fois*.

Для того, чтобы не допустить расхождений в понимании текста, или для подтверждения передачи важных бумаг в делопроизводстве некоторых фирм принято на последнем листе сообщения повторно указывать общее число отправленных страниц - *Gesamt Seiten 03* – что можно понимать как “конец связи”. Известно, насколько важно в деловой коммуникации избежать недоразумений и непонимания, поэтому в колонтитулах ряда делопроизводств напоминают о возможных помехах в коммуникации и просят, в случае сомнения в содержании или объеме текста, подтвердить получение текста или запросить его повторную передачу: *If you do not receive all pages, please ring*. Некоторая избыточность подобных формул – одна из особенностей немецкой деловой корреспонденции, обеспечивающая надежность передачи информации и способствующих предотвращению ошибок и помех коммуникации.

В завершение следует сказать, что фактор формуляра является признаком, не только объединяющим коммерческую корреспонденцию, но и различительным признаком, позволяющим выявить особенности национального делового стиля той или иной страны.

Использованные источники:

- Деловое письмо на английском языке. Тверь, 1992.
- Стернин И.А. Русский речевой этикет. Воронеж, 1996.
- Чигридова Н.Ю. Речевое поведение коммуниканта в жанре деловых эпистолярий: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1999.
- Холопова Т.И., Лебедева М.М. Протокол и этикет для деловых людей. Москва, 1994.

Специфика русского коммуникативного поведения

Е.А.Попова
Липецкий ГПУ

Упреки и попреки в русском коммуникативном поведении

К основополагающим заповедям русского коммуникативного поведения и коммуникативной этики относится представление о том, что нехорошо упрекать и попрекать. Это закрепилось в лексическом значении, уничтожающей коннотации, сочетаемости, функционировании глаголов упрекать, попрекать — существительных упрек, попрек, определило специфичность речевых и мысленных актов упрека и попрека в русском языке. Русский никогда не скажет *Я упрекаю тебя в том, что ... (за то, что...)*, *Я попрекаю тебя ...*, т.е. не употребит глаголы упрекать и попрекать перformatивно, так как такое употребление было бы равносильно саморазрушительному коммуникативному действию, иллютивному самоубийству.

Упрекать и попрекать входят в группу речевых актов осуждений, упреков и оскорблений (Гловинская 1993, с. 194-198). Речевой акт упрека характеризуется следующими признаками:

1. Адресат упрека (упрекаемый) принадлежит к личной сфере говорящего (упрекающего), т.е. упрекать — это «личный» речевой акт. К личной сфере говорящего, которая является относительно самостоятельным фрагментом языковой картины мира, относятся «сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально» (Апресян 1995, с. 645).

2. Упрекать можно лишь за то, что в той или иной степени ущемляет интересы субъекта речевого акта.

3. Говорящий хочет, чтобы адресат понял его чувства, осознавал ошибочность своего поведения, которое получает отрицательную оценку говорящего, — иными словами, упрекающий хочет указать на свои обманутые ожидания и пробудить в упрекаемом угрызения совести.

4. Действия и / или слова упрекаемого огорчили упрекающего, который, доводя свое огорчение до сведения адресата, слов упрекать, упрек не произносит, так как не хочет совершить по отношению к себе разрушительное коммуникативное действие. Если упрекающий все же говорит: *Я вас не упрекаю, но ...*, *Это не упрек, а ...*, то высказывания тем самым приобретают статус самофальсифицируемых. О парадоксе самофальсификации см. Шмелев 1990.

5. Адресат речевого акта упрека обычно очень болезненно реагирует на упреки, хотя упрекающий не всегда бывает не прав. Результатом этого речевого акта часто бывают гнев, обида, душевная боль и сходные с ними чувства, которые начинает испытывать упрекаемый.

Проиллюстрируем названные признаки примерами, взятыми из произведений русских писателей.

Ястребом напустился он [отец] на сына, упрекал его в безнравственности, в безбожии, кстати, выместили на нем всю накопившуюся досаду против княжны Кубенской, осыпал его обидными словами (Тургенев. Дворянское гнездо).

— А я послал сейчас за доктором, — сказал Алексей Александрович.

— Я здоров; зачем мне доктора?

— Нет, маленькая кричит, и, говорят, у кормилицы молока мало.

— Для чего же ты не позволил мне кормить, когда я умоляла об этом.

Все равно (Алексей Александрович понял, что значило это «все равно»), она ребенок, и его умортят. <…> Я просила кормить, мне не позволили, а теперь меня же упрекают.

— Я не упрекаю.

— Нет, вы упрекаете! Боже мой! Зачем я не умерла! — И она зарыдала. — Прости меня, я раздражена, я несправедлива, — сказала она, опомнившись. — Но уйди ... (Л.Толстой. Анна Каренина).

А когда Старцев в обществе, за ужином или чаем, говорил о том, что нужно трудиться, что без труда жить нельзя, то всякий принимал это за упрек и начинал сердиться и назойливо спорить (Чехов. Ионыч).

6. Упрекать можно не только кого-то, но и себя, т.е. субъектом и адресатом упрека может быть одно и то же лицо. Самоупреки больше характерны не для речевых, а для ментальных (мысленных) актов, при этом допускается перформативное употребление глагола упрекать (Я упрекаю себя...).

Например:

Милый мой! Я всю ночь думала о твоем предложении... Я не стану с тобой лукавить. ... я не могу бежать с тобою, я не в силах это сделать. Я чувствую, как я перед тобою виновата; вторая моя вина еще больше первой, — я презираю себя, свое малодушие, я осыпаю себя упреками, но я не могу себя переменить (Тургенев. Дым).

Он [Каренин] жалел и сына больше, чем прежде, и упрекал себя теперь за то, что слишком мало занимался им (Л.Толстой. Анна Каренина).

Вариантом самоупреков являются упреки совести. Если упрекать другого нехорошо, то упрекать себя даже полезно.

7. Упрекать можно не только с помощью слов, но и жестом, взглядом, молчанием и другими невербальными средствами, причем по своей силе действие неверbalных упреков нисколько не уступает, а иногда даже и превышает действие верbalных упреков.

Например:

Красноречие Санина не пропало даром. Фрау Леноре начала взглядывать на него, хотя все еще с горестью и упреком, но уже не с прежним отвращением и гневом; потом она позволила ему подойти и даже сесть возле нее <…> потом она стала упрекать его – не одними взорами, но словами, что уже означало некоторое смягчение ее сердца <…> (Тургенев. Вешние воды);

… Ирина даже бровью не пошевельнет и сидит неподвижно, со злую улыбкою на сумрачном лице; а родителям ее одна эта улыбка горше всяких упреков, и чувствуют они себя виноватыми, без вины виноватыми перед этим существом <…> (Тургенев. Дым).

8. Самым важным семантическим свойством речевого акта упрека является косвенность, замаскированность. Говорящий, упрекая кого-либо за что-либо, не прямо утверждает, что его собеседник поступил плохо (высказывание Я упрекаю тебя в безнравственности аномально), а указывает на это косвенными способами. Упрек – косвенный речевой акт, так как его иллоктивная цель имплицитна (не находит прямого отражения в языковой структуре употребленного высказывания) и выводится адресатом благодаря его коммуникативной компетенции. Замаскированный характер цели этого речевого акта и является тем «подрывным» фактором, не допускающим употребление глагола упрека вместе с местоимением я.

Интересные результаты дает сравнение упреков и попреков как речевых актов, входящих в одну и ту же группу. Если в речевом акте упрека статусы субъекта и адресата (упрекающего и упрекаемого) могут быть равны, хотя это бывает не всегда, то в речевом акте попрека коммуниканты имеют разные статусы в возрастной, социальной, семейной и прочей иерархии. Одним словом, попрекаемый всегда находится в зависимом от попрекающего положении. Иллоктивная цель попрека – «поставить адресата на место», напомнить о его зависимом от субъекта речевого акта положении, вызвать у него обиду или досаду, причем не для того, чтобы он исправился в будущем, а чтобы «чувствовал»» (Гинзбург 1999, с. 239). Это и есть то ментальное состояние, в которое говорящий намерен привести своего адресата.

Попрекаемый, в отличие от упрекаемого, лишен возможности исправиться в будущем, потому что ситуация, которой его попрекают, уже вышла из-под его контроля.

Например:

… Они [метки] даже ее [кrottую] были, попрекали куском (Достоевский. Кrottкая); … Он [Иванушка] вспомнил, что было лет тридцать назад с

соседом, стариком Лукьянном: Лукьян захворал, ему купили гроб – тоже хороший, дорогой гроб, – привезли из города муки, водки, соленого судака; а Лукьян возьми да и поправся. Куда было девать гроб? Чем оправдать траты? Лукьяна лет пять проклинали потом, сжигали попреками со свету... (Бунин. Деревня);

На другой день она [Варвара Петровна] встретилась со своим другом как ни в чем не бывало; о случившемся никогда не поминала. Но тринадцать лет спустя, в одну трагическую минуту, припомнила и попрекнула его, и так же точно побледнела, как и тринадцать лет назад, когда в первый раз попрекала (Достоевский. Бесы).

Попрекам свойственна резкая, придирчивая форма выражения и неоднократное возобновление.

Как и речевой акт упрека, речевой акт попрека имеет двух говорящих: первый – это попрекающий, автор речевого акта, который квалифицируется вторым говорящим как попрек.

Например:

– *Непонятное дело, – уверял охранитель, – я тут непричастен, товарищ Рокк.*

– *Спасибо вам, и от души благодарен, – расплакал его Александр Семенович, – что вы, товарищ, думаете? Вас зачем приставили? Смотреть. Так вы мне и скажите, куда они делились? Ведь вылупились они? Значит, удрали. Значит, вы дверь ставили открытой, да и ушли себе сами. Чтоб были мне цыплята!*

– *Некуда мне ходить. Что я, своего дела не знаю, – обиделся наконец, воин, – что вы меня попрекаете даром, товарищ Рокк (Булгаков. Роковые яйца).*

Речевой акт попрека – «палка о двух концах»: если первый говорящий (попрекающий) в своем речевом акте выражает негативное отношение к попрекаемому, то второй говорящий (им может быть как сам попрекаемый, так и другое лицо, в художественном тексте это повествователь) в свою очередь негативно оценивает попрекающего.

Многое из сказанного относительно упреков будет справедливым по отношению к попрекам. Существенное различие между этими речевыми актами касается степени отрицательной оценки, которая в несколько раз сильнее у попреков. Слова *упрекать, упрек*, которые употребляет второй говорящий, оценивая чужой речевой акт, содержат в своем лексическом значении отрицательно - оценочную сему, которая может как усиливаться, так и смягчаться. Усиление отрицательной оценки происходит в тех случаях, когда глагол *упрекать* сочетается с наречиями, а существительное *упрек* с прилагательными с отрицательно-оценочным компонентом в значении, такими как: горький – горько, злобный – злобно, злой – зло, жестокий – жестоко,

колкий – колко, несправедливый – несправедливо, суровый – сурово, тяжелый – тяжело, язвительный – язвительно и т.п.

Например:

… В своем вытье [Аксинья] поминала «и русые кудри Петра Михайловича, и его любовь, и свое горькое житье с сиротой Ванькой», и горько упрекала «Петрушу за то, что он пожалел брата, а не пожалел ее горькую, по чужим людям скитальщицу» (Л.Толстой. Хаджи-Мурат).

– Княгиня сегодня только узнала, что по векселям ее и ее сына Владимира иск остановлен, - продолжал Хлебонасущенский. – Это ее очень удивило … но … она благодарит вас за ваше великодушие.

– При этих безразлично сказанных словах молодой человек снова почувствовал, как его ударило каким-то колючим и горьким упреком; в особенности фраза «ваше великодушие» казалась ему невыносимой (Крестовский. Петербургские трущобы).

Однако негативная оценка речевого акта упрека может и смягчаться, если слова упрекать, упрек, принадлежащие дискурсу второго говорящего, сочетаются с прилагательными и наречиями, в лексическом значении которых содержится положительно-оценочная коннотативная сема: беззлобный – беззлобно, дружеский – дружески, кроткий – кротко, ласковый – ласково, мягкий – мягко, нежный – нежно и т.п.

Например:

Гагин встретил меня по-приятельски, осыпал меня ласковыми упреками <…> (Тургенев. Ася);

Он [Митя] не спеша умылся, оделся, выпил стакан чаю и пошел к обедне. «Мама уж ушли, – ласково упрекнула его Параша, – а вы как татарин какой…» (Бунин. Митина любовь).

Таким образом, упрек справедливо назван «мягким» речевым актом (Гловинская 1993, с. 197), упрекающий не обязательно плохо относится к упрекаемому.

В отличие от упреков, негативная оценочность попреков смягчению не подлежит, поэтому существительное попрек и глагол попрекать сочетаются только с прилагательными и наречиями, имеющими в своем лексическом значении отрицательно-оценочную сему.

Например:

…Селиван, по нежной доброте своего сердца, был тронут горестной судьбою беспомощной дочери умершего в их городе отставного палача. Девочку эту никто не хотел приютить, как дитя человека презренного. Селиван был беден, и притом он не мог решиться держать у себя палачову

дочку в городе, где ее и его все знали. Он должен был скрывать от всех ее происхождение, в котором она была неповинна. Иначе она не избежала бы тяжких попреков от людей, неспособных быть милостивыми и справедливыми (Лесков. Пугало).

Отрицательная оценочность попреков настолько сильна, что не нуждается ни в каком дополнительном усилении, поэтому прилагательные и наречия сопровождают слова попрек, попрекать довольно редко.

Индикатором разных оценок упреков и попреков является возможность самоупреков, которые всегда получают положительную оценку, и невозможность самопопреков (высказывание *Я попрекаю себя ... аномально*).

Упрек может быть как внешним, так и внутренним (мысленным) актом. Упрекать другого и себя можно в мыслях, в душе.

Например:

Он [Пьер] до сих пор в душе своей упрекал и старался презирать ее [Наташу]; но теперь ему сделалось так жалко ее, что в душе его не было места упреку. (Л.Толстой. Война и мир).

Попрек, в отличие от упрека, – это всегда внешний речевой акт, он не может быть локализован в душе – главном внутреннем «органе», сути русского человека. Мысленные попреки обладают сверхмощной разрушительной силой, губительной для попрекающего, из-за чего и отсутствуют в русском языке.

Таким образом, запрет на использование слов *упрекать, упрек, попрекать, попрек* в речевых актах упрека и попрека связан с заповедями русской языковой этики, которая вместе с языковой анатомией, психологией, хронотопом формирует русскую языковую картину мира, определяет национальное коммуникативное поведение и коммуникативную культуру. Попрекающий и упрекающий не являются объектами эмпатии, поэтому мысль о том, что упрекать и попрекать нехорошо, закреплена в лексическом значении, уничижающей коннотации, сочетаемости, предназначенности лексем только для целей вторичной коммуникации (т.е. при передаче и оценке чужой речи), допускающей использование убийственных по своей оценочности речевых актов. При этом самоупреки не только получают положительную оценку, но и чрезвычайно важны как для «самоупрекающего», так и для окружающих его людей.

Итак, анализ упреков и попреков с точки зрения их национальной специфичности очень важен для реконструкции общего взгляда на мир, свойственного носителям русского языка, понимания их коммуникативного поведения.

Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. С. 158-218.

- Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. – М.: ЯРК, 1995.
- Шмелев А. Д. Парадокс самофальсификации // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. – М.: Наука, 1990. С. 83-93.
- Арутюнова Н. Д. Понятие стыда и совести в текстах Достоевского // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. – М.: Индрик, 1999. С. 320-345.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый вып. / Под общим рук. Ю. Д. Апресяна. – М.: ЯРК, 1999.
- Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. – М.: Intrada, 1999.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Оценка при вторичной коммуникации // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. – М.: Наука, 1996. С. 236-242.

Хельмут Эккерт
Институт славистики
университета им. М. Лютера (Галле)

Модели типично русских предложений (односоставные конструкции)

Контрастивные исследования в коммуникативной лингвистике имеют как теоретическое, так и практическое значение: они не только способствуют выявлению национальных особенностей сравниваемых языков, но и подсказывают пути, по которым надо идти педагогу в преподавании этих языков

Наше исследование посвящено описанию типично русских односоставных синтаксических конструкций, которые представляют сложность для немецких учащихся в процессе изучения русского языка как иностранного.

Немецкие учащиеся приходят в замешательство, когда им встречаются конструкции типа «Темнеет!», «Вам начинать!» или «Зима!». Их удивляет, когда им объясняют, что здесь речь идёт о простых односоставных предложениях (ОП), которые в русском языке стоят в одном ряду с определёнными типами простых двусоставных предложений. Немецкие учащиеся привыкли к характерным для немецкого языка двусоставным предложениям. Уже при первом приближении к проблематике односоставных предложений (ОП) немецкие учащиеся должны уяснить следующее: там где в немецком языке в качестве субъекта стоит безличное «es», в русском языке оно по большей части отсутствует, например «Темнеет!» – «Es wird dunkel!»; «Светает!» – «Es wird hell!»; «Зима!» – «Es wird Winter!».

Хотя в русском языке двусоставные предложения доминируют, односоставные предложения играют определённую роль. В учебнике для высшей школы по синтаксису под редакцией К. Габка по этому поводу говорится следующее: «Твёрдо закрепившееся в русской грамматической традиции учение об одно- и двусоставных структурах предложений восходит к

А. П. Шахматову. Дискуссия по этому поводу продолжается. При этом прежде всего речь идёт о том, как определять предикативный центр односоставного предложения.

Преимущественно преобладает мнение, что эти компоненты не выполняют ни функцию субъекта, ни функцию предиката, то есть, таким образом они не могут быть приравнены ни к субъекту, ни к предикату двусоставного предложения, т.к. понятия субъект и предикат зависят друг от друга» (Gabka 1989, с.40). Чешский русист М. Кубрик вводит понятие *единый главный член* (единий одинаково равный член предложения) и определяет его как предикат, который не влияет на подлежащее. Напротив, сказуемое в двучленном предложении является предикатом, который стоит в корреляции с субъектом (агенсом, носителем признаков состояния) (Кубрик 1974). Такой подход даёт возможность положить в основу исследования структуры предложения валентность слов и словоформ, которые образуют предикат. Он находится также в терминологическом соответствии с тем, что каждому предложению соответствует определённый признак предикативности.

В ёщё не опубликованном, но уже написанном нами учебнике по русскому синтаксису (Eckert) мы исходим из того, что главные и второстепенные члены предложения образуют группы, а именно состав подлежащего (*Subjektgruppe*) и состав сказуемого (*Praedikatsgruppe*). В каждом предложении могут присутствовать оба эти состава или только один. В зависимости от этого выделяются двусоставные и односоставные предложения. Односоставными мы называем такие предложения, которые имеют лишь один грамматический состав. Предикативность в предложениях с односоставной структурой выражается в одном главном члене, представляющим собой предикативный центр предложения. Этот предикативный центр может иметь сходство или со сказуемым (Вечереет!) или с подлежащим (Ночь). Но в односоставных предложениях мы говорим только о предикативном центре.

Односоставные предложения имеют большое значение для русского языка. В немецком языке их почти нет. Для структуры немецкого предложения характерна двусоставность, например «Er liest». В русском языке также преобладает двусоставность, но вместе с тем существует целый ряд типов односоставных предложений. Немецкие эквиваленты в своём составе обычно имеют местоимение «Es», например:

Двусоставная структура	Односоставная структура
«Светло»	« <u>Es</u> ist hell»
«Холодно»	« <u>Es</u> ist kalt»
«Война»	« <u>Es</u> ist Krieg»

Безличное «Es» выступает как подлежащее (подлежащее особого рода= *Scheinsubjekt*). Другими словами, в формальном отношении «Es» выполняет роль подлежащего.

В немецком языке односоставные предложения в основном характерны для телеграфного стиля: «Выезжаю утром 9.00! Прибываю 25., 11.00!». Здесь

субъект опускается, так как ясно, кто выезжает и кто прибывает. Подобные конструкции в немецком языке редки и недостаточно изучены. Русские односоставные предложения представляют для изучающих русский язык немцев большую сложность. Они нуждаются в систематизации и описании, удобном для учебно-педагогических целей.

Охарактеризуем основные типы русских односоставных предложений.

Приводимая ниже таблица отражает широкий взгляд автора на русские односоставные предложения и их классификацию.

Типы русских односоставных предложений

Типы	Степень трудности для немецких учащихся
1. Определённо-личные предложения (Bestimmt - persönliche Sätze)?	Незначительная трудность
2. Неопределенno-личные предложения (Unbestimmt - persönliche Sätze)	Средняя трудность
3. Обобщенно-личные предложения (Verallgemeinert -persönliche Sätze)?	Средняя трудность
4. Безличные предложения (Unpersönliche Sätze)	Высокая трудность
5. Инфинитивные предложения (Infinitivsätze)	Высокая трудность
6. Номинативные предложения (Nominalsätze)	Незначительная трудность

Вопросительные знаки указывают на то, что в отношении типов односоставных предложений не всё так бесспорно - существуют разногласия относительно идентификации обозначенных вопросительным знаком типов.

Трудности для немецких учащихся при усвоении, употреблении и использовании односоставных предложений – следствие структурной и семантической специфики русских односоставных предложений. Сюда ещё прибавляется то, что в учебном процессе проблемы возникают там, где в игру вступают модальные и эмоциональные оттенки.

I. Определённо-личные предложения (ОПЛ)

Определённо-личные предложения - предложения с лексически непредставленным местоимённым субъектом в а) изъявительном наклонении

(Иду по улице) и б) повелительном наклонении (Иди к доске!).

Обратимся к конкретному примеру: - Ты едешь в город? – (Да,) Еду.

Определённо-личное предложение «Еду» здесь является элементом мини-диалога. С формальной точки зрения здесь речь идёт об односоставном предложении. «Еду» хотя и похоже на сказуемое, однако, фактически, является предикативным центром в виде глагольной формы первого лица настоящего времени. Отсутствие подлежащего (в разговорном диалоге) есть норма. Определённость лица узнаётся как по глагольному окончанию, так и из контекста или ситуации.

Ты едешь в город?	Еду
<ul style="list-style-type: none"> • Двусоставное предложение (альтернативный вопрос) <ul style="list-style-type: none"> • Структурный тип: простое распространённое предложение • Коммуникативный тип предложения: вопросительное предложение 	<ul style="list-style-type: none"> • Односоставное, определённо-личное предложение, реализованное в изъявительном наклонении • Предикативный центр в форме финального глагола в первом лице ед. числа наст. вр. • Личное местоимение (местоимённое подлежащее «я») не представлено лексически • Подлежащее подразумевается связкой и поэтому однозначно маркировано • Определённое лицо узнаемо из связи или из контекста, т.е. ситуации

Как уже упоминалось выше, чаще всего определённо-личные предложения встречаются в устной речи, в устном диалоге. Отсутствие субъекта также является нормой в определённо-личных предложениях в императивном употреблении, например:

- Иди домой! (Императив 2 лица без личного местоимения)

В отличие от вышеописанных индикативных предложений с оттенком разговорной речи, бессубъектные повелительные предложения стилистически нейтральны. Поставленное впереди или после глагола личное местоимение придаёт этим предложениям жёсткий (категоричный) или мягкий (умеренный) характер:

- Ты молчи!

- Дай ты мне эту книгу!

- Уходи ты отсюда! Mach dich weg! (Scher dich fort!: пренебрежительный приказ)

Есть случаи, в которых местоимённый субъект должен остаться, например, при противопоставлениях действий на уровне сложного предложения:

- Ты иди, а я останусь.

- Ты сходи домой, а я посижу здесь.

II. Неопределённо-личные предложения (НЛП)

Этот тип бесспорен. Он охватывает такие предложения как:

Стучат. Идут. – Es klopft. Man kommt.

По радио передают концерт. – Im Radio wird ein Konzert übertragen.

В селе строят новую церковь. – Im Dorf wird eine neue Kirche gebaut.

Нам сообщили приятную новость. – Man hat uns eine angenehme Neuigkeit mitgeteilt.

О нас писали в газетах. – Über uns hat man in den Zeitungen geschrieben.

В этом магазине вежливы. – Inn diesem Geschäft wird man höflich bedient.

Улицу засыпали песком. – Auf die Strasse wurde Sand gestreut.

На грамматических занятиях и практике русской речи следует обращать внимание немецких учащихся на сферы употребления неопределённо-личных предложений, а также на способы их перевода на немецкий язык и настоятельно указывать на то, что односоставным конструкциям в русском языке соответствуют двусоставные немецкие эквиваленты:

Тебя ждут. - Man wartet auf dich (Du wirst erwartet.)

Меня не хотят ждать. - Man will nicht auf mich warten.

В соседней комнате громко разговаривали. – Im Nachbarzimmer wurde laut gesprochen (безличный пассив)

Внезапно его тронули за плечо. – Plötzlich berührte jemand seine Schulter.

Солдатами не рождаются. – Man wird nicht als Soldat geboren.

Уйди, говорят тебе! – Verschwinde, sage ich dir!

<ul style="list-style-type: none"> • Односоставная структура Типичный способ выражения в русском языке Характерное стилистическое средство 	<ul style="list-style-type: none"> • Двусоставная структура Перевод на немецкий язык с “man” и с помощью неопределённо-личного местоимения <i>jemand</i>
---	---

Неопределённо-личные предложения, как уже частично показано на примерах, употребляются преимущественно в устной речи (Иди же, просят тебя) и особенно в диалогах:

- Тебя сюда послали? - Его ко мне позвали? - Тебе звонили. - Вас спрашивали.

Они употребляются также в официально-служебном функциональном стиле, где обслуживаются выражения, связанные с официальными указаниями и информацией, требованиями и предписаниями:

Просят соблюдать тишину.

Es wird um Ruhe gebeten (а не : Man bittet um Ruhe).

При этом речь идёт об указании официального круга лиц (руководство учреждения, орган власти и др.).

При переводе на немецкий язык преобладают пассивные конструкции:
У нас не курят. – Bei uns wird nicht geraucht.

Как видно из вышеприведённых примеров, неопределённо-личные предложения выражают модальность:

Его вызывают к директору. – Er muss zum Direktor (модальность долженствования).

- Перестань, говорят тебе. – Hör auf? Sage ich dir.

- Иди же, просят тебя. - Geh doch, ich bitte dich (модальность требования)

III. Обобщённо-личные предложения (ОЛП)

К этому подтипу относятся предложения типа:

Что посеешь, то и пожнёшь.

Wie die Saat, so die Ernte. Или Was man sät, das erntet man (поговорка)

Любишь кататься, люби и саночки возить.

Wer das eine will, muss auch das andere mögen. Или Wer seinen Schlitten liebt, der muss ihn auch nach oben ziehen (детская речь) или Wenn man gern Schlitten fährt, muss man gern Schlitten ziehen.

Без труда не вынешь и рыбку из пруда. (Поговорка)

Семь раз отмерь, один раз отрежь. (Поговорка)

Его никак не поймёшь. – Man kann ihn gar nicht verstehen.

Что имеем не храним, потерявши – плачем. (Поговорка) – Was man hat, hütet man nicht, verliert man's, dann beklagt man's.

В Тулу со своим самоваром не ездят.

Если внимательно рассмотреть приведенные выше примеры, то можно обнаружить структурные и другие особенности обобщённо-личных предложений:

1. Главный член предложения выражается, как правило, глаголом во втором лице ед. ч. настоящего или будущего времени (реже в первом или третьем лице мн. ч.);

2. Основная сфера употребления: устная речь (общие сентенции, пословицы, диалог).

Искрывающее определение данного подтипа предложений мы снова находим у Д.Э.Розенталя: «Обобщённо-личными называются односоставные бесподлежащие предложения, главный член которых обычно выражен глаголом в форме второго лица единственного числа, реже – в форме первого или третьего лица множественного числа и обозначает действие, потенциально относимое к любому лицу (мысленно можно представить подлежащее «все», «каждый», «любой», в отличие от неопределённо-личных предложений, в которые мысленно можно подставить подлежащее «кто-то»). Основная функция обобщённо-личных предложений – выражение общих суждений, сентенций, часто воплощаемых в пословицы и поговорки» (Розенталь 1979, с.70).

Для немецких учащихся эти конструкции представляют средний уровень трудности, поскольку:

1. немецкие пословицы в большинстве случаев имеют двусоставную структуру;
2. обобщённое значение может выражаться также двусоставными предложениями с подлежащим, выраженным местоимением: Охотно мы дарим, что нам не надобно самим (Крылов);
3. главный член предложения может быть выражен повелительным наклонением: Не спеши языком, торопись делом. Не плюй в колодец: пригодится воды напиться;
4. русские обобщённо-личные предложения имеют в немецком языке различные соответствия. Доминирующий вариант перевода содержит конструкцию с «man». Кроме того, в немецком языке для выражения обобщённого агента имеются другие эквиваленты:

Что посеешь, то и пожнёшь.

1. Was man sät, das erntet man (вариант с "man")
2. Was du säst, das erntest du. (вариант с "du")
3. Wie die Saat, so die Ernte (номинальный вариант)

В большинстве случаев из вариантов перевода предпочтительными оказываются конструкции с «man».

5. Особую трудность для немецких учащихся представляют структуры пословиц. Действительно, с точки зрения языкового материала русские пословицы не совсем просты:

Любишь кататься, люби и саночки возить.

2 л. ед ч. ИК-3 Повелительное наклонение

Внимание учащихся необходимо обращать как на языковые средства, так и на условное значение, выраженное в первой части пословицы:

Если любишь кататься, люби и саночки возить. Wenn du gern rodelst, musst du auch den Schlitten ziehen.

Учащимся нужно объяснить, что в устном диалоге в обобщённо-личных репликах и фразах может появляться личное местоимение «Ты» (в обобщённо-личном значении):

Ну что ты скажешь!

Was sagst du bloss dazu.

Опять он опоздал, ну что ты будешь делать!

Wieder ist er zu spät gekommen, was soll da man machen!

Данные реплики являются двусоставными предложениями, но с обобщённо-личным значением.

Объяснения требует знак вопроса, поставленный после этого подтипа в представленной выше таблице. Хотя большинство исследователей синтаксиса называют эти предложения односоставными, есть отдельные авторы, которые не выделяют обобщённо-личные предложения, потому что не видят в них структурной специфики. Они обосновывают это прежде всего тем, что личное местоимение «Ты» может быть включено (потенциально) в т.н. обобщённо-личные предложения.

IV. Безличные предложения (БП)

В данном случае речь идёт об обширной и гетерогенной группе предложений, в которых односоставность получила новое качество. В ранее рассмотренных типах односоставных предложений имелось в виду определённое, неопределённое или обобщённое лицо.

В «классическом» структурном типе (структурный тип 1) безличных предложений представление о субъекте полностью (почти) утрачено; оно не только не называется, но даже и не подразумевается. Таким образом, субъект исчезает не только из языка, но также и из мысли. Предикативный центр безличных предложений образуют глаголы в форме третьего лица ед. ч. настоящего или будущего времени или в форме нейтрального залога в прошедшем времени, а также краткой формы причастия прошедшего времени или предикативного наречия (слов, обозначающих состояние).

Особенность безличных предложений состоит в том, что у них не только нет субъекта, но нет и носителя действия. Напротив, они являются языковым выражением сообщения о каком либо процессе, событии, состоянии или изменении состояния, которые происходят независимо от инициатора, например:

1-ый тип: безличные предложения без личного элемента.

Светает. Es dämmert.

- Чисто безличная конструкция.

Обозначение процесса или состояния, независимо от лица.

- Der Morgen dämmert.

В немецком языке субъект (Der Morgen) не вытеснен или не совсем (Es) вытеснен из сознания.

Предложения этого типа считаются как собственно безличные (самая ясная группа внутри БП)

2-ой тип: безличные предложения с одним личным элементом

- Мне не спится – Ich kann nicht schlafen (“Mir schläft es sich nicht”).

Здесь подчёркивается процесс или состояние (состояние бессонницы).

Способ выражения безличный, но с личным элементом (косвенный субъект в дательном падеже).

Это лицо не является агентом в полном смысле. Оно сознательно не производит действие или состояние, но оно им затронуто. Формально это выражается тем, что лицо обозначено косвенным падежом (дательным или винительным).

Меня знобит. – Ich habe Schüttelfrost (книжный язык).

Mich schüttelt's (устная речь).

Ввиду широкого спектра семантической структуры безличных предложений, а также трудностей, связанных с переводом их на немецкий язык, мы считаем целесообразным представить это множество значений в виде краткого обзора на основании примеров и их комментариев. При этом примеры представляют определённый подтип безличных предложений:

- a) На дворе уже вечерело.

Draussen dämmerte es schon.

Draussen wurde es schon Abend (кажущийся субъект «es»)

- Собственно-безличный глагол.
- 3-е лицо (средний род).
- Прошедшее время (Präteritum).

К этому подтипу относятся предложения, главный член которого (предикативный центр) выражен собственно-безличным глаголом:

Уже совсем рассвело. – Es ist schon ganz hell geworden.

К вечеру похолодало. - Gegen Abend wurde es kälter.

Нам посчастливилось побывать на Кавказе. – Wir hatten das Glück, im Kaukasus zu weilen (wir – конкретное подлежащее).

б) На улице свежеет. – Draussen wird es frisch. (кажущийся субъект «es»).

- Преимущественно употребляется безлично.
 - Личный глагол в безличном употреблении.
- но: Воздух свежеет. – Die Luft wird frisch.
- Двусоставное личное предложение с предложением-субъектом.
 - «Свежеть» относится к личным глаголам, которые часто употребляются в функции безличных;
 - В личном значении соединяется с субъектом предложения в предикативный центр двусоставного предложения.

Это важное для структуры предложения различие можно довести до немецких студентов в форме соответствующей таблицы противопоставлений:

Двусоставное предложение с личным глаголом	Односоставное предложение с глаголом, употреблённым безлично
Небо <u>темнеет</u> . Der Himmel wird dunkel. (verdunkelt sich)	В лесу <u>темнеет</u> . Im Wald wird <u>es</u> dunkel.
Ветер <u>дует</u> . Der Wind weht (bläst).	Здесь <u>дует</u> . Hier zieht <u>es</u> .
Воздух <u>потеплел</u> . Die Luft ist wärmer geworden.	Сегодня потеплело. Heute ist <u>es</u> wärmer geworden.
Вода <u> капает</u> . Das Wasser tropft.	С крыши капает. Vom Dach tropft <u>es</u> .

в)

<p><u>Его убило.</u></p> <ul style="list-style-type: none"> • Типично русская безличная конструкция • Личный глагол в безличном употреблении • Неизвестная сила как побудитель или действующая причина 	<ul style="list-style-type: none"> • <u>Es</u> hat ihn getötet. • Ihn hat <u>es</u> getötet. • Ihn hat's erwischt. • Er <u>wurde</u> getötet. <ul style="list-style-type: none"> • Иногда в немецком языке есть эквивалент перевода, но чаще всего нет • Передача на немецкий язык часто осуществляется через личную страдательную конструкцию (Er <u>wurde</u> getötet.)
---	---

Здесь речь идёт о спонтанных элементарных силах (бомба, пуля, взрывы, детонация) или явлениях природы (волна, град, дождь, ливень, ветер, буря, гром, молния), которые здесь выступают как действующая причина:

Его убило бомбой. – Er wurde durch eine Bombe getötet.

Лодку унесло ветром. - Es hat das Boot mit dem Wind davongetragen.
Das Boot wurde vom Wind fortgetrieben.

Его убило.

Его убило бомбой.

Лодку унесло ветром.

Неизвестная сила как действующая причина, которая может представлять собой конкретное средство (бомба) или явление природы (ветер).

Дорогу замело (занесло) снегом – Der Weg wurde (war) vom Schnee verweht.

Тропку размыло ливнем. - Der Pfad wurde vom Regenguss aufgeweicht.

Ветром сорвало крышу. - Vom Wind wurde das Dach weggerissen.

г)

<p>Здесь хорошо работается</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Hier <u>läßt es sich</u> gut arbeiten. • Hier <u>arbeitet es sich</u> gut. • Hier <u>kann man</u> gut arbeiten.
--------------------------------	---

<p>Ему не сидится. Мне не спится.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Безлично-возвратная форма глагола (образована с помощью постфиксa –СЯ) • Обозначение физического состояния лица вообще и выражение специальной модальной окраски, в особенности непрямых модальностей Мочь (Können) или Разрешать, Позволять (Lassen). • Продуктивное явление современного русского языка; преимущественное употребление в разговорной речи. 	<p>Er kann nicht (mehr) sitzen. Ich kann nicht schlafen.</p> <ul style="list-style-type: none"> • При переводе на немецкий язык в игру сразу вступают модальные глаголы (lassen, können, mogen); • Среди устоявшихся вариантов перевода доминирует Могу - Модальность (Kann-Modalität) Выражение (модифицированного) умения.
--	--

Здесь хорошо работается. - Hier kann man gut arbeiten.

Безличные предложения этого типа указывают на силу, которая сильнее, чем лицо, о котором идёт речь: обстоятельства, атмосфера, условия действуют положительно и создают настроение, которое побуждает к труду и способствует хорошей работе.

Сегодня он не читает. - Ответственность несёт он.

Сегодня ему не читается. - Ответственность переносится на неизвестную силу.

Даже модальный глагол «хочет» может с помощью постфиксa (окончания) –ся образовывать безличную форму:

Мне не хочется ...- Ich möchte nicht ... ("Mir will es sich nicht...")

Разница с «Я не хочу» лежит на уровне сознательности/бессознательности.

Мне не хочется...	Я не хочу...
<ul style="list-style-type: none"> • Бессознательное «нежелание» (нежеланное «нежелание») • Говорящий хочет, может быть, что-то сделать, но по каким то причинам у него это не получается. 	<ul style="list-style-type: none"> • Сознательное «нежелание» (желанное «нежелание») • Говорящий берёт на себя ответственность за своё «нежелание».

Ответственность (за «нежелание») ложится на обстоятельства, условия и настроения. Какие-то силы, действующие изнутри на говорящего, ограничивают его желание.	
---	--

д) На улице дождливо. В комнате уютно. Нам было жарко. Ей стало грустно. Ему надо посоветоваться с отцом. Можно идти.
 переходить
 Нельзя улицу.
 перейти

Слова, обозначающие состояние (предикативные наречия) в роли предикативного центра обозначают состояния природы и погодные явления (Сегодня прохладно. Вчера было солнечно и тепло. В лесу туманно), состояния, ограниченные местностью или пространством (В домепросторно), а также физические или психические состояния лиц, живых существ (Ей было тепло в новом пальто. От приятных новостей нам стало весело).

Безличные предложения с предикативами *можно, возможно, необходимо* и др. зависимыми инфинитивами придают модальную окраску (субъективная модальность, такая как «можешь», «разрешается», «нужно» и «должен»), которая частично наблюдается при переводе на немецкий язык и проявляется из-за взаимосвязи видов со структурой предложения:

Нельзя перейти улицу.	Нельзя переходить улицу.
<ul style="list-style-type: none"> • Man kann nicht über die Strasse gehen (Man kann die Strasse nicht überqueren) • Выражение невозможности на основании объективных препятствий Нельзя + перфективный инфинитив = Man kann nicht... 	<ul style="list-style-type: none"> • Man darf nicht über die Strasse gehen (Man darf die Strasse nicht überqueren) • Выражение запрета: нельзя, но хотелось Нельзя + имперфективный инфинитив = Man darf nicht...

V. Инфинитивные предложения (ИП)

Инфинитивными предложениями называются односоставные предложения, предикативным центром которых является самостоятельный (независимый) инфинитив, например:

Мне выступать через полчаса - Ich muß in einer halben Stunde auftreten.

Косвенный субъект в Дат. Независимый инфинитив, которому подчинены все остальные слова в предложении.

Инфинитивные предложения – явление типично русское и очень употребительное в устной речи. Русские инфинитивные предложения выражают различную косвенную (субъективную) модальность, которая должна переводиться немецкими модальными глаголами (*müssen*, *sollen*, *lassen*, *dürfen*, *brauchen*). Эти модальные значения проявляются из-за взаимодействия инфинитива с другими языковыми средствами. Инфинитивные предложения являются примером того, как взаимодействием различных языковых средств достигается управление смыслом:

Взаимодействуют:

- Инфинитив + интонация;
- Инфинитив + частицы *не*, *ли*, *бы* как важные элементы управления;
- Инфинитив + виды.

Примеры:

Вам начинать. – Sie fangen an (Sie müssen beginnen.)

- Требование, констатация;
- Важно; интонация требования.

Встать! ИК-2, требование (обращение учителя).

Не шуметь! ИК-2, запрет, частица *не*.

Быть сильному дождю. = Будет сильный дождь.

- Главное высказывание: Es wird bestimmt starken Regen geben;
- Элемент предопределённости сочетается с неизбежностью;
- Предопределённость судьбы, невозможно остановить процесс;
- Неизбежность;
- «Dem starken Regen ist es bestimmt zu sein» - Сильному дождю быть наверняка

Выражение модальности

инфinitiv + НЕ + перфективный аспект Невозможность

- Перфективный аспект обязательно содержится в инфинитивной форме.

Средняя ступень владения языком

Например: Тебе не решить этой задачи.

(=Ты не можешь решить ... или Ты не решишь...) –

Du kannst diese Aufgabe nicht lösen. или

Du wirst diese Aufgabe nicht lösen können.

Не + перфективный аспект как часть инфинитива.

Там (нам) ни пройти, ни проехать. – Dort kommt man nicht durch.

Инфинитив + Бы Желание/Совет

Средняя ступень владения языком

Покурить бы теперь! – Rauchen müßte man jetzt können! (schön wär's jetzt zu rauchen!)

Поспать бы (теперь)! – Man müßte (jetzt) ein Weilchen schlafen können!

Поговорить бы с ним! – Wenn man doch nur mit ihm sprechen könnte! (Man müßte mit ihm sprechen können!)

Вам бы отдохнуть! – Sie sollten sich ausruhen.

Инфинитив + не + ли + Сомнение/ Нерешительность

Частицы здесь очень важны.

Высшая ступень владения языком

Не пойти ли мне в кино? – Ob ich vielleicht ins Kino gehe? Soll ich vielleicht ins Kino gehen? Sollte ich nicht ins Kino gehen?

Делиберативный вопрос (действующее лицо нерешительно); говорящий спрашивает «своё внутреннее я», размышляет и решается; важно: вопросительная интонация.

Не опоздать бы нам! – Wenn wir bloss nicht zu spät kommen!

Не упасть бы ему! – Wenn er bloss nicht hinfällt!

Таким образом, содержание от одной конфигурации языковых средств к другой становится всё сложнее. Инфинитивные предложения охватывают широкий смысловой спектр, с их помощью в русском языке передаётся очень многое. Немецкие студенты должны прежде всего употреблять эти конструкции для выражения содержания «субъективной модальности».

VI. Номинативные предложения

Эта группа стоит обособлено. Речь идет о беспредикативных односоставных предложениях, в которых фразообразующий элемент – именительный падеж существительного, личного местоимения или количественного числительного. Как правило, номинативные предложения выражают значение существования обозначенного предмета или явления.

Различаются следующие функционально-семантические виды номинативных предложений:

1. Existentialsätze (Предложения состояния)

Ночь. – Es ist Nacht или Nacht (напр. как начало романа)

Ночь. Сад. На фоне - три дерева . - Nacht, ein Garten, im Hintergrund drei Bäume.

Сценические замечания в драмах (пьесах), в которых описывается ситуация.

1916 год. Окопы. Грязь. (Шолохов)

Следующие одно за другим номинативные предложения как короткое введение в ситуацию, которая часто применяется в литературных стилях.

2. Demonstrativsätze (Указательные предложения)

Вот книга. – Da ist das Buch.

Вон эта улица. – Diese Strasse dort.

Демонстративные (указательные) оттенки значения реализуются с помощью указательных частиц «вот» и «вон».

А вот и вокзал. – Ah, da ist er ja (auch), der Bahnhof.

- Указание на нечто ожидаемое (вокзал – это ожидаемое);
- Эта сильная устно-речевая окраска указательных предложений часто встречается с «а» или «и» перед «ожидаемым»:

(A) вот и солнце.

3. Wertende Nominalsätze (Оценочные номинативные предложения)

Какой вечер! – Was für ein Abend!

Если подвести итог, то можно утверждать, что односоставные предложения в высшей степени характерны для русского языка. Они переводятся на немецкий язык, как правило, двусоставными конструкциями (предложения с подлежащим, выраженным «man» и «es», а также пассивными конструкциями). Русским односоставным предложениям с их высокой выразительностью, представляющей суть в сжатой форме, в немецком языке противостоят по большей части длинные, развёрнутые предложения.

М. Кубрик, М. Бальцер, М. Длоуги. Синтаксис русского языка. Изд.3. Прага, 1974.

K. Gabka (Hrsg). Russische Sprache der Gegenwart. Bd.3. Leipzig, 1989.

Eckert H. Лекции по синтаксису русского языка. Halle (Manuscript).

Розенталь Д. Э. Современный русский язык. Ч.II. Синтаксис. М., 1979.

*Сокращенный перевод З.В.Белкиной
Редакция И.А.Стернина*

Национальный характер и национальное коммуникативное поведение

Д.А. Чугунов
Воронежский ГУ

Образ немца в русской литературе

Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаяв, поверий привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу.

А.С. Пушкин. О народности в литературе.

Культурные контакты между двумя странами неизбежно находят свое отражение в памятниках литературы этих стран. Автора, обратившегося к чужому культурному началу, интересует, как правило, возможность сравнения, постижения своего через чужое. Национальный фольклор народов, существующих рядом, с течением времени пополняется множеством легенд и представлений, верных или же надуманных, о соседе. Эти представления входят в художественную литературу в виде устойчивых мнений, находя свое отражение в структуре образов, в манере мышления и действий героев. Отличие их от «свидетельств» опыта самого писателя, от его личных переживаний, рожденных в непосредственных контактах с чужой нацией, заключается в том, что легенды не терпят изменений и в художественном произведении чаще всего присутствуют в виде культурологических штампов.

Так, у И.С. Тургенева в повести "Вешние воды" один из героев критикует немецкие обеды: "Экие, однако, эти немцы - ослы! Не умеют рыбу сварить. Чего, кажется, проще? А еще толкуют: "Фатерланд, мол, объединить следует". Кельнер, примите эту мерзость!" (Тургенев 1968, с. 240). Здесь мы имеем дело лишь с точкой зрения одного персонажа, более того - со скрытым элементом его характеристики, развенчания. Тургенев как *автор* всегда был способен объективно оценить немцев. В сцене у Царицынских прудов ("Накануне") немцы выведены невежами, солдафонами. Тургенев подмечает действительные, распространенные черты немецкого (прусского) характера - чинопочитание, презрение военных к штатским. И вместе с тем он не распространяет свое наблюдение на всю германскую нацию. Именно в начале 70-х годов, в момент наибольшего размежевания с прусской политикой, Тургенев признает за майором фон Дёнгофом в "Вешних водах" наличие благородства, деликатности, способность к раскаянию.

Классическая русская литература пронизана "германским элементом". На протяжении более чем двух столетий русские писатели открывают для себя различные черты характера своих культурных и географических соседей - немцев, с восторгом или же, напротив, неудовольствием повествуют о днях, проведенных в Германии, задумываются над тем, что представляет человек за границей, обращаются к типу "русских немцев".

Подобный интерес не был случайным, он диктовался не литературной модой, а обстоятельствами жизни. Слишком велико было культурное различие между русскими и их европейскими соседями - "немцами", чтобы не отразиться в литературе. Ассимилированные татары, например, не вызывали у писателей подобного интереса.

Немецкое вторжение в русскую жизнь начиналось еще во времена крестовых походов против славян. Таким образом, мы имеем едва ли не тысячелетний опыт сосуществования двух народов. Однако что удивительно - едва ли не до XIX века о немцах в литературных памятниках говорилось очень мало. По всей видимости, причина этого одна - историческая неразделимость понятий "русский" и "православный". Уже "Повесть временных лет" уделяет большее внимание не национальности, а вероисповеданию. "Церковное благовестие, как известно, не знает границ", - писал митр. Иоанн в книге

"Одоление смути" (Иоанн 1996, с. 8). И до тех пор, пока русский человек (и писатель) ощущал в своем мировоззрении православные корни, он относился к немцу ("немцу", католику, протестанту...) без особого интереса. "Здоровое религиозное чутье безошибочно определило ущербность католицизма, отсекшего себя от соборной совокупности Церкви, от ее благодатной полноты", - так комментирует церковный историк события "Повести временных лет" (Иоанн 1996, с. 48-49). Заметим, что на религиозные мотивы пренебрежительного отношения к немцам невольно намекал уже в конце XIX века А.П. Чехов. В рассказе "Нервы" он в характеристику действующего лица - немки включил такой штрих - она не пошла на православную троицкую службу вместе с хозяйкой дома.

"Исправление" же России по западноевропейской мерке, начавшееся в XVIII веке, выдвинуло на первый план именно национальный интерес к народам-соседям (см. высказывания П. Я. Чаадаева, В.С. Печерина, В. Г. Белинского, А. И. Герцена и других "западников"). Этому же способствовало и непосредственное знакомство русских людей с Европой во время "наполеоновских войн" в начале XIX века.

М. Ю. Лермонтов, выведя в романе "Герой нашего времени" *руssкого* доктора с *немецкой* фамилией Вернер, хорошо показал, насколько тесно переплелись в истории многие русские и немецкие судьбы. Печорин замечает, что знал и человека с типичной русской фамилией Иванов, который был настоящим немцем. К описываемому времени немецкие семейства уже достаточно ассимилировались, чтобы считать себя подобными коренным жителям страны, хотя никогда эта ассимиляция не была полной. Называя прозвище Вернера - *Мефистофель*, Лермонтов не просто показывает, что находится в курсе литературных новинок Запада, он намекает на определенную разницу в основаниях русской и немецкой, западной жизни. Вернер (Мефистофель) - врач, естествоиспытатель, материалист, искусствитель человека. Россия же всегда строила свое существование больше на другом начале - духовном, а не материальном.

Вообще, как бы долго ни жил иностранец в России, всегда в его облике, речи, манерах находилось что-либо, выделяющее его из среды коренных жителей. В тургеневской повести "После смерти" есть персонаж с немецкой фамилией *Купфер*. Это был "немец до того обруseвший, что ни одного слова по-немецки не знал и даже ругался "немцем" (Тургенев 1968, с. 411). Интересно здесь то, что инородство Купфера тем не менее замечается - благодаря особенном, нерусским чертам его характера, рассказчик, например, выделяет его германское стремление к "идеальному".

Персонажи-немцы стали в XIX веке частым гостем на страницах произведений русской литературы. Они живут в русских дворянских семействах. Они служат чиновниками. Они бывают пекарями, механиками, преподавателями гимназий, ремесленниками. Немец-"*хлебник*" знаком петербуржцам в романе А.С. Пушкина "Евгений Онегин". Безымянный немец-сапожник присутствует в драматической сцене И.С. Тургенева "Безденежье". У Л. Н. Толстого в повести "Детство" читатель с первых же страниц

знакомится с учителем и гувернером Карлом Иванычем. В повести Н.Г. Гарина-Михайловского "Детство Темы" появляются немецкая бонна и немец-садовник, некий "гер Готлиб". Подобные примеры можно было бы с легкостью продолжить. Подобная "близость/далекость" персонажей-немцев невольно наводила на мысль о сравнении черт характера русских и иностранцев.

Над немцами в русской среде часто посмеивались. В рассказе Ю.Н. Тынянова "Малолетний Витушишников" мы знакомимся с императором Николаем I, который отмечал во время прогулок "немецкий и забавный вид" Васильевского острова, вспоминал "водевиль на театре Александрины... где очень смешно выводился немец"(Тынянов 1959, с. 476). В "Республике ШКИД" Г. Белых и Л. Пантелеева упоминается некий немецкий ученый, который "в шутку или серьезно" заявил об открытии нового микробы, *cino*, заставляющего "человека страдать манией киноактерства" (Белых, Пантелеев 1960, с. 398).

В комическом свете "несовпадение" русской и немецкой души показал А.П. Чехов в рассказе "Нервы". Его персонаж, архитектор Ваксин, никак не может заснуть после спиритического сеанса. Мучимый кошмарами, он призывает к себе гувернантку, но та подозревает в нем нечестные намерения. Так сталкиваются два начала - русская непредсказуемость и немецкая правильность. Результат типичен - архитектор досадует на отсутствие в Розалии Карловне душевного понимания и заявляет ей: "Дура вы, вот и все! Понимаете? Дура!"(Чехов 1969, с. 28) .

Карл Иваныч у Толстого объявил утренний подъем "*добрый немецким голосом*". У самого героя было "*доброе немецкое лицо*" (Толстой 1950, с. 6). Отметим, что эти эпитеты не субъективны, не рождены ситуацией, ведь мальчик Николенька испытывает лишь недовольство ранним пробуждением. Алпатов, герой повести М. М. Пришвина "Кашеева цепь", встречает опять-таки *доброго немца*: "В деревне *добрый* хозяин спросил, почему с ним сегодня не пришла его милая барышня"(Пришвин 1984, с. 353).

Такое употребление слова "добрый" в XIX и XX веках примечательно. Словарь В. И. Даля следующим образом истолковывает его значение: "Дельный, сведущий, умеющий, усердный, исправный, добро любящий <...> мягкосердый, жалостливый, притом иногда слабый умом и волей". Самое слово "добро" толкуется так: "Благо, что честно и полезно, все чего требует от нас долг человека, гражданина, семьянина..." (Даль 1956, с. 443). Малолетний герой Толстого в "Детстве" интуитивно ощущает эту немецкую склонность выполнять веления долга - гражданского или нравственного. Николенька Иртеньев обращает внимание на то, что Карл Иваныч бывает един в двух лицах: он добр вообще (здесь: мягкосерд, жалостлив), но исключительно строг во время классных занятий (то есть исправен, предан долгу).

Немец вообще воспринимался всеми русскими писателями как исключительно "правильное" существо.

Ф. М. Достоевского так же поразило немецкое умение разделять личное и общественное, умение в следовании правилам оставаться человечным

("Дневник писателя" за 1876 год). Например, говоря о русском чиновнике, писатель так характеризовал его: главное в нем - мелочное юпитерство, желание показать, что публика зависит от него. Немецкий же чиновник работает более педантично (эта черта - традиционный предмет насмешек в русском обществе), но за излишней, по мнению русского, правильностью скрывается многое большее внимание к приходящему человеку (Достоевский 1989, с.279-280).

М.Е. Салтыков-Щедрин в книге "За рубежом" приводит блестящий диалог под названием "Мальчик в штанах и мальчик без штанов: Разговор в одном явлении". Он метафорически сравнивает русскую и немецкую действительность, и сравнение это бывает не всегда выгодным для русских. Так, уже в экспозиции "детской пьесы" Салтыков-Щедрин словно бы вспоминает выражение Н. В. Гоголя, как-то заметившего, что на центральной площади всякого русского города обязательно присутствует огромная лужа. Лужа как символ национальной действительности невозможна в Германии, немец для этого слишком ориентирован на соблюдение "порядка", "закона" (Салтыков-Щедрин 1989, с. 54-64).

"...Иногда слабый умом и волей" - вспоминаем вновь далевское определение. Факт, что на немцев в России часто взирали с сочувственным умилением, подозревая в них какое-то странное несоответствие русской действительности. Русский человек исходил в своих поступках из постижения ситуации - немец, в его глазах, пытался первым делом выстроить философскую схему и применить ее затем к действительности. "Правильность", как ни странно это выглядит, оказывалась синонимом к "узости", "наивности" мышления!

П. Я. Чаадаев в "Отрывках и афоризмах" писал: "В Германии плавают на океане отвлечений; немец там больше на просторе, больше дома, нежели на земле. Невоздержанность мысли доведена в Германии до последней крайности, и это не странно: мысль отдельная, без применения, без телесности - что помешает ее полету?"(Чаадаев 1991, с. 159)

Уже в очерке "Гамлет Щигровского уезда" Тургенев устами героя спрашивал: "...Какую пользу мог я извлечь из энциклопедии Гегеля? Что общего, скажите, между этой энциклопедией и русской жизнью? И как прикажете применить ее к нашему быту, да не ее одну, энциклопедию, а вообще немецкую философию... скажу более - науку"(Тургенев 1968, с. 263). Недоверие русского обывателя к отвлеченной немецкой науке отразилось и в представлении Антона Карлыча Центелера в повести "Затишье", который умудрился открыть существование гиен в средней полосе России (Тургенев 1968, с. 171). В "Отцах и детях" писатель вспоминает о русских студентах, которые в Гейдельберге удивляли "наивных немецких профессоров своим трезвым взглядом на вещи" (Тургенев 1968, с. 504). В романе "Дым" Тургенев говорит об удивительной судьбе большой фабрики в имении Литвинова, которая была заведена ревностным, но безалаберным барином, процветала в руках плута-купца и окончательно погибла "под управлением честного антрепренера из немцев"(Тургенев 1968, с. 9).

Еще более немецкая склонность к порядку поражала русских людей, оказавшихся в самой Германии. К.С. Федин в рассказе "Я был актером" изображает убранство немецкой тюремной камеры, неслыханное в русской действительности, и потому делает это весьма иронически. "На стене камеры висели "Правила гигиены", напечатанные мелким шрифтом. В середине правил были нарисованы зубы и рука с зубной щеткой" (Федин 1957, с. 108).

Русского человека забавляла даже правильная речь тех немцев, что обитали в России. "Образованные русские немцы говорили "самым правильным", почти безупречным русским языком", - пишет о Петербурге XIX века В.В. Колесов в книге "Язык города" (Колесов 1991, с. 52). Подобная неестественная правильность резала слух. Ростислав Адамыч Штопель ("Чертопханов и Недопюскин") у Тургенева выражается "языком нестерпимо чистым, бойким и правильным" (Тургенев 1968, с. 287); в авторских ремарках к характерам действующих лиц в пьесе "Холостяк" сказано, что Родион Карлович фон-Фонк изъясняется слишком чисто, как многие обруслые немцы. Исключительно верно, в отличие от своего друга, говорит по-русски в романе Гончарова "Обломов" Андрей Штолц.

В.В. Колесов справедливо замечает, что правильная речь была необходимым условием входления в русскую национальную среду (Колесов, с. 53). Однако и здесь русский человек издевался над склонностью немцев к рационализму. Рациональное постижение России (в том числе - и языковое) почти всегда оборачивалось неестественностью. Приведем интересное наблюдение. Неправильная русская речь Лемма в "Дворянском гнезде" Тургенева не вызывает раздражения и насмешек. Объяснение простое - его слова искренни. Совсем иначе дело обстоит в повести "Несчастная". Иоганн-Дитрих Ратч, прозывавшийся Иваном Демьянычем (!), разражается вместо смеха "металлическим хохотом", старательно коверкает грамматические формы, подделываясь под живую русскую речь. "Они все так, эти обруслые немцы", - следует резюме (Тургенев 1968, с. 10).

Постигая немецкий национальный характер, русский человек с мучительным изумлением убеждался во взаимной бытовой непохожести двух народов. Не только вековое недоверие православных людей к лютеранам и католикам лежало в основе этого удивления. Историческое и географическое развитие России сформировали в русском человеке очень важное чувство коллективизма, чувство "семейного", "гнездового" переживания своей судьбы. Хорошо видно поэтому, как русский человек, привыкший к непосредственному общению в коллективе, не вполне принимает немецкую упорядоченность жизни, разделяющую людей, отдаляющую их друг от друга. На это обращает внимание М.М. Пришвин в "Кашеевой цепи": "...В установленных формах общения можно десятки лет ежедневно обедать с людьми и произносить одно только слово: "Mahlzeit!" Можно и так устроить, что ежедневно будешь говорить за столом, вечером будешь принимать участие в домашних концертах, вместе ходить раз в неделю в театр, по праздникам прогуливаться на велосипедах, на лодке, и так вместе съесть не один пуд соли и все-таки оставаться совершенно неузнанным" (Пришвин 1984, с. 343).

Немецкое общение всегда было более дистанцированным. "Оставаться неузнанным" - очень характерное определение. "Налево от двери были две полочки: одна - наша, детская, другая - Карла Иваныча, *собственная*", - писал Толстой в "Детстве", подчеркивая общинный характер русской действительности и тут же замечаемую на этом фоне европейскую, немецкую *разделенность* (Толстой 1950, с. 7).

XIX век существенно расширил контакты между немцами и русскими. Многие подданные русского императора могли теперь взглянуть на Германию изнутри. Путешественники, писатели, студенты отныне открывали настоящий немецкий мир. Легенды о Германии при этом находили подтверждение себе, иногда невозможно было отделить мир художественных представлений о немецкой жизни от реальности. Б.Л. Пастернак уже в XX веке так писал в "Охранной грамоте" о своей марбургской жизни: "Глядя ... с балкона, можно было представить себе много поддающегося. Ганса Сакса. Тридцатилетнюю войну" (Пастернак 1994, с. 207). Средневековые смыкались с современностью, улицы старинных городов "готическими карлицами лепились по крутизnam" холмов (Пастернак 1994, с. 205). Подобная эстетизация действительности опять-таки не мешала замечать различия. Пастернак пишет в повести об ограниченности немецкого сознания, о скованности его некими заданными, привычными рамками. Квартирная хозяйка рассказчика не поверила, что тот способен был пересечь Германию, чтобы в немецкой столице сделать предложение девушке. "Мое быстрое появление налегке, как с вечерней прогулки, с другого конца Германии не укладывалось в ее понятия. Это показалось ей неудачной выдумкой" (Пастернак 1994, с. 217). Здесь исподволь сравниваются и те расстояния, которые привыкли преодолевать немцы и русские: в Европе они ничтожны по сравнению с Россией.

В русской среде часто встречались полярные точки зрения на немецкую культуру.

С одной стороны, ее воспринимали как культуру *ученого* мира, *мира знания*. Уже в начале XIX века немецкий язык закрепил за собой статус языка науки, а Пушкин писал в Евгении Онегине: "Он из Германии туманной привез учености плоды" (Пушкин 1937, с. 33). П.Я. Чаадаев в шестом "Философическом письме" называл Шлейермахера, Шеллинга "мощными умами" (Чаадаев 1991, с. 98). У Тургенева основательный немец Лемм не переносит дилетантизм Панцина, а Базаров говорит уважительно о немцах: "Тамошние ученые дельный народ" (Тургенев 1968, с. 21). В XX веке подобное представление о немцах и немецком воскрешает в образе образованного инженера Крейцкопфа А.П. Платонов ("Лунная бомба"). И еще один его персонаж-немец, Штауфер, предстает перед читателем прежде всего блестящим *ученым* ("Эфирный тракт").

С другой стороны, в представлении русских Германия могла быть страной художников, музыкантов, поэтов... Несомненно, в этом были слышны отголоски восприятия германской романтической культуры. Одним из подобных персонажей-романтиков стал Шиммель из "Фауста" Тургенева, чуть позже - Лемм в "Дворянском гнезде". А.П. Платонов писал в "Лунной бомбе":

"В этот вечер в Большом зале Филармонии был концерт знаменитого пианиста Шахтмайера, родом из Вены. Его глубокая подводная музыка, полная того величественного и странного чувства, которое нельзя назвать ни скорбью, ни экстазом - потрясла его слушателей. Молчаливо расходились люди из Филармонии, ужасаясь и радуясь новым и неизвестным недрам и высотам жизни, о которых рассказал Шахтмайер стихийным языком музыки" (Платонов 1981, с. 354). Фамилия музыканта сконструирована Платоновым достаточно оригинально. "Недра" и "высоты" (*вертикальная семантическая организация образа*) жизни и музыки отражаются в первой части слова - (der) Schacht (шахта - также присутствует семантика вертикали). Вторая часть фамилии - (der) Meuer - указывает на активное человеческое начало.

Н.В. Гоголь, сравнивая особенности литературной жизни во Франции и Германии, отдавал предпочтение последней. По его мнению, любое литературное известие во Франции почти сразу же "канет в Лету вместе с объявлениями газетными о пиллюлях и новоизобретенной помаде красить волосы, и больше не будет о том и речи". Задумываясь о судьбе переведенных на немецкий язык "Мертвых душ", Гоголь писал в 1846 году: "В Германии распространяемые литературные толки долговечней" (Гоголь 1967, с. 292).

Вместе с тем в русской литературе часто критиковались ограниченные духовные запросы обывателей-немцев. "Дела прежде всего!" - заявляет г-н Клюбер в "Вешних водах" Тургенева (Тургенев 1968, с. 173). Зоя Никитина Мюллер в романе Тургенева "Накануне" настолько ограничена, что Елена Стахова "решительно не знала, о чем ей говорить с Зоей, когда ей случалось остаться с ней наедине" (Тургенев 1968, с. 176).

Немецкий характер часто оказывался грубым, солдафонским. И.С. Тургенев блистательно изобразил происшествие у Царицынских прудов в романе "Накануне". Определения, относящиеся к немцам, подчеркнуто негативны и весьма характерны - "краснорожие", "приехавшие покнейпировать", "с бычьей шеей и бычачими воспаленными глазами" (Тургенев 1968, с. 223-225).

В немецком характере русский человек сразу выделял житейский практицизм. В тургеневском очерке "Смерть" немец-управляющий жалеет о поваленных бурей дубах - "и действительно: иной бы мельник дорого за них заплатил", в то время как десятский мужик Архип "не горевал никаколько" (Тургенев 1968, с. 200), "он даже не без удовольствия через них перескакивал и прутиком по ним постегивал" (Тургенев 1968, с. 201). Карл Иваныч в "Детстве" Толстого представляет к оплате счет за подарки, сделанные им хозяйственным детям: он как немец четко разделяет частную жизнь и службу. Позднее А.П. Платонов в "Рассказе о мертвом старике" скажет резче: немцы - это "алчный, единоличный народ; все к себе в котомку норовит сунуть что-нибудь" (Платонов 1987, с.99). Разница между русским и германским менталитетом хорошо заметна, платоновский герой так характеризует немцев: "это народ догадливый", но не тот, без которого скучно было бы жить...(Платонов 1989, с. 99-100)

К. С. Федин в автобиографическом повествовании "Я был актером" воспроизводит любопытный разговор с немкой, сдававшей комнаты в найм. Эта немка посыпает в подарок своему квартиранту, посаженному в дрезденскую королевскую тюрьму, банку яблочного мармелада, но в то же время говорит:

" - Господин Розенберг остался мне должен за комнату. Я надеюсь, когда его отпустят из заключения, он отдаст долг. Ведь в заключении не будет никаких расходов, и у господина Розенберга должны скопиться деньги, не так ли?

- Да, - сказал я, - если в тюрьме ему будут платить жалованье.

- Разве там платят? - серьезно спросила она.

- Да. Если просидишь десять лет, то при освобождении получаешь на трамвай.

Она помолчала.

- Ах, эти русские! - вдруг засмеялась она" (Федин 1957, с. 107).

Федин приводит и невероятное по простоте и нелепости (для русского) "немецкое" истолкование нескончаемости Первой мировой войны. Немец, директор театра, объясняет в 1918 русскому актеру: "У вас на родине покончили с войной с помощью революции. У нас это вряд ли выйдет: революция связана с большими расходами. Мы экономны. Значит, нам ничего не остается: мы вынуждены сражаться до победного конца" (Федин 1957, с. 107).

На воинственность немецкого характера обратил внимание в XIX веке М.Е. Салтыков-Щедрин в книге "За рубежом". Он сумел рассмотреть крепнувшие тенденции немецкого милитаризма: "Берлин ни для чего другого не нужен, кроме как для человеческого убийства" (Салтыков-Щедрин, 1989, с. 71), "вся суть современного Берлина, все мировое значение его сосредоточены в настоящую минуту в здании... носящем название: *Генеральный штаб*" (там же, с.80). Сравним у Пастернака в "Охранной грамоте": "Берлин показался мне городом подростков, получивших накануне в подарок тесаки и каски..." (Пастернак 1994, с. 202).

В начале XX века о милитаристском умопомешательстве немецкой нации напишет К.С. Федин. Повествуя о последних месяцах Первой мировой войны, он так напишет о немцах: "И это медленное, непреклонное, ежедневное заглатывание позиций врагами отзывалось в тылу могильным молчанием народа, в ужасе увидавшего, что он побежден" (Федин 1957, с. 117). Федин подчеркивает - не полководец и не солдат, но весь немецкий *народ* осознавал свой проигрыш войны. И вновь из "Охранной грамоты" Пастернака, о феврале 1923 года: "Германия голодала и холода, ничем не обманываясь, никого не обманывая, с протянутой временами, как за подаянием, рукой (жест для нее не свойственный) и вся поголовно на костилях" (Пастернак 1994, с. 228).

Спустя два десятилетия вскроет трагедию немецкой нации и Платонов, изобразивший крах мифа о высокой духовности немецкого народа. Немцы - бездушны, "немцы" - это танки и автоматчики (у механизма, автомата нет души). В рассказе "Одухотворенные люди" писатель говорит о

механистичности, запрограммированности Рудольфа Вальца: "Я не сам по себе, я весь по воле фюрера!" - рапортует герой (Платонов 1981, с. 231). Значащим именем (*die Walze - вал, ролик, цилиндр.., иными словами - деталь механизма*) автор закрепляет свое постижение немецкого фашизма.

Русский человек, вынужденный длительное время жить рядом с немцем, воспринимал того, как видим, по-разному. Наряду с традиционным недоверием к иноземному началу (*немцы - синоним иноземцев*) русский человек умел оценить профессионализм немецких мастеровых людей. Неприятие немецкой мелочности и педантизма совмещалось с заимствованием у них детально разработанной терминологии во многих областях науки. Уже "к середине XIX века "немецкая тема" поляризовала позиции русских мыслителей. Так, друзья Тургенева Герцен и Бакунин видели" в немецком присутствии "бедствие для России, искажение ее внутренней сущности; ...Гончаров, напротив, полагал наличие немцев благом для воспитания русского характера, введение его в цивилизованное русло", - пишет В. Кантор (Кантор 1996, с. 129).

Часто наблюдаемое в Германии, в германской среде просто не с чем было сравнивать в среде собственной, национальной. М.М. Пришвин в "Кашеевой цепи" с удивлением отмечал распространенность среди немцев браков, заключенных по объявлению в газетах. Пришвин вообще продемонстрировал умение с тактом подойти к оценке особенностей национального менталитета, когда написал: "С детства я слышу даже от образованных русских людей о немцах, что они *дураки*. Никогда не называют у нас дураками французов, англичан, итальянцев, китайцев, японцев. Я так разбираюсь в этом противоречии, что *дураками* у нас считают главным образом людей, у которых традиция преобладает над личными качествами, что позволяет даже действительно неумному человеку провести неглупую жизнь. У нас наоборот, не имея возможности жить чужим умом с помощью традиции, наш дурак так исхитряется, что становится умным" (Пришвин 1984, с. 333).

На это высказывание Пришвина стоит обратить внимание потому, что оно словно бы подводит итог разнообразным размышлениям о немцах и немецком характере. В XIX и XX веках русские и немецкие судьбы слишком тесно переплелись друг с другом, чтобы предоставить возможность *стороннего* взгляда. И как следствие - оценка немецкого примера стала зависеть от умения русского человека объективно отнести к собственному существованию.

Белых Г., Пантелеев Л. Республика ШКИД. - Л., 1960.

Гоголь Н. В. Собр.соч. и писем: В 7 тт. - М., 1967. - Т.7.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. - Т., 1956. - Т.1.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя: Избр. страницы. - М., 1989.

Иоанн (Снычев), митр. Санкт-Петербургский и Ладожский. Одоление смуты. - СПб., 1996.

Кантор В. Иван Тургенев: Россия сквозь "магический кристалл" Германии // Вопр. лит. - 1996. - № 1. - С.129.

Колесов В. В. Язык города. - М., 1991.
Пастернак Б. Л. Соч.: В 2 тт. - Тула, 1994. - Т.2..
Платонов А. П. Потомки солнца. - М., 1987. - С.99.
Платонов А. П. Сокровенный человек. - Кишинев, 1981.
Пришвин М. М. Кащеева цепь. - М., 1984.
Пушкин А. С. Полн. собр.соч. и писем: В 16 тт. - Т.6. - М., 1937.
Салтыков-Щедрин М. Е. За рубежом. - М.,1989.
Толстой Л. Н. Детство. Отрочество. Юность. - М., 1950.
Тургенев И. С. Собр.соч. и писем: В 6 тт. - М., 1968. - Т.5.
Тынянов Ю. Н. Соч.: В 3 тт. - М., Л., 1959. - Т.1.
Федин К. С. Рассказы многих лет. - Саратов, 1957.
Чаадаев П. Я. Избр. соч. и письма. - М., 1991.
Чехов А. П. Собр.соч.: В 8 тт. - М., 1969. - Т.2.

А.Б. Шабанова
Воронежский ГУ

**«С русской точки зрения...»
(Немецкий национальный характер и поведение
в романе И.А.Гончарова «Обломов»)**

Под национальным характером понимается «совокупность эмоциональных психических качеств нации, определяющих поведение её членов в стандартных ситуациях. (...) Национальный характер обнаруживается в том, что люди одной национально-культурной общности имеют тенденцию вести себя в сходных ситуациях сходным образом» (Стернин 2001, с. 164).

Предметом нашего исследования является немецкий национальный характер, показанный в романе И.А. Гончарова «Обломов».

Андрей Штольц, друг главного героя романа Ильи Обломова, был немец «только наполовину, по отцу: мать его была русской, веру он исповедовал православную; природная речь его была русской: он учился ей у матери и из книг, в университетской аудитории и в играх с деревенскими мальчишками, в толках с их отцами и на московских базарах. Немецкий же язык он наследовал от отца да из книг» (с. 163).

Отец Андрея был из тех немцев, которые, покинув родину, по странствовав по Европе, осели в России. Штольц-старший женился на русской, обзавёлся домом, стал управляющим в богатом помещичьем имении, завёл даже небольшой пансион для детей окрестных помещиков, где учил их грамоте и другим наукам. И соседи, и супруга называли его на русский лад Иваном Богдановичем.

Национальный характер формируется главным образом принятой в том или ином обществе системой воспитания. Вот и Штольц-старший воспитывал сына Андрея так, как воспитывали его самого, как это принято в Германии.

Уже с восьми лет Андрей «сидел с отцом за географической картой, разбирал по складам Гердера, Виленда, библейские стихи и подводил итоги безграмотным счетам крестьян, мещан и фабричных, а с матерью читал священную историю и разбирал по складам же «Телемака»» (с. 163)

Как видим, уже с раннего детства Андрей Штольц не только знакомится с географией, историей, литературой (немецкой и русской), но и занимается делом: «подводит итоги безграмотным счетам крестьян, мещан и фабричных». Незаметно, исподволь отец готовил его к практической трудовой деятельности.

Однако и радости детства Андрей испытал сполна: после занятий «бежал разорять птичьи гнёзда», иногда случалось, что во время молитвы или занятий из его кармана раздавался писк птенцов. Порой Андрей исчезал из дома на полдня или на весь день и потом его приводили домой «без сапог, с разорванным платьем и с разбитым носом у него или у другого мальчишки» (с. 163). Детские шалости сына отец воспринимал спокойно, приговаривая: «Добрый бурш будет! Добрый бурш!». Он запретил матери вмешиваться, сказав: «Что за ребёнок, если ни разу носу себе или другому не разбил».

Но невыполнение заданного урока вызывало гнев отца. Так, Андрей однажды исчез из дома на целую неделю. Мать места себе не находила, а отец был спокоен: вот если бы сын Обломова пропал, так Иван Богданович поднял бы на ноги всю деревню и полицию, а «Андрей придёт». И, действительно, через неделю Андрея нашли мирно спящим в своей постели, а под кроватью обнаружили чьё-то ружьё и порох. Отец не ругал сына, а только спросил Андрея, готов ли перевод из Корнелия Непота на немецкий язык.. « - Нет» - ответил он. Отец взял его одной рукой за воротник, вывел за ворота, надел на голову фуражку и ногой толкнул сзади так, что сшиб с ног.

- Ступай, откуда пришёл, - прибавил он, - и приходи опять с переводом вместо одной главы двух глав, а матери выучи роль из французской комедии, что она задала: без этого не показывайся!

Андрей воротился через неделю и принёс и перевод, и выучил роль» (с. 164).

Так Андрею дали понять, что порученное дело нужно исполнить, так воспитывалось в нём чувство долга и обязательность. А когда Андрей подрос, «отец сажал его на рессорную тележку, давал в руки вожжи и велел везти на фабрику, потом в поле, потом в город, к купцам, в присутственные места, потом посмотреть какую-нибудь глину, которую возьмёт на палец, понюхает, лизнёт и сыну даст понюхать и объяснит, какая она, на что годится. Не то так отправляется посмотреть, как добывают поташ или дёготь, как топят сало» (с. 165). Такие поездки способствовали тому, что Андрей рано стал самостоятельным. И уже в четырнадцать-пятнадцать лет он часто отправлялся один в тележке или верхом по поручению отца в город и «никогда не случилось, чтобы он забыл что-нибудь, переиначил, не доглядел, дал промах» (с. 165). Отец хвалил сына, выслушав отчет о поездке, трепал его широкой ладонью по плечу и давал два, три рубля в зависимости от важности поручения. Так Иван Богданович прививал сыну мысль, что любой труд заслуживает вознаграждения.

Это трудовое практическое воспитание не очень нравилось матери Андрея, происходившей из семьи обедневших русских дворян. И хотя она была замужем за

немцем, мужа своего она не понимала, как, впрочем, не понимала и «всю немецкую массу». Мать пугало, что Андрей будет сам ворочать жернова на мельнице, возвращаться домой с фабрик и полей, «как отец его, в сале, в навозе, с красногрязными руками, с волчьим аппетитом» (с. 166). В сыне же она видела идеал русского барина, хотя и «выскочки, от отца немца, но всё же сына русской дворянки» (с. 166), поэтому боялась, что сын вырастет таким же немецким бюргером, как и его отец. «На всю немецкую нацию она смотрела как на толпу патентованных мещан, не любила грубость, самостоятельность и кичливость, с какими немецкая масса предъявляет свои тысячетиями выработанные права» (с. 165).

Мать Андрея не замечала в немецком характере мягкости, деликатности, снисхождения, «ничего того, что делает жизнь так приятно в хорошем свете, с чем можно обойти какое-нибудь правило, нарушить обычай, не подчиниться уставу» (с. 165). Иными словами, мать Андрея не могла понять (и принять) такое качество немецкого характера как законопослушность, педантичное следование раз и навсегда установленвшемуся порядку, обычаям, традициям. Она считала, что все немцы (приказчики, мастеровые, купцы, офицеры, солдаты, чиновники), «все эти бюргеры с угловатыми манерами, с мещанской свежестью в лице и грубой речью» способны только «на чёрную работу, на труженическое добывание денег, на пошлый порядок, скучную правильность жизни и педантичное отправление обязанностей» (с. 165).

Уже подбор эпитетов (*чёрная работа, труженическое добывание денег, пошлый порядок, скучная правильность жизни, педантичное отправление обязанностей*) говорит о несходстве взглядов на жизнь отца и матери Андрея: то, что отец воспринимал как само собой разумеющееся, мать не понимала и не принимала. Для Штольца-старшего труд – основа жизни, основа благосостояния, а мать не желала такой жизни для сына. «Как ни наряди немца, – думала она, – какую тонкую и белую рубашку он не наденет, пусть обутся в лакированные сапоги, даже наденет жёлтые перчатки, а всё он скроен как будто из сапожной кожи; из-под белых манжет всё торчат жёсткие и красноватые руки, из-под изящного костюма выглядывает если не булочник, так буфетчик. Эти жёсткие руки так и просятся приняться за шило или много-много за смычок в оркестре» (с. 166)

Андрей хорошо учился, и отец сделал его репетитором в своем маленьком пансионе. Матери это не нравилось: «Ну пусть бы так; но он положил ему жалованье, как мастеровому, совершенно по-немецки: по десяти рублей в месяц, и заставлял его расписываться в книге» (курсив наш – А.Ш., с. 166).

Не принимая немецкий образ жизни, мать Андрея возненавидела «и тележку, на которой Андрей ездил в город, и клеенчатый плащ, который подарил ему отец, и замшевые зелёные перчатки – все грубые атрибуты трудовой жизни» (курсив наш – А.Ш., с. 166).

Отец в мыслях давно проложил жизненную колею для сына. Сделал он это просто: «взял колею от своего деда и провёл, как по линейке, до будущего своего внука». Он сам учился в университете и решил, что и сын должен учиться в университете. И «нужды нет в том, что это будет не немецкий университет, нужды нет, что русский университет должен будет произвести переворот в жизни сына». (с. 168) Он не подозревал, что «варягии Герца, мечты и рассказы матери, галерея и будуар в княжеском замке обратят узенькую немецкую колею (курсив наш – А.Ш.) в такую

широкую дорогу, какая не снилась ни деду его, ни отцу, ни ему самому»(с. 169). Гончаров замечает, что Штольц-старший «не был педант в этом случае, не стал бы настаивать на своем; он только не умел бы начертить другой дороги сыну».

Истинный немец, Иван Богданович Штольц во всём следует немецким обычаям и традициям. Вот и вернувшегося домой после университета сына он отправляет в Петербург. «А отчего ему надо в Петербург, почему не мог он остаться в Верхлёве и помогать управлять имением, - об этом старик не спрашивал себя; он только помнил, что когда он сам кончил курс учения, то отец отоспал его от себя. И он отоспал сына – таков обычай в Германии (курсив наш – А.Ш.). Матери не было на свете, противоречить было некому»(с. 169).

На прощанье, перед отъездом сына в Петербург отец ещё раз преподает Андрею урок практичности и бережливости. Как когда-то его отец, отсыпая сына от себя, дал ему сто талеров и новую куртку, так и он, прощаясь с Андреем, дал ему сто рублей, сказав при этом: « Ты поедешь верхом до губернского города. Там получи от Калинникова триста пятьдесят рублей, а лошадь оставь у него. Если же его нет, продай лошадь; там скоро ярмарка: дадут четыреста рублей и не на охотника. До Москвы доехать тебе станет сорок рублей, оттуда в Петербург – семьдесят пять; останется довольно. Потом – как хочешь. Ты делал со мной дела, стало быть, знаешь, что у меня есть некоторый капитал; но ты прежде моей смерти на него не рассчитывай. (...) Образован ты хорошо: перед тобой все карьеры открыты; можешь служить, торговать, хоть сочинять, пожалуй, - не знаю, что ты выберешь, к чему чувствуешь больше охоты»(с. 169). И когда Андрей сказал, что он попробует, «нельзя вдруг по всем», отец «захохотал из всей своей мочи и начал трепать сына по плечу так, что и лошадь бы не выдержала, Андрей ничего!»

Таким образом, в основе немецкого национального характера лежат такие качества, как трудолюбие и законопослушность, чувство долга и обязательность, образованность и компетентность, практичность и бережливость, строгость и сдержанность. Вот как описывает И.А. Гончаров прощание отца с сыном: «- Ну! – сказал отец. -Ну! – сказал сын. -Всё? – спросил отец. - Всё! – сказал сын».

Они посмотрели друг на друга молча, как будто пронзая взглядом один другого насквозь» (с. 170). Такое немногословное и сдержанное расставание двух родных людей не в характере русских и непонятно соседям, собравшимся посмотреть, как «управляющий отпускает сына на чужую сторону». Приведём высказывания соседей по этому поводу:

«- Каков щенок: ни слезинки! – говорили соседи. – Вон две вороны так и надрываются, каркают на заборе: накаркают они ему – погоди ужо!...

- Да что ему вороны? Он на Ивана Купала по ночам в лесу один шастается: к ним, братцы, это не пристаёт. Русскому бы не сошло с рук!

- А старый-то нехристь хорош! – заметила одна мать. – Точно котёнка выбросил на улицу: не обнял, не взывал!

- Ах вы, собаки, право собаки! Словно чужие! – говорили соседи» (с. 170).

У русских принято более эмоциональное поведение при прощании. Родственные чувства не скрываются. Уезжающего принято благословить, перекрестить на дорогу:

«Но вдруг в толпе раздался громкий плач: какая-то женщина не выдержала.

- Батюшка ты, светик! – причитала она, утирая концом головного платка глаза. – Сиротка бедный! Нет у тебя родимой матушки; некому благословить-то тебя. Дай хоть я перекрещу тебя, красавец мой!...

Андрей подъехал к ней, соскочил с лошади, обнял старуху, потом хотел было ехать – и вдруг заплакал, пока она крестила и целовала его. В её горячих словах послышался ему будто голос матери, возник на минуту её нежный образ» (с. 171).

Как видим, поведение немца (Ивана Богдановича Штольца) неадекватно воспринимается окружающими его русскими людьми. В оценке его поступков они руководствуются правилами русского национального коммуникативного поведения, которое заметно отличается от немецкого.

Гончаров И.А. Обломов. – М.: Художественная литература, 1970.

Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж, 2001.

С.Н. Филюшкина
Воронежский ГУ

«С англосаксонской точки зрения ...» (Образ немца в повести Джерома Клапки Джерома «Тroe на велосипеде»)

Русский вариант названия повести — «Тroe на велосипеде» (1900) — не передает важного для автора смысла оригинала, где намеренно сочетается английская и немецкая лексика: “Three Men on the Bummel”. По свидетельству писателя, слово “Bummel” было придумано в Германии, чтобы обозначить популярное в студенческой среде «свободное, бесцельное бродяжничество для собственного удовольствия»¹. Подобному бродяжничеству по чужой стране предаются в повести Дж. К. Джерома три друга-англичанина, уже знакомые читателю по книге «Тroe в одной лодке, не считая собаки» (1889), прославившей имя автора «теплым, добрым, немудрствующим юмором»².

Название новой повести, посвященной приключениям Джорджа, Гарриса и Джая на континенте, должно было подчеркнуть произвольность их маршрутов, явно не претендующих на то, чтобы хорошо изучить Германию,

¹ Джером К. Джером. Тroe в одной лодке. Тroe на велосипеде. — Минск: Вышэйшая школа, 1993. — С. 311. (В дальнейшем цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках).

² www.britannica.com.

посмотреть в ней самое примечательное и потом обо всем подробно «отчитаться». Рассказчик Джей, за которым стоит автор, не задерживается на описании увиденных городов, мельком характеризуя даже Дрезден. Более того, он предупреждает читателя об отсутствии в его книге каких-либо «толковых сведений» и «исторических воспоминаний» (с. 229) и с легкой ironией дает понять, что для него и Париж, и Лондон, и Берлин одинаковы, «как муравейники», что существование железных дорог и фотографии делает ненужными когда-то полезные словесные свидетельства путешественников, что картины природы на страницах книги только утомят читателя и их лучше заменить «простыми строками путеводителя» (с. 233).

Вместе с тем рассказчик внимателен и зорок к тому, что ему интересно и, возможно, заслуживает подражания. Это особенности изучения в Германии иностранных языков и в целом постановка образования, студенческие обычаи (хотя дуэли бурштейн вызывают у него отвращение), работа театров, манера вести торговлю, отсутствие кастовости в обществе (резко обособляются только аристократы-землевладельцы), здоровое, разумное начало, воплощенное в немецкой женщине.

Приметы чужого быта и нравов, психологического облика нации автор нередко выявляет, обращаясь к комическим ситуациям и щедро проявляя свой дар юмориста. Таков рассказ Гарриса о его поездке на площадке электрической конки, когда, не привыкнув еще к новому для него средству передвижения, Гаррис от толчков постоянно падал на других пассажиров, развлекался этим и недоумевал, почему же никого другого это не забавляет и все вокруг проявляют спокойное, молчаливое терпение. Такова и юмористически окрашенная сцена в лавке, где различное отношение англичанина и немца к церемонии купли-продажи приводит к конфликту: хозяин лавки выгоняет пытающегося поторговаться иноземного гостя, между тем как для «покупателя с Альбиона» стремление сбить цену — естественно и правомерно. В подобных сценах шутливо-ехидная авторская улыбка адресована прежде всего его самодовольным соотечественникам, убежденным в правильности только собственного поведения. Однако, если говорить о повести в целом, то объектом иронии и даже сарказма, как правило, бывают все-таки «аборигены».

И вот здесь мы подходим к центральной проблеме произведения, которая отчетливо проступает сквозь общий шутливый тон повествования и пристрастие автора к изображению комических ситуаций. Это проблема национальной идентичности немцев, интерес к которой подпитывался в начале двадцатого века недавним объединением Германии, ее победой во франко-пруссской войне и быстрым, решительным выходом на мировую арену в сфере политики, экономики и культуры. Заметим, что до первой мировой войны в год появления книги Джерома оставалось не так уж много — четырнадцать лет!

Правда, писатель не касается политических коллизий, только раз и мельком он упоминает Бисмарка и мимоходом говорит о былой раздробленности Германии. Внимание его сосредоточено — повторим еще

раз ! — на быте и нравах, на психологии среднестатистического немца, своеобразие которых, как стремится показать Джером, определяет в Германии и многие стороны *общественного поведения, характер законов, отношения между рядовыми гражданами и власть имущими.*

Поначалу весьма благодушно, с откровенной доброжелательностью рассказчик отмечает опрятность немецких городов, стремление жителей к аккуратности и чистоте: « В Германии пристрастие к порядку вдыхаешь вместе с воздухом...» (с. 246). Но вот уже звучат и ехидные нотки: к порядку в Германии стремятся приучить и птиц — им не дают вить гнезда где попало и заставляют всех жить в деревянных домиках, а со временем «теперешний беспорядочный писк и щебетанье исчезнут, каждая птица будет знать свое время, и вместо того, чтобы надрываться без всякой пользы в четыре утра, в лесу, — горластые певцы будут прилично петь в садиках, при пивных, под аккомпанемент рояля»(с. 247). Так же не без сарказма комментируется любовь немцев к собакам: живых животных в Германии предпочитают заменять фарфоровыми, которых ставят на лужайке перед домом, радуясь, что в таком «варианте» собаки не станут источником грязи и хаоса.

«Немец одобряет даже дикую природу — если она не слишком дикая; в случае излишества дикости он принимается за работу и подчиняет себе все, что нужно»(с. 248), — это наблюдение рассказчика подтверждается далее описанием «переустройства» горной местности, где с пути горного потока убирались камни, выравнивались и обкладывались защемленным кирпичом берега. Все это превращало раздолье пенистых струй в «широкую, гладкую полосу воды», которая текла «медленно и сонно» — в соответствии с «предписанными правилами красоты» (с. 249). Апофеозом культа порядка, получающего на страницах повести уже гротескное осмысление, становится эпизод, когда служитель парка снимает с газона жук, нарушившего всеобщий запрет ступать на траву, и жук, будучи «пристыжен ужасно», поспешно ползет по дорожке с надписью «Выход!» (с. 276).

Принцип регламентированности, порядка, четкой системы правил распространяется и на поведение людей. В парке указатели на каждой тропе оповещают, кто имеет право по ней передвигаться — велосипедисты, просто пешеходы, одинокие дамы, дети. При этом дорожки и тропы идут не параллельно, но каждая в своем направлении, так что посетитель парка должен выбирать путь вне зависимости от своего желания, а только в соответствии с тем, кем он является — взрослым или ребенком, мужчиной или женщиной! Джером описывает ситуацию, когда дама, явно иностранка, не могла попасть в нужный ей конец парка, поскольку туда вела дорожка, не соответствующая ее «статусу», и даме идти по ней запрещалось под угрозой штрафа.

Авторский сарказм, выявляющий абсурдность, подобной коллизии, особенно ярко раскрывается в рассказе об отставшем от друзей Джордже. Не имея достаточно денег, он купил дешевый билет и сразу попал в тиски исключающих друг друга правил передвижения по железной дороге. В соответствии с ценой билета Джордж не мог занимать пронумерованного места, но все места в вагоне имели номера, так что сидеть он не мог; в то же

время особое объявление запрещало «хождение по коридору». При этом за все нарушения полагался штраф, и никакие объяснения во внимание не принимались, что вообще характерно для Германии, подчеркивает рассказчик.

Но подобные ситуации не вызывают у местного населения никакого протеста. Джером многоократно указывает на готовность среднего немца следовать любым предписаниям и запретам и даже рекомендациям, на какой вид смотреть! По словам рассказчика, в живописных местах встречаются и такого рода таблички, а полицейские распоряжения развесены через каждые сто метров. Объявления, запрещающие немцу куда-нибудь повернуть и что-либо сделать, дают ему «чувство полного удовлетворения и безопасности» (с. 248). Отличительная черта немца — полное доверие к власти, государству и особенно полицейскому, который «добросовестно и безупречно» заботится о каждом: «Если вы что-нибудь потеряете — он найдет, если вы сами себя потеряете — он вас водворит куда следует; если вы не знаете, чего вам хочется, — он вам объяснит; если вам хочется чего-нибудь полезного и хорошего — он достанет» (с. 325).

Чем больше сосредоточен автор на глубинных, с его точки зрения, качествах немца, тем ощущимее меняется стиль повествования. В последней, четырнадцатой, главе, подводящей итоги путешествия, он становится афористичным, аналитическое начало сочетается с категоричностью суждений, ирония не исключает серьезности мысли и стремления писателя представить себя в глазах читающих объективным судьей. Еще раз повторяя уже вынесенную ранее оценку — «немцы — хороший, добрый народ», отмечая, что «тевтонская раса», как и англосаксонская, процветает («значит, в обеих системах есть истина», с. 327), Джером не скучится и на жесткие характеристики: «Свобода воли и личности не искушает немца: он любит, чтобы им управляли» (с. 324).

Писатель соглашается с суждением Карлейля об «одной великой добродетели пруссаков» (и, по мнению Джерома, всех германцев) — это «способность к исправке» (с. 326). Въевшуюся в «их плоть и кровь» «солдатчину» (с. 326) он объясняет исторически — тем, что Германия не один век отдавала своих сыновей в наемные армии других государств. Отсюда у немцев одно умение: либо повиноваться, либо командовать. Но самим собой немец управлять не может, он беспомощен по отношению к самому себе, не умеет внутренне самоопределиться и ждет воздействия со стороны. Это очень тонкое наблюдение Джерома заставляет вспомнить и Рудольфа Ланга («Смерть — мое ремесло» Робера Мерля, 1953), не способного принять на себя ответственность и жаждущего быть только «винтиком» системы, и полицейского Йенса Оле Йепсена, который без поручения не чувствовал себя человеком и любил рассуждать о «радости исполненного долга», опять-таки продиктованного извне («Урок немецкого» Зигфрида Ленца, 1968). Сущность возможных прототипов Йенса — почти за семьдесят лет до своего немецкого коллеги — раскрывает английский писатель Джером: «У них один девиз: долг; а понятие о долге сводится, кажется, к следующему: «слепое повиновение

каждому, кто носит блестящие пуговицы» (с. 327; пунктуация и кавычки авторские. — С.Ф.).

Джером предстает и своеобразным пророком: «тяжелое время» для Германии «настанет тогда, когда испортится главная машина», т.е., когда не будет «хороших правителей» (с. 327). Впрочем, писатель не теряет надежды, что такие правители в стране сохранятся. Парадоксальным образом он связывает этот факт с «вышеизложенным характером народа», который таких правителей «вырабатывает» (с. 327). И это короткое замечание позволяет уже по-иному расставить акценты в оценке писателем тех черт, из которых складывается, по его мнению, национальная идентичность немцев. Критический пафос, ирония по адресу немецкой «способности к выправке» не исключают того, что этот народ умеет созидать. И источник этого не только в аккуратности и трудолюбии, но и в психологической невозможности для немца нарушить закон, принятые нормы поведения — даже наедине с самим собой, когда тебя никто не контролирует! Примеры подобной внутренней выдержки писатель отмечает и у детей, иногда поражаясь этому, иногда открыто раздражаясь, смеясь, но в то же время и недоумевая, и в этом откровенном недоумении нельзя не почувствовать невольного признания этой чужой, удивляющей его моральной правоты.

Устами рассказчика автор неоднократно подчеркивает, что он смотрит на Германию с англосаксонской точки зрения. В результате перед нами, уже как бы от противного, предстает и образ Англии, причем такой, какой она видится изнутри, представляется самому англичанину. Налицо любопытный психологический феномен, который проявляется в отношениях между людьми различных наций. Не принимая каких-то черт в другом народе, человек невольно воспринимает душевный склад и поведение своего народа с известной долей идеализации. Так на фоне немецкой дисциплинированности и стремления к порядку, к подчинению властям, быт и нравы и в целом общественный уклад Англии представляются Джерому бесконечно свободными, предполагающими неограниченное волеизъявление личности и широту моральных оценок и полное отсутствие каких-либо сковывающих человека правил. Оказывается, даже в ответ на прямое оскорблениеАнглийский полицейский остается невозмутимым — вот почему задевать его просто неинтересно (в Германии же полицейского никто не трогает, потому, что он священен, как брамин). Даже мелкие пороки в Германии обязательно наказуются, в Англии же к ним относятся снисходительно. Немцы с легкостью подчиняются любым запретам, а «для среднего здорового английского юноши британской крови развлечение только тогда доставит удовольствие, если оно связано с нарушением закона» (с. 270). Но законы в Англии к человеку отнюдь не строги, поэтому нарушить их, «влететь в историю», что «для юного англичанина блаженство», требует с его стороны «большого упорства и настойчивости» (с. 270).

Как видим, возникающий на страницах повести образ англичанина (его созданию служат и фигуры трех друзей-путешественников и снова упоминающегося дядюшки Поджера) отнюдь не соответствует тому

стереотипу, который сложился в сознании людей других наций, например, у русских: англичанин деловит, практичен и пунктуален, чопорен и немногословен (в этих качествах никак не упрекнешь ни Джорджа, ни Джая, ни Гарриса); англичанин — раб условностей (Джером этот тезис постоянно опровергает); наконец, англичанин — чудак (с этим вроде бы Джером не спорит; но для русского человека чудачество англичанина проявляется опять-таки в его якобы излишней пунктуальности, деловитости; у Джерома все с точностью дооборот — планы его героев всегда расходятся с их выполнением, предусмотрительность оборачивается опрометчивостью и т. д.).

Проблема национальных стереотипов, психологических штампов, определяющих отношение людей одной нации к другой, волнует и Джерома. В одном из эпизодов он изображает актеров, представляющих «путешествующего британца с дочерью — в таком виде, какой считается для нас обязательным, по мнению континентальных жителей» (с. 256). Актеры создают образы явно карикатурные. С точки зрения автора, публичная демонстрация таких карикатурных стереотипов (низеньких толстых французов, поглощающих бутерброды с лягушками, «неподстриженных немцев» с трубками в зубах, постоянно говорящих «So») была бы очень полезной и служила бы смягчению международной напряженности, ослабляла бы озлобление толпы, создающей образ врага: «жажда убийства не может относиться к тому, кто смешон» (с. 258). Джером предполагает, что к такому приему как раз и прибегло французское правительство, наняв упомянутых актеров, в момент крайне натянутых, едва не вылившимся в войну отношений с Англией.

Для нас здесь важна мысль автора о карикатурности национального стереотипа, и хотел он сам этого или нет, его позиция в этом вопросе в известной мере снижает категоричность его же собственных суждений касательно немецкой национальной идентичности. Конечно, Джером, как уже говорилось, пророчески связал отдельные черты психологии среднего немца с будущими бедами, возможными для Германии, и фашистский режим, умело использовавший эти черты, подтвердил правоту писателя. Однако не забудем, что сталинизм, утвердивший себя в известные годы в среде *многонациональной*, был не менее жесток и страшен...

Вспомним, что имагология — одно из направлений современной компаративистики, изучающее литературу с точки зрения восприятия одного народа другим, предлагая два термина (их ввели французские ученые): «image» и «mirage». Размышления над повестью Джерома убеждают, что стереотип, который ложится в основу «mirage», складывается по вполне понятным психологическим причинам: когда сознание человека, даже сознание художника, сталкивается с чем-то не похожим на то, к чему оно привыкло, эта непохожесть абсолютизируется. Так, в известной степени, произошло и с Джеромом. Вместе с тем элементы «mirage» нельзя не увидеть и в отношении писателя к его родной Англии, которую он резко противопоставляет Германии. Можно предположить, что «image» и «mirage» в творческом воображении писателя чаще всего скорее сливаются, поскольку

“image”(образ) тоже так или иначе всегда субъективен. Впрочем, эта проблема еще только формирующейся как научное направление имагологии заслуживает специального исследования.

В.В.Поталуй
Воронежский ГУ

«Недружелюбность к детям» - черта немецкого характера?

О немцах нередко можно слышать, что они «недружелюбны» к собственным детям. Английский журналист Майкл Майер (Michael Meyer) опубликовал в журнале Newsweek (December 16, 1991) статью «Be Kinder to Your 'Kinder'», в которой рассматривает эту проблему. Приведем выполненный нами перевод этой статьи с небольшими комментариями.

Будьте добре к своим детям Попытка изменить «недружелюбных к детям» немцев

Немцы, говорят циники, любят собак больше, чем детей. Мало кто ударит дворняжку, а ребенка? Это уже другой вопрос - настолько, что парламент Германии предложил рассмотреть новое жесткое законодательство, запрещающее родителям “придираться, отшлепывать, давать оплеухи или отказывать детям в любви”. Дети, подвергающиеся плохому обращению, могут пригрозить, осуществляя мечту каждого подростка: “Папа, дай мне ключи от машины, или я расскажу полиции, что ты кричишь на меня.”

Немецкая холодность по отношению к детям является таким фактом жизни, что для его обозначения даже существует специальное слово: *kinderunfreundlich*, или “недружелюбный к детям”.

Вы быстро учитесь отстранять от себя детей. Первое, что встает перед глазами при воспоминании о Бонне - это женщина в шубе, сбивающая моего трехлетнего сына, который оказался на ее пути, и даже не оглянувшись, не говоря уже об извинениях. Соседи могут вызвать полицию, когда дети играют на улице в воскресенье, священный «тихий день». Отправьтесь на поиски жилья, и вы увидите, что ваша вожделенная квартира с двумя спальнями и еще одной комнатой уходит к тому, кто не очень-то хочет иметь детей. Или возьмите своего дошкольника в книжный магазин. Стоит ему попросить вас купить комиксы, и продавщица зашикает на него и обратится к вам: «Не могли бы вы следить за своим отпрыском?».

Еженедельник *Der Spiegel* опубликовал статистику, согласно которой каждый год около 400000 детей подвергаются «жестокому обращению». Федерация по защите детей в Германии приводит цифру, близкую к миллиону. «Это позор, - заявила министр по делам молодежи Анжела Меркель. - Мы,

немцы, относимся к домашним питомцам лучше, чем к детям».

Наиболее типично *Kinderunfreundlichkeit* проявляется как нетерпимость или пренебрежение: родители, которые выгоняют своих детей из дома за плохое поведение; сотрудники магазинов, которые игнорируют ребенка, пытающегося что-то купить; владельцы домов, запрещающие детям играть на газонах. Иногда недружелюбие маскируется под преувеличенную заботливость. «Люди в супермаркете поинтересуются, почему ваш ребенок плачет, или заметят, что он одет неподобающим образом, - говорит жена иностранного дипломата в Бонне. - Подтекстом является то, что ребенка не должно быть там вообще».

Простых объяснений такому поведению не существует. Многие социологи отмечают, что немцы слишком pragmatичны и слишком заняты, чтобы беспокоиться о детях. Жилье дорого, прожиточный минимум - один из самых высоких в Европе. Чтобы позволить себе новенькую "BMW" и отпуск в Тенерифе и Гваделупе, оба супруга в современной семье должны работать. А поскольку понятие «продленка» не известно в Германии, Mutter должна бросить работу и стать Hausfrau. Результатом становится стресс - и возмущение. Неудивительно, что уровень рождаемости снизился до 1,4 ребенка на одну семью и что почти у половины всех немецких семейных пар нет детей.

Другие объяснения опираются на психологию или историю. Некоторые наблюдатели считают, что дети, по природе непослушные, оскорбляют любовь немцев к порядку. Другие доказывают, что гитлеровское прославление настоящих «арийских» матерей принизило детей и материнство в глазах молодого поколения немцев. Самое простое объяснение может быть самым тревожным. Как сказал один школьный учитель из Бонна: «Мы, в общем-то, не очень открытый или дружелюбный народ».

Возникшая озабоченность правами детей отражает изменяющееся настроение в Германии. В ходе объединения Европы немцы постепенно перенимают многие более либеральные взгляды своих соседей, особенно в таких сферах, как образование и проблемы женщин и семьи. Действительно, новый парламентский закон о защите детей был предложен специально для того, чтобы ввести социальную практику Германии в соответствие с Конвенцией ООН по Правам Ребенка, подписанной Германией.

Один плюс один: вопрос в том, может ли государство контролировать отношения. Принимая во внимание снижающийся уровень рождаемости, Бонн давно поощряет немцев размножаться, предлагая щедрые дотации - 500 долларов в месяц в течение первых 18 месяцев жизни ребенка. Реклама, финансируемая государством, изображает прижимающихся друг к другу влюбленных, проникновенно напевающих: «Один плюс один будет три... Мы хотим ребенка».

Ни реклама, ни деньги почти ничего не изменили. Новое законодательство ставит новые проблемы. Согласно новому закону, детям будут рассказывать об их правах начиная с детского сада и поощрять их сообщать о нарушениях закона родителями. «Это является миной замедленного действия», - пишет

либеральная Ди Вельт. Большой проблемой является то, что защищающий детей закон направлен скорее на симптомы, чем на причины. Без фундаментальных изменений, начиная со школы продленного дня, обеспеченной государством, и до общей культуры отношений, *Kinderunfreundlichkeit* продолжит формировать такие вещи, как это объявление в разделе недвижимого имущества в местной газете: «Предоставляется квартира с двумя спальнями и отдельной комнатой для детей или собак». «Отдельная комната» оказывается темной и душной кладовой под лестницей. А еще говорят, мы любят собак?

Примечание переводчика

Вот такая статья в английской газете. Очевидно, что в каждой стране существует своя модель воспитания детей. В Японии, например, до пяти лет детям позволяет все, до двенадцати они тоже ведут себя более или менее свободно, зато с двенадцатилетнего возраста подростки попадают в довольно жесткие рамки и начинают закладывать фундамент своего будущего. Англичане известны своей любовью к домашним животным, которым, как и немцы, зачастую уделяют больше внимания, чем детям. В Англии, США, Франции считается естественным, когда дети, достигнув определенного возраста, отделяются от родителей, сами зарабатывают себе на жизнь, учебу, строят карьеру. В России же существуют крайности в вопросе воспитания детей. В обеспеченных семьях, особенно если ребенок один, родители балуют, холят и лелеют его, выполняют все его капризы и ни в чем не отказывают, тем самым культурируя в нем эгоцентризм. В результате этот человек всю жизнь живет с чувством, что все вокруг ему должны и ощущает себя «пупом земли».

Часто родители настолько опекают свое чадо, что вырастает человек, совершенно не способный действовать самостоятельно и всю жизнь рассчитывающий на помочь других. Или возьмем другую крайность - детей из так называемых неблагополучных семей, которые абсолютно не нужны, даже мешают своим родителям; детей, живущих в подвалах и пополняющих собой ряды преступников. Наверное, нигде в мире нет такого количества брошенных детей. Естественно, ни та, ни другая крайности не ведут к возникновению стабильного общества. А в Англии, Америке, Германии такое общество существует, страны процветают. Так, может быть, оправдано такое «прохладное» отношение к детям, когда им приходится доказывать свою способность быть равноправными и самостоятельными членами общества?

Конечно, немцы перегибают палку, и не зря они сами забили тревогу. В этом вопросе нужно искать золотую середину и воспитывать детей так, чтобы они не чувствовали себя ни идолами, ни изгоями в семье и в обществе. Однако в любом случае ребенок не должен быть изъят из общения. И в этом плане русский ребенок в своей семье чувствует себя гораздо более коммуникативно комфортно, чем немецкий.

И.А. Стернин, В.М.Топорова, В.Н.Лесных
Воронежский ГУ

Динамика развития представления о типичном немце в русском сознании

В данной статье приводятся в сопоставлении данные опроса русских молодых людей в возрасте 18 – 30 лет, проведенного в России в 1991 году (40 человек) и в 2001 году (60 человек). Опрос был проведен по одним и тем же 12 параметрам, характеризующим «типичного немца» в сознании носителя русского языка.

Испытуемым предлагалось ответить на следующие вопросы:

Типичный немец -

1. По характеру – какой?
2. Внешне какой?
3. Как себя ведет?
4. Немецкий язык – какой?
5. Что немцы едят?
6. Как немцы одеты?
7. Что немцы любят?
8. В чем вы видите различия между ГДР и ФРГ?
9. Можно ли доверять миролюбию немцев?
10. Отношение русских к немцам?
11. Отношение немцев к русским?
12. Что сформировало ваше мнение?

Интерес представляет промежуток в 10 лет, прошедший со времени первого эксперимента – за этот период завершилась перестройка в России, завершилось полное объединение ГДР и ФРГ, сформировалась новая Европа, изменился общественный строй в России, коренным образом изменилось место России в мире, заметно изменилось российское сознание. Интересно выявить, оказались ли столь существенные общественно-политические изменения на отношении русского сознания к немцам.

Представим полученные данные в форме сопоставительной таблицы (данные приводятся в процентах ответивших тем или иным образом к общему числу опрошенных; общая сумма в процентах по каждому параметру может превышать 100 в связи с тем, что испытуемые давали по несколько ответов).

1. Немцы по характеру – какие?

Параметры	1991 %	2001 %
1. Пунктуальность	32,5	38

2. Аккуратность	27,5	8,3
3. Педантичность	25	10
4. Экономность, расчетливость, практичность, сккупость	27,5	11,6
5. Рациональность, рассудительность	12,5	5
6. Трудолюбие, деловитость	20	5
7. Добросовестность, ответственность, дисциплинированность, обязательность	10	3,3
8. Общительность	22,5	6,7
9. Скрытность	10	8,3
10. Строгость, сухость, хладнокровие	30	6,7
11. Приветливость, дружелюбие, раскованность	5	5
12. Уравновешенность, сдержанность	40	13,3
13. Жесткость	12,5	35
14. Эгоизм	2,5	6,7
15. Вежливость, корректность	7,5	13,3

2. Вешний облик

1. Светлые волосы	57,5	25
2. Голубые глаза	22,5	10
3. Темные волосы	2,5	11,7
4. Темные глаза	-	6,7
5. Высокий рост	35	38,3
6. Средний рост	2,5	10
7. Малый рост	-	5
8. Худощавость	2,5	13,3
9. Полнота	7,5	6,7

10. Тонкие черты	15	13,3
11. Грубые черты	7,5	11,7
12. Обаятельность	7,5	10

3. Поведение

1. Раскованность	47,5	6,7
2. Сдержанность	10	20
3. Вежливость, корректность, воспитанность, тактичность	47,5	66,7
4. Надменность, самомнение	17,5	16,7
5. Общительность, приветливость	15	25
6. Грубоść, агрессивность, недоброжелательность, жесткость	12,5	20
7. Пунктуальность	10	6,7

4. Немецкий язык

1. Трудный	27,5	48,3
2. Грубый	50	65
3. Некрасивый	17,5	1,7
4. Резкий, лающий, каркающий, немелодичный	52,5	20
5. Четкий, военный	17,6	5
6. Хорошо выражает мысль	5	-
7. Интересный	7,5	1,7
8. Красивый	12,5	16,7

5. Что немцы едят

1. Пиво	15	70
2. Сосиски	15	28,3
3. Бутерброды	15	6,7
4. Колбасы	7,5	10

5. Много мяса	12,5	21,7
6. Полуфабрикаты, консервы	5	8,3
7. Овощи	17,5	1,7
8. Фрукты	7,5	1,7
9. Салаты	10	3,4
10. Все, что на скорую руку	5	1,7
11. Курицу	2,5	3,4
12. Легкая вегетарианская пища	2,5	-
13. Сладости	12,5	-
14. Йогурты	-	8,3
15. Много сыра	-	5
16. Картошка	-	3,4
17. Кофе	12,5	1,7

6. Как немцы одеты

1. Молодежь - спортивный стиль	40	35
2. После 40 лет строго, классически	17,5	31,7
3. Красиво, со вкусом	35	20
4. Брюки для мужчин и женщин	20	-
5. Практично, просто, рационально	60	11,7
6. Экстравагантно	2,5	1,7
7. Стильно	-	8,5
8. Яркие тона	5	1,7
9. Темно – зеленые, темно – синие тона	-	5,1

7. Что немцы любят

1. Пиво	-	31,7
2. Работа	7,5	13,3
3. Спорт	25	13,3
4. Порядок, аккуратность	30	6,7
5. Чистота	10	1,7
6. Точность, пунктуальность	5	11,7
7. Патриотизм	2,5	5,1
8. Развлечения, отдых	42,5	11,7
9. Путешествия	2,5	16,7
10. Автомобили	-	13,3
11. Не знаю	32,5	1,7

8. Различия между ГДР и ФРГ

1. Есть (в строёе)	45	13,3
2. Нет	22,5	30
3. Затрудняюсь ответить	7,5	35
4. Немцы ФРГ более эгоистичны	2,5	-
5. Более практичны	2,5	-
6. Более трудолюбивы	2,5	-
7. Агрессивны	7,5	-
8. Американизированы	2,5	-
9. Много националистических группировок	5	-
10. Немцы ФРГ хуже понимают нашу страну	2,5	-
11. Немцы ФРГ более раскованы	27,5	-
12. Немцы ГДР лучше нас понимают	2,5	1,7
13. Немцы ГДР добнее, мягче	2,5	-
14. Немцы ГДР более контактны	2,5	1,7
15. Немцы ГДР более дружелюбны	2,5	

16. Различия социальные, в материальном положении	2,5	6,7
17. Различия идеологичес- кие	5	-

9. Можно ли доверять миролюбию немцев

1. Да	75	50
2. Нет	10	41,7
3. Не всегда	20	16,7
4. ГДР - можно	7,5	-
5. ФРГ - нет	7,5	-

10. Отношение русских к немцам

1. С недоверием (старшее поколение)	20	1,7
2. С недоверием	-	23,3
3. Нормальное	7,5	6,7
4. Доброжелательное	52,5	30
5. Плохое (вплоть до ненависти)	2,5	41,7
6. По разному	17,5	15

11. Отношение немцев к русским

1. Не знаю	25	20
2. Нормальное	10	3,4
3. Хуже, чем наше к ним	5	-
4. Плохое	27,5	38,3
5. Пренебрежительное	12	5
6. Доброжелательное	27,5	8,3
7. Хорошее	10	10
8. С недоверием	2,5	11,7
9. Безразличное	-	5,1

12. Что сформировало мнение

1.Мнение старшего поколения	22,5	30
2. Память о войне	10	23,3
3. Фильмы	60	60
4. Книги	40	28,3
5. Мнение друзей	30	5,1
6. Мнение знакомых, бывших в ГДР и ФРГ	7,5	6,7
7. Личные наблюдения, общение (общежитие, поездки в ГДР, родственники из немцев)	62,5	5,1
8.Учебники немецкого языка	-	1,7
9. Занятия по истории	2,5	5,1
10. СМИ	10	10

Проведенное исследование показало, что представления о немцах в сознании русской молодежи за 10 лет обнаружили следующую динамику развития.

1. Изменения в образе немца для такого короткого периода могут быть признаны существенными.
2. Наибольшие изменения коснулись такого параметра как характер немцев. Усилилась яркость признака жесткость – в три раза, при этом в 5 раз уменьшилась яркость признака сухость, в 4 – трудолюбие, деловитость, общительность, в 3 раза – добросовестность, аккуратность, сдержанность, в 2 раза – педантичность, экономности, рационализм. Сохранной в основном оказалась яркость признаков вежливость, корректность, приветливость, эгоизм, скрытность.
3. Параметр внешний облик претерпел незначительные изменения. Появился признак темные глаза. В 4 раза увеличилась яркость признаков темные волосы, худощавый; в 2 раза уменьшилась яркость признаков голубые глаза, светлые волосы, сохранины признаки обаятельный, высокий рост, полный, тонкие черты лица, грубые черты лица.
4. Параметр поведение: резко сократилась яркость признака раскованность (в 8 раз). В 2 раза ярче стал признак сдержанность. Признаки вежливость, корректность, надменность, самомнение, жестокость, пунктуальность сохранили свой статус.
5. В отношении к немецкому языку сохранились в равной мере признаки грубый и красивый. В 8 раз уменьшилась яркость признака некрасивый, в 2 – резкий, в 3 – четкий, военный, в 4 раза – интересный. Исчез признак хорошо выражает мысль, в 2 раза увеличилась яркость признака трудный.
6. Параметр типичная еда: в 5 раз усилилась яркость признака пиво, в 2 раза – сосиски. При этом в 8 раз уменьшилась яркость признака овощи, в 5 раз – салаты, бутерброды, в 5 раз фрукты, в 6 раз кофе. Исчезли признаки

сладости, вегетарианская пища. Появились йогурты и картофель. Сохранили яркость признаки колбаса, мясные продукты, полуфабрикаты.

7. Мало изменений коснулись параметра одежды: в 2 раза усилилась яркость признака после 40 лет – классический стиль; в полтора раза – одеты со вкусом. Исчез признак брюки для мужчин и женщин, в 4 раза уменьшилась яркость признака практичная одежда, появились признаки стильная одежда, темно-зеленые или темно-синие тона.
8. Определяя, что немцы любят, испытуемые в 5 раз «уменьшили» яркость признаков порядок, аккуратность, чистота, в 4 раза – отдых, развлечения. В 2 раза увеличилась яркость признака точность, пунктуальность, появился признак любовь к автомобилям. В 16 раз уменьшилась частотность ответа не знаю.
9. Разграничивая ГДР и ФРГ, испытуемые в настоящее время в 4 раза чаще отвечают затрудняюсь ответить. Многие признаки, выделявшиеся ранее, исчезли, в том числе яркий признак раскованность поведения, выделявшийся в 1991 г. для жителей ФРГ 27,5 испытуемых.
10. На 25% сократилось число испытуемых, считающих, что миролюбию немцев можно доверять, и в 4 раза увеличилась яркость признака нельзя доверять. В 20 раз выросла яркость негативного оценочного отношения к немцам. Аналогично в 3 раза сократилась яркость признака доброжелательность отношения к немцам и в 5 раз выросла яркость признака недоверие к немцам.
11. Источники информации о немцах и Германии остались в принципе те же, но в 2 раза усилилась релевантность признака память о войне, в 2 раза сократилась роль книг и в 12 раз сократилась значимость личных наблюдений. Роль СМИ, фильмов и мнения старшего поколения остались сохранными.

В целом наибольшим изменениям подверглись параметры *характер, поведение, внешний вид*, что связано с получением испытуемыми более достоверной фактической информации о немцах за прошедший период в условиях открытого общества. Взгляд на немцев в русском сознании стал более реалистическим, более объективным. Многие идеализированные черты образа немца остались в русском сознании преодоленными, что отчасти связано также с изменением самих немцев в последние годы.

Усиление негативной составляющей в отношении к немцам в русском сознании объясняется, по-видимому, влиянием фильмов о войне и мнением старшего поколения, а также завершением в России общего периода эйфории в отношениях с Западом начала 90-ых г.г.

Исследование показывает, что даже такой короткий период как 10 лет для современного когнитивного и коммуникативного сознания народа – срок, достаточный для заметных изменений в национальном сознании.

Национальное языковое сознание

И.А. Стернин
Воронежский ГУ

Немецкий язык в русском коммуникативном сознании

Предметом нашего экспериментального исследования стало восприятие немецкого языка русским коммуникативным сознанием. Нами были опрошены российские студенты – 64 человека (51 из них не общались с немцами, 13 имели опыт такого общения). Кроме того, был проведен эксперимент с русскоязычными переселенцами в Германии – 37 человек. Использовался метод направленного ассоциативного эксперимента. Всем испытуемым задавался вопрос: *Немецкий язык - какой?*? Предлагалось письменно дать 3 реакции.

Результаты эксперимента

Немецкий язык - какой?

1. Русские испытуемые

Носители языка, не общавшиеся с немцами
(51 чел, 21 - мужского пола, 30 - женского пола):

резкий 25 грубый 24 немелодичный 11 лающий 8 командный 7 Ж.сложный 7 отрывистый 4	свистящий 4 неприятный 3 некрасивый 3 М. несложный 3 Ж. четкий 3 Ж. легкое произношение 2 М.выразительный 2
---	--

Примечания: приведены только неединичные реакции; буквами Ж и М обозначены признаки, выделенные только мужчинами или только женщинами.

Носители языка, имевшие опыт общения с немцами
(13 чел., 5 мужского пола и 8 женского):

грубый 13	лаконичный
резкий 10	эротичный
трудный 4	короткий в произношении
интересный 2	быстрый
строгий	громкий
ритмичный	легкое произношение
четкий	

Гендерные различия

Ж., 30 чел.	М., 21 чел.
грубый 14	резкий 15
немелодичный 11	грубый 10
резкий 10	лающий 5
сложный 7	командный 5
несложный 7	неприятный 3
неприятный 5	несложный 3
отрывистый 4	выразительный 2
свистящий 4	четкий 2
лающий 3	примитивный
некрасивый 3	ритмичный
командный 2	красивый
легкое произношение 2	глупый
лаконичный	длинные слова
непонятный	короткий в произнесении
громкий	
быстрый	
четкий	
эротичный	
строгий	
звукный	
ритмичный	
нужный для изучения	

2. Русскоязычные переселенцы в Германии

Состав испытуемых: 37 человек (18 м., 19 ж.); возрастной состав: до 25 лет - 7 чел., 26-40 - 13 чел., 41-60 - 14 чел., 61 и старше - 3 чел. Срок пребывания в Германии: 3-6 месяцев - 20 чел., 7 мес. - 1 год - 14 чел., 1 год - 1,5 года - 3 чел.

Результаты

Немецкий язык – какой?

трудный, сложный 20
 нетрудный, не очень сложный 13
 интересный 8
 непонятный 7
 понятный 4
 логичный 4
 очень сложные слова 2
 красивый 2
 увлекательный 2

Обсуждение результатов

1. Стереотипным представлением о немецком языке для русского коммуникативного сознания является следующий образ немецкого языка: *резкий, грубый, немелодичный, отрывистый, свистящий, некрасивый, неприятный, сложный*. В структуре образа немецкого языка в русском коммуникативном сознании преобладает негативная эстетическая оценка немецкого языка. Данный образ является стереотипным и устойчивым для русского национального коммуникативного сознания.

2. Знакомство с немцами, личное общение не ведет к значительным изменениям в коммуникативном сознании русскоговорящих: основные стереотипные признаки *грубый, резкий* остаются. Появляются признаки *трудный, интересный*, но их яркость в коммуникативном сознании носителя русского языка остается невелика.

3. Гендерная специфика коммуникативного сознания проявляется в следующем.

Женское коммуникативное сознание более внимательно к эстетической и фонетической стороне немецкого языка, чем мужское. Негативные эстетические оценки немецкого языка в массиве испытуемых в основном формируются за счет женской части опрошенных. Женское коммуникативное сознание выделяет признаки *сложный, четкий, легкое произношение, связанные с возможностью освоения языка*.

Мужское коммуникативное сознание менее внимательно к эстетической стороне немецкого языка; негативные оценки немецкого языка у мужчин выражены слабее, мужчины даже выделяют такие признаки немецкого языка как *красивый, выразительный*. Мужчины чаще женщин характеризуют русский язык как *несложный*, а также дают содержательную характеристику отдельным сторонам немецкого языка - *короткий в произнесении, ритмичный, длинные слова*. Мужское коммуникативное сознание приписывает немецкому языку и некоторые негативные логические характеристики – *примитивный, глупый*. В мужском коммуникативном сознании признаков немецкого языка

меньше, они лучше согласуются друг с другом, более единообразны в рамках гендерной группы и более яркие, чем у женщин.

4. В коммуникативном сознании русских переселенцев в Германии происходят коренные изменения.

В представлении о немецком языке практически исчезают все основные признаки, характерные для русского стереотипа: *резкий, грубый, немелодичный, лающий, командный, отрывистый, свистящий, неприятный, некрасивый, легкое произношение*. В коммуникативном сознании русских переселенцев доминантными признаками немецкого языка оказываются *сложный, несложный, интересный, непонятный, понятный, логичный, красивый, увлекательный, очень сложные слова*. Фактически это совершенно новый когнитивный образ немецкого языка, полная перестройка образа в коммуникативном сознании испытуемых.

Из базовых признаков прежнего национального стереотипа в коммуникативном сознании переселенцев остаются только признаки *сложный и несложный*, которые также претерпевают кардинальные изменения. Ярость признака *сложный* возрастает с 13,7% до 54%, а признака *ненсложнный* – с 5,9% до 35%. Обращает на себя противоречивость оценки *сложности/ненсложнности* немецкого языка переселенцами – возросла ярость обоих признаков одновременно. Анализ материалов эксперимента показал, что более молодые и образованные, имеющие успехи в освоении немецкого языка, находят его более простым, более старшие и менее образованные – сложным.

Отметим также достаточно высокую ярость признака *интересный* (21,6% ии), что отражает формирование в коммуникативном сознании переселенцев категории «познавательная ценность языка», фактически отсутствующей в коммуникативном сознании носителей языка в России.

Итак, в коммуникативном сознании русскоязычных переселенцев происходят изменения, отражающие прежде всего испытываемую ими трудность при изучении нового языка, при этом практически исчезают негативные эстетические характеристики. Это означает, что достаточно резкое изменение коммуникативного сознания возможно в условиях интенсивного изучения языка. Поверхностный же опыт общения с носителями немецкого языка к смене коммуникативного стереотипа не ведет, и негативный эстетический образ немецкого языка остается яркой чертой коммуникативного сознания россиян.

Некоторые наблюдения над динамикой развития концепта «немецкий язык» в русском коммуникативном сознании можно сделать на основании результатов эксперимента, описанного в статье И.А.Стернина, В.М.Топоровой и В.Н.Лесных «Динамика стереотипного представления о типичном немце в русском сознании», публикуемого в данном сборнике (см. выше). По приведенным в этой статье данным можно сделать следующие выводы:

- за последние 10 лет в русском коммуникативном сознании еще более усилилась ярость признаков *трудный* и *грубый* в концепте *немецкий язык* –

на 21% и 15 % соответственно; можно считать, что эти элементы стереотипа еще более укрепились в русском коммуникативном сознании;

- исчез признак *хорошо выражает мысль*, но заметно снизилась яркость признаков *некрасивый* – на 22%, *резкий, немелодичный* – на 12%, *четкий, военный* – на 12%; на 4% увеличилась яркость признака *красивый*; таким образом, эстетическое восприятие немецкого языка русским сознанием постепенно становится более благоприятным и отходит от старого многолетнего негативного стереотипа;

- осознание важности немецкого языка в русском коммуникативном сознании до сих пор не сформировалось; при этом яркость признака *интересный* даже снизилась на 5%; так и не появляется в русском коммуникативном сознании такой признак немецкого языка как *нужный, необходимый* (фиксируемый, например, для английского языка), несмотря на значительное развитие отношений с Германией и сближение с ней в последние 10 лет.

И.А. Стернин
Воронежский ГУ

Ассоциативные связи лексем в условиях естественного русско-немецкого билингвизма

Ассоциативные связи лексических единиц представляют значительный интерес для понимания системных связей лексики. Такие исследования обычно проводятся на материале одного языка либо в условиях сопоставления результатов ассоциативных экспериментов, проведенных независимо в нескольких языках. Малоизученной является проблема ассоциативных связей лексем в условиях билингвизма, когда в сознании носителя языка ассоциативные связи, характерные для единиц одной лексической системы, взаимодействуют, переплетаются с ассоциативными связями аналогичных единиц в другой языковой системе, накладываются на них. При этом возникают вполне определенные тенденции эволюции ассоциативных связей родного языка под влиянием приобретенного языка.

Нами был проведен ассоциативный эксперимент с билингвами, проживающими в Германии. Испытуемыми являлись русские (28 человек), постоянно проживающие в Германии и имеющие супруга (супругу) немецкой национальности. Из 28 человек, участвовавших в эксперименте, 8 мужчин и 20 женщин, средний возраст – около 35 лет, срок проживания в Германии – не менее 10 лет. Эксперимент проводился в 1987 г., в условиях ГДР.

В большинстве семей наблюдается двуязычие – родители и дети говорят как на немецком, так и на русском языках, причем условия использования того или иного языка в семье не является сколько-нибудь жестким, язык общения чередуется без видимой логики. Чаще русский язык используется в общении

супружов, несколько реже – в общении родителей и детей, причем нередко родители обращаются к детям по-русски, а те отвечают по-немецки.

Билингвам был устно предъявлен список слов (80 единиц) из Словаря ассоциативных норм русского языка (М., 1977). Выбор слов был обусловлен стремлением сопоставить реакции билингвов с общеязыковыми реакциями носителей русского языка, отраженными в Словаре.

Список включал следующие единицы:

бежать, билет, белый, вернуться, бумага, детский, войти, военный, встреча, добрый, договориться, газета, дорогой, голос, знакомый, желать, девочка, гость, встретить, милый, звонить, деревня, искать, настоящий, форма, день, кончать, небольшой, дочь, надеяться, плохой, хороший, начать, прекрасный, журнал, оставаться, простой, кино, ответить, свободный, книжка, петь, сильный, мастер, советский, положить, мать, помогать, начало, поступить, площадь, праздник, ребенок, старый, прислать, смысл, провести, производство, суббота, сдавать, течение, сесть, точка, надеяться, давать, товарищ, утро, следовать, существовать, учительница, русский, фамилия, темный, тяжелый, уехать чистый, уметь, успех, хлеб, учить.

Выбор именно этих лексем из Словаря ассоциативных норм русского языка обусловлен тем, что все они имеют яркие ассоциации для носителей русского языка.

Испытуемые реагировали первым пришедшим в голову словом, время на размышление лимитировалось пятью секундами.

Результаты эксперимента

Полученные результаты были обработаны и проведено сопоставление ассоциативных реакций билингвов (экспериментальная группа) и монолингвов (по данным Словаря).

Синтагматические и парадигматические реакции

У билингвов парадигматических реакций зафиксировано гораздо меньше, чем у монолингвов. Большинство из совпадавших парадигматических реакций приходится на долю существительных: начало – конец, производство – завод, товарищ – друг, бабушка – дедушка, день – ночь, и др. Совпали парадигматические ассоциации на стимулы-глаголы: существовать – жить, начать – кончить и у прилагательного хороший – плохой. Лишь одна парадигматическая реакция свойственна билингвам и отсутствует у монолингвов: билет – поезд, трамвай.

В целом билингвы в 4 – 5 раз чаще дают синтагматические реакции на стимулы, чем монолингвы.

Синтагматические реакции совпали у билингвов и монолингвов по следующим стимулам: вернуться – домой, назад; настоящий – человек, друг, товарищ; послать – письмо, посылку, телеграмму и др.

На некоторые стимулы ассоциативные реакции оказались существенно различными:

<u>сильный</u>	монолингвы: человек, слабый, духом, характер билингвы: ветер, голос, мускулы
<u>встретить</u>	монолингвы: друга, подругу, его, вокзал билингвы: Новый год, гость, друга, праздник
<u>достать</u>	монолингвы: книгу, билет, книга билингвы: билет, дефицит, мясо
и нек. др.	

Репрезентативные ассоциации

Репрезентативная ассоциативная реакция заключается в повторе слова-стимула. Обнаружено пять ассоциативных реакций репрезентативного типа – на стимулы *вернуться, искать, билет, войти и военный*. Все они встретились в ответах испытуемых – женщин, являющихся билингвами. У монолингвов репрезентативные реакции не отмечены.

Суперординатные реакции

Реакция родовым термином (типа бабушка – женщина) встречается как у билингвов, так и у монолингвов. Доля суперординарных реакций в ответах билингвов и монолингвов приблизительно одинакова. Специфической реакцией билингвов является бежать – движение, другие суперординарные реакции в основном совпадают: мать – женщина, суббота – выходной, выходные, дядя – мужчина, девочка – ребенок и некоторые др.

Субординатные реакции

Таких зафиксировано очень мало в обеих группах: ребенок – сын, дочка, мальчик; бумага – листы, картон, копировальная, писчая и некоторые др. Доля реакций этого типа приблизительно одинакова и у билингвов и у монолингвов.

Координатные реакции

Число таких реакций велико и у билингвов, и у монолингвов. Число сходных и совпадающих ассоциаций велико, особенно на стимулы, обозначающие родственные связи (бабушка – дед, дедушка; мать – отец, тетя, дядя и др.).

Обращает на себя внимание, что у билингвов таких реакции обычно одна, редко две:

<u>день</u>	билингвы: утро, ночь монолингвы: утро, ночь, вечер
<u>деревня</u>	билингвы: город монолингвы: город, поселение
<u>суббота</u>	билингвы: воскресенье монолингвы: воскресение, понедельник, пятница, вторник
<u>точка</u>	билингвы: запятая монолингвы: запятая, тире, с запятой
<u>дочь</u>	билингвы: сын, отец монолингвы: сын, мать, сестра, зять, муж

мать*билингвы*: отец, тетя*монолингвы*: отец, дочь, дети, сын, сестра, бабушка, дед, папаша

и др.

Ассоциации по звунию

Число подобных ассоциаций у билингвов значительно больше, чем у монолингвов: дочь – ночь, плохой – какой, мать – спать, простой – покой, ребенок – жеребенок, фамилия – рептилия, уметь – петь, чистый – быстрый и некоторые др. Большинство ассоциаций по звунию в ответах билингвов сугубо индивидуальны.

Симилятивные ассоциации

Ассоциации этого типа многочисленны как в ответах билингвов, так и у монолингвов. Приблизительно половина таких реакций оказалось специфической для билингвов, в ответах монолингвов не встретились: военный – милитаристский, достать – раздобыть, встретить – увидеть, милый – прелестный, обаятельный, звонить – набрать номер, прекрасный – замечательный, простой – обычный, примитивный, мастер – техник, свободный – привольный, знакомый – мне известный.

Оппозитивные ассоциации

Под оппозитивными ассоциативными реакциями понимают такие, которые выражают отношения контрастности в широком смысле слова: бежать – стоять, встреча – прощание, девочка – мальчик, день – ночь, свободный – раб, искать – найти и др.

Всего зарегистрировано 43 оппозитивных реакций, из которых лишь в девяти случаях реакции билингвов отличаются от реакций монолингвов, причем в подавляющем большинстве случаев различия заключаются в том, что у билингвов есть оппозитивная реакция, а у монолингвов она просто отсутствует: бабушка – дед, бежать – стоять, знакомый – незнакомый, петь – говорить и др.

Интерферирующие ассоциации

Обнаружено три ассоциации данного типа в ответах билингвов. Одна из них оказалось наиболее частотной реакцией: фамилия – семья, что отражает прямое значение немецкого слова. Другими интерферирующими ассоциациями оказались: военный – милитаристский (ср. нем. Militär – военный) и билет – карточка (ср. нем Fahrkarte – билет).

Национальная специфика ассоциаций

В ассоциациях билингвов зафиксирован ряд ответов, отражающих влияние немецкой действительности на механизм ассоциирования. К случаям такого рода следует отнести: фамилия – немецкая, русская; звонить – 20 пфеннигов, магазин – дорогой, кино – видео, праздник – Рождество.

Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы об эволюции ассоциативных связей лексем в сознании билингвов.

Эволюция ассоциативных связей слов родного языка в условиях приобретенного билингвизма протекает в направлении приспособления к системе освоенного языка. Наблюдается расшатывание ассоциативных связей слов родного языка, которое, однако, протекает неравномерно, что, возможно, отражает, с одной стороны, устойчивость самих ассоциативных связей определенного типа, а с другой стороны, наличие / отсутствие национальной специфики в том или ином разделе лексикона.

Основные направления эволюции могут быть сведены к следующему.

1. Расшатываются парадигматические связи лексем родного языка; особенно это заметно у глаголов.
2. Проявляется тенденция к увеличению доли репрезентативных реакций, отражающих стремление испытуемых лучше понять значение, опознать стимул.
3. Суперординарные и субординатные реакции оказываются в основном сохранными, они достаточно устойчивы.
4. Число координатных реакций уменьшается до 1 – 2 на стимул, но доля координатных реакций в общем массиве ответов сохраняется неизменной.
5. Число ассоциаций по звунию значительно возрастает.
6. Среди симилятивных реакций, число которых остается в основном неизменным, около половины не совпадает с реакциями монолингвов, что свидетельствует о процессе обновлении синонимических рядов в языковом сознании билингва.
7. Оппозитивные реакции оказываются в основном сохранными: наблюдается тенденция появления у билингвов новых оппозитивных реакций, не характерных для монолингвов.
8. Возникает интерферирующие ассоциации, а также ассоциации, отражающие национальную специфику иноязычных действительности, хотя общее число таких ассоциаций невелико.
9. У билингвов наблюдается тенденция отхода от ассоциативного реагирования на переносное значение слова-стимула, что часто наблюдается у монолингвов (например – течение – *жизни, реки*); билингвы отчетливо демонстрируют тенденцию реагирования только на прямое значение стимула (*текущий – река, реки, вода*).
10. Обнаруживается тенденция к закреплению у билингвов за некоторыми стимулами ассоциаций, не совпадающих с ассоциациями монолингвов, причем частностью таких ассоциаций может оказаться весьма высокой, как степень их устойчивости. Например, на стимул сильный 17% монолингвов дают реакцию *человек*, а 43% билингвов – *ветер*; на стимул *достать* 20% монолингвов дают реакцию *книгу*, 11% билингвов – *билет* и т.д.

Причины подобных расхождений требуют особого анализа.

И. Б. Бойкова
Московский ГЛУ

**Я-пространство
как компонент коммуникативного поведения
и национальной семантики**
(русско-немецкие параллели)

Одно из существенных различий между русским и немецким менталитетом заключается в том, что русские и немцы по-разному ощущают себя в пространстве и в социуме. Объект, который по-разному интерпретируется представителями двух разных культур, можно условно назвать Я-пространством.

Я-пространство - это физическое тело и психика говорящего, а также физическое тело и психика другого человека, которого видит или представляет себе говорящий.

Будучи атрибутом русского сознания, Я-пространство имеет зыбкие границы, оно склонно сливаться с другими Я-пространствами и проникаемо для последних. Немецкое Я-пространство, напротив, имеет жесткие границы, дистанцируется от других Я-пространств, склонно обнаруживать себя в единственном числе.

Области проявления названных различий могут быть представлены в виде шкалы, состоящей из пяти уровней. Это:

- 1) уровень общественного поведения;
- 2) уровень текста как речевого произведения, состоящего из ряда высказываний;
- 3) уровень высказывания (иллокутивный аспект);
- 4) уровень высказывания (пропозициональный аспект);
- 5) уровень семантики слова.

Между уровнями нет четких границ. Уровни 1, 2 и 3 относятся к сфере коммуникативного поведения. Здесь человек как член общества и как носитель языка относительно свободен в выборе экстралингвистических и языковых средств для осуществления своих коммуникативных намерений. Уровни 4 и 5 представляют сферу национальной семантики (Ю.Д.Апресян). Национальная семантика обнаруживает себя в тех случаях, когда говорящий сообщает не только то, что хочет, но и то, что входит в значения употребляемых им языковых единиц.

1. Уровень общественного коммуникативного поведения

Каждый человек нуждается в физическом пространстве, не занятом другими людьми. Судя по имеющимся данным, для немецкой культуры наличие «своего» пространства вокруг тела человека важнее, чем для русской.

Так, представитель немецкой культуры И. Вольф, размышляя о том, как можно преодолеть трудности межкультурного общения, приходит к выводу,

что начинать следует с охраны границ личного пространства. Ссылаясь на данные научных исследований, И. Вольф приводит точные размеры личного пространства для четырех типов общения. Автор ясно говорит о том, что нарушение личных границ вызывает естественный протест "хозяина" пространства (Wolff, с. 10-13).

Представитель русской культуры С. Г. Тер-Минасова, анализируя ту же проблему, считает первостепенно важным не соблюдение дистанции между людьми, а изучение иностранных языков. Правда, в ее книге приводится пример несовпадения дистанционных норм как причины частного культурного конфликта между украинцами и хасидами (Тер-Минасова, с. 21).

И. Вольф и С. Г. Тер-Минасова рассматривают проблемы межкультурного общения в разных ракурсах, однако не это обстоятельство, а, видимо, национальный менталитет определил приоритеты в их подходах. Любопытно, что общие принципы успешного межкультурного общения у обоих авторов практически совпадают: «Toleranz, Akzeptanz, Rücksichtnahme und Hilfsbereitschaft» (Wolff, с.7) и «Терпение, Терпимость, Толерантность» (Тер-Минасова, с. 260).

Психологические особенности Я-пространства, влияющие на поведение человека в обществе, пока не изучены, однако личные беседы с представителями двух культур позволяют выдвинуть гипотезу: русские признают, что они склонны многократно воспроизводить в памяти эмоционально значимые эпизоды общения или предвкушать такие эпизоды; для немцев такое явление не характерно. Если психологический эксперимент подтвердит данное психологическое различие, это поможет объяснить многие особенности быта и социального устройства двух обществ.

2. Уровень текста

На этом уровне несовпадение свойств Я-пространства в русском и немецком сознании обнаруживается в формах обращения, присущих бытовому диалогу и письменной речи.

В русском бытовом диалоге собеседники (особенно собеседницы) для придания беседе большей доверительности то и дело называют друг друга по имени и отчеству (*Вы знаете, Мария Петровна... - Да что вы, Анна Ивановна...*). Я собеседника вынуждено многократно откликаться на реплики говорящего и, видимо, делает это охотно, поскольку в результате такого речевого поведения возникает доверительность. Немцы в ходе диалога, напротив, избегают частого обращения друг к другу по имени.

Немецкое Я защищается от вторжения, и тенденция эта, видимо, укрепляется. Так, современные пособия по составлению писем рекомендуют ставить после обращения в начале письма запятую, а не восклицательный знак, как раньше (Duden 1997, с. 37), например:

*Sehr geehrter Herr Lang,
es tut mir Leid, dass...*

Склонность немецкого Я обнаруживать себя в единственном числе проявляется в способе оформления начала и конца письма, которое предназначено для нескольких адресатов или подписано несколькими отправителями. К каждому из адресатов нужно обращаться отдельно, каждое обращение обычно помещается в отдельную строку (Duden 1997, с. 52-59). Например:

*Liebe Monika,
lieber Hans,*

Ср. обычное начало письма на русском языке:

Дорогие Маша и Гриша!

Отправители, подписывающие немецкое письмо, не должны объединять себя друг с другом общим притяжательным местоимением, как это принято в русской традиции. Например, не следует подписывать письмо словами **deine Oma und Opa* (*твои бабушка и дедушка*). Нужно: *deine Oma und dein Opa* (*твоя бабушка и твой дедушка*). Исключение делается только для супругов, имеющих общую фамилию. В этом случае возможны два варианта: *Ihre Eva Müller und Ihr Max Müller* или *Ihre Eva und Max Müller* (Duden, с. 38). Имена тех, кто подписывает письмо, помещаются в одной строке, что объединяет их визуально.

Таким образом, авторы пособий по составлению писем подсказывают своим читателям такое коммуникативное поведение, при котором не будут нарушены границы Я-пространства.

3. Уровень высказывания (иллокутивный аспект)

В этом разделе рассматриваются языковые средства, которые позволяют говорящему в рамках высказывания учесть особенности Я-пространства, присущие его родной культуре. Видимо, учет этих особенностей не является отдельным речевым намерением говорящего, а входит в намерение действовать по шаблону и тем самым не нарушать общепринятых норм коммуникации. Это намерение можно назвать *иллокутивным фоном* успешной коммуникации, который остается неизменным при реализации любого речевого намерения - сообщения, просьбы и т. д. Таким образом, учет свойств Я-пространства входит в иллокутивный фон высказывания.

Примеры, относящиеся к этому уровню, показывают различные тенденции в употреблении личных местоимений. Например, наличие или отсутствие местоимения 1-го лица в высказывании по-разному влияет на состояние иллокутивного фона русской и немецкой речи.

Сравним два немецких письменных высказывания с их буквальными русскими переводами:

(1) *Bitte zu entschuldigen, dass mein Sohn Peter gestern den Unterricht versäumt hat.*

(Прошу извинить, что мой сын Петер вчера пропустил занятия)

(2) *Ich bitte zu entschuldigen, dass mein Sohn Peter gestern den Unterricht versäumt hat.*

(Я прошу извинить, что мой сын Петер вчера пропустил занятия)

Высказывание (1), еще возможное в немецкой письменной речи прошлого века, в настоящее время считается не только старомодным, но почти грубым, от него веет милитаризмом 19-го века. Высказывание (2), нормативное для устной речи и полностью соответствующее грамматической норме немецкого языка, теперь стало также нормой письменной речи (Duden 1997, с. 17). Это историческое изменение говорит о том, что немецкое Я-пространство укрепляет свои границы в письменной речи.

Буквальные русские переводы немецких высказываний (1) и (2) не являются их коммуникативными эквивалентами. Скорее наоборот, русское высказывание (2) в качестве записи к учителю звучит жестко и несколько вызывающее, а высказывание (1), не содержащее личного местоимения, обеспечивает успешную коммуникацию. Предпочтение варианта без личного местоимения в русской речи отмечается русскими грамматиками: "При наличии соотносительных конструкций в речи предпочтитаются односоставные [определенно-личные предложения]" (Современный русский язык, с. 293).

Сказанное относится к употреблению местоимений 1-го и 2-го лица. Очевидно, при отсутствии личного местоимения Я-пространство деятеля (одного из собеседников) теряет четкость границ и становится более доступным для контакта - так возникает эффект доверительности и мягкости общения. Например, во время прогулки под луной уместен вопрос *Видишь ту звезду?*, но не *Ты видишь ту звезду?*. Опущение личного местоимения - один из способов разрядить обстановку в конфликтной ситуации. *Допишите отчет, после этого можете убираться ко всем чертям* звучит все же лучше, чем *Допишите отчет, после этого вы можете убираться ко всем чертям*, а в ответ на просьбу *Дай прикурить* безопаснее ответить *Не курю, чем Я не курю*. По нашим сведениям, личные местоимения особенно малоупотребительны в языке улицы. Очевидно, такое коммуникативное поведение является средством самозащиты, так как отводит возможную агрессию.

В научном стиле речи немецкое местоимение 1-го л. ед. ч. *ich* вытесняет местоимение 1-го л. мн. ч. *wir*. Последнее воспринимается как устаревающее, но еще выдерживающее конкуренцию нового *ich*. Ср.:

Bei unserer Untersuchung sind wir davon ausgegangen, dass ...

(В нашем исследовании мы исходили из того, что ...)

и

Bei meiner Untersuchung bin ich davon ausgegangen, dass ...

(В моем исследовании я исходил из того, что ...)

Пожалуй, в русском научном стиле авторское *мы* (когда автор имеет в виду только себя) имеет более прочные позиции. При этом в обоих языках пишущие стараются по возможности избегать личных местоимений 1-го л..

В обоих языках личное местоимение 1-го л. мн. ч. может употребляться в высказываниях, которые фактически относятся только к собеседнику. Например:

Мы не будем так большие делать, да? (обращаясь к ребенку)

(Wir tun das nicht wieder, nicht wahr?)

Ну, как мы себя сегодня чувствуем? (обращаясь к пациенту)

(Nun, wie fühlen wir uns denn heute?)

Русские и немецкие высказывания, одинаковые по форме, оказывают разное воздействие на слушателя. В русском языке шутливо-ироническое *мы* употребляется вместо *ты* или *вы*, "когда говорящий хочет подчеркнуть свое участие в чем-л., сочувствие кому-л." (Словарь русского языка, т. 2, с. 316). Немецкие толковые словари расценивают аналогичное употребление *wir* как признак непринужденности, раскованности речи (Duden 1996, с.1746). Информанты же допускают высказывания с *wir* только по отношению к детям. По мнению информантов, обращение посредством *wir* унижает взрослого собеседника, так как подчеркивает его несамостоятельность. Таким образом, присоединение своего Я-пространства к чужому, наполненному какими-то событиями, для русских равносильно сочувствию, а для немцев - вторжению.

Говорящий по-немецки имеет возможность ввести в высказывание Я-пространство известного лица (или лиц), не указывая на это лицо посредством личного местоимения. Для этого используется неопределенno-личное местоимение *man*, которое, с одной стороны, представляет чье-то Я-пространство, а с другой стороны, защищает обладателя этого пространства от повторного прямого называния. Например, *Du bist wohl eingeschnappt* (*Ты что, дуешься?*) заменяется на *Man ist wohl eingeschnappt* (*Мы, кажется, дуемся?*) "для выражения дистанции, из-за боязни прямого обращения" (Duden 1996, с. 983, перевод наш - И. Б.). Русский эквивалент местоимения *man* в последнем примере - *мы*. С помощью этого местоимения говорящий не дистанцируется от собеседника, а, как упоминалось выше, "хочет подчеркнуть свое участие" (Словарь русского языка, т. 2, с. 316).

Man saß häufig am Feuer und dachte an nichts может быть понять по-разному:

(1) *Сидишь, бывало, у огня и ни о чем не думаешь.*

(1a) *Я часто сидел у огня, ни о чем не думая.*

(2) *Мы часто сидели у огня, ни о чем не думая.*

(3) *Он(а) часто сидел(а) у огня, ни о чем не думая.*

(4) *Они часто сидели у огня, ни о чем не думая.*

Референция местоимения *man* определяется предшествующим контекстом. Русскому языку, как видно из примеров (1) - (4), чуждо представление 1-го и 3-го лица как неопределенного, если лицо известно. Исключение составляют случаи, когда деятельность 1-го лица ед./мн. ч. может быть обозначена как говорение, например: *Кому говорят! Тебя не спрашивают!*.

Иносказание, которое русский язык допускает по отношению к 1-му лицу ед. ч. в примере (1), неприемлемо для немецкого: обобщенно-личное представление собственных прошлых действий в немецком языке невозможно. Поскольку обобщенно-личное значение в русском языке грамматикализовано, примеры типа (1) рассматриваются и при описании следующего уровня.

4. Уровень высказывания (пропозициональный аспект)

Высказывание как актуализированное предложение имеет локутивный, иллокутивный и пропозициональный аспекты. Пропозицией принято называть ту часть содержания актуализированного предложения, которая не связана с речевым намерением говорящего. Считается, что пропозиция складывается из референции и предикации (Лингвистический энциклопедический словарь, с. 401; Падучева, с. 23).

Различия между свойствами Я-пространства в русской и немецкой картинах мира могут проявляться в области пропозиции в том смысле, что эти различия затрагивают содержание предложения, не связанное с речевым намерением говорящего. Однако ни референция, ни предикация как составляющие пропозиции не являются областью проявления различий. Данные проявления лишь частично связаны с референцией, но не сводятся к ней. Действительная область проявления различий - это семантика некоторых синтаксических моделей. Не рассматривая вопрос о месте семантики синтаксических моделей в структуре пропозиции, опишем суть дела.

В русском языке некоторые способы соединения Я-пространств могут быть грамматикализованы. Грамматикализация проявляется в наличии синтаксических моделей с неопределенно-личным и обобщенно-личным значениями. При этом неопределенно-личное значение модели обеспечивает референцию высказывания к неопределенному деятелю, а обобщенно-личное - к любому деятелю. Значения этих синтаксических моделей не сводятся к понятиям "неопределенный деятель" и "любой деятель", а включают их в себя, вместе с представлением о том или ином способе соединения Я-пространств. Тот факт, что значения, связанные с объединением Я-пространств, грамматикализованы, говорит о важности данного содержания для русского языкового сознания.

Неопределенno-личное и обобщенно-личное значения немецкого языка меньше связаны с объединением Я-пространств, чем аналогичные значения русского языка. Что касается грамматикализации, то она частично затронула лишь обобщенно-личное значение. Таким образом, пропозициональный аспект, о котором идет речь в данном разделе, представлен в основном примерами из русского языка, а их немецкие эквиваленты чаще всего смешены в область иллокуции.

Неопределенno-личное значение в обоих языках может быть выражено лексически с помощью местоимений *кто-то*, *jetmand*. Русский язык, кроме того, реализует неопределенno-личное значение в односоставных предложениях, где главный член, глагол, имеет форму 3-го л. мн. ч.. Немецкие соответствия русских неопределенno-личных предложений являются чаще всего двусоставными предложениями с подлежащим *man* (3-е л. ед. ч.). Это местоимение и выражает неопределенno-личное значение. Ср.:

- (1) Говорят, он уже здесь. - *Man sagt, er sei schon hier.*
- (2) Что теперь носят? - *Was trägt man heute?*

Грамматикализованное неопределенно-личное значение русского языка и его немецкое соответствие не идентичны: в русском языке неопределенно-личное значение объединяет признаки "неопределенный деятель" и "несколько деятелей", а в немецком - признаки "неопределенный деятель" и "один деятель". При этом в обоих языках значение не сводится к способу референции: одно и то же предложение, реализованное в разных контекстах, может осуществлять референцию как к одному, так и к нескольким деятелям. Таков пример (1). Неопределенно-личная модель реализуется в немецком языке и тогда, когда деятелей заведомо несколько (пример (2)), а в русском - когда деятель заведомо один (например: *Вас просят к телефону*).

Обобщенно-личное значение. Для обозначения обобщенного деятеля в русском языке существуют местоимения *всякий, любой*, а в немецком - местоимения *jeder, jedermann* и словосочетание *jeder Beliebige*. Кроме того, в обоих языках есть другие, менее специализированные средства, способные выражать обобщенно-личное значение.

Обобщенно-личное значение может выражаться на грамматическом уровне: через синтаксические модели. В русском языке таких моделей несколько. Это односоставные предложения с глаголом в форме 2-го л. ед. ч. наст. времени (*Сидишь, бывало, у огня и ни о чем не думаешь. Когда смотришь в зеркало, видишь свое отражение*); та же модель с глаголом в форме 2-го л. ед. ч. буд. времени (*Посмотришь в зеркало - увидишь свое отражение*); односоставные предложения с глаголом в форме 3-го л. мн. ч. наст. времени, обычно причисляемые к неопределенно-личным (*По воробьям из пушки не стреляют*); безличные (по форме) инфинитивные предложения (*С башни можно увидеть весь город*); побудительные предложения с глаголом в форме повелительного наклонения 2-го л. ед. ч. (*Куй железо, пока горячо*); а также отдельные реализации других моделей. Между моделями существуют синонимические отношения, которые здесь не рассматриваются.

В немецком языке есть только одна синтаксическая модель, способная передавать обобщенно-личное значение. Это побудительные предложения с глаголом в форме повелительного наклонения 2-го л. ед. ч., например:

Mit den Ohren such dir eine Frau, nicht mit den Augen.

(*Жену выбирай не глазами, а ушами*)

Большая часть синтаксических моделей русского языка, передающих обобщенно-личное значение, используется для решения определенной коммуникативной задачи: говорящий предлагает собеседнику приобщиться к чужому опыту, совместив свое Я с чужим в качестве исполнителя некоторого действия. Носитель немецкого языка располагает для решения этой задачи только одной моделью (побудительные предложения) и одним лексическим средством: местоимением *du*. При этом говорящий может употребить вместо *du* местоимение *man*, которое обеспечивает приобщение к чужому опыту не путем вовлечения собеседника в действие, а наоборот, отстраняя его от этого действия, показывая чужой опыт со стороны (варианты с *du* оцениваются информантами как более непринужденные). Ср.:

Wenn du in diese Schlucht siehst, verschlägt es dir den Atem.

Wenn man in diese Schlucht sieht, verschlägt es einem den Atem.

(Когда смотришь в эту пропасть, захватывает дух)

Приобщение к чужому опыту путем включения в действие (посредством *du*) для немецкого языка возможно только при вневременности этого действия, благодаря чему собеседник имеет возможность когда-нибудь стать участником такой же ситуации. Немец не может приобщить собеседника к своему прошлому опыту, употребив неопределенно-личное *du*, если для этого собеседнику нужно мысленно переместиться в прошлое. Это показывает пример, приводившийся в конце предыдущего раздела:

Сидишь, бывало, у огня и ни о чем не думаешь.

Man saß häufig am Feuer und dachte an nichts.

Здесь в немецком языке возможно только отстраненное *man* и глагол в форме прошедшего времени.

Есть случаи, когда немецкое местоимение *man* наделяет ситуацию признаком вневременности, а *du* помещает ее в будущее, в результате чего высказывание с *man* является показом чужого опыта со стороны, а высказывание с *du* - советом или предположением относительно будущих действий собеседника. Ср.:

- (1) *Wenn man das Bild aus der Ferne betrachtet, sieht man die Berge deutlicher.*

(Если смотришь / смотреть на картину издали, горы видны лучше)

- (1a) *Wenn du das Bild aus der Ferne betrachtest, siehst du die Berge deutlicher.*

(Если ты посмотришь на картину издали, то лучше увидишь горы)

- (2) *Wenn man den ganzen Tag unterwegs ist, wird man abends müde sein.*

(Когда целый день проводишь на ногах, к вечеру устаешь)

- (2a) *Wenn du den ganzen Tag unterwegs bist, wirst du abends müde sein.*

(Если ты целый день проведешь на ногах, то к вечеру устанешь)

В русских примерах (1a) и (2a) реализована модель двусоставного предложения, обычно не несущая обобщенно-личного значения.

Условия, при которых местоимения *man* и *du* вызывают разную временную интерпретацию ситуации, пока не изучены.

Итак, объединение Я-пространств имеет в русском языковом сознании больший вес, чем в немецком. Это подтверждается следующими фактами:

- 1) Объединение Я-пространств отражено в значениях нескольких синтаксических моделей русского языка и в значении только одной модели немецкого языка.
- 2) В немецком языковом сознании операция объединения Я-пространств может быть заменена операцией разъединения без ущерба для решения основной коммуникативной задачи: ознакомления собеседника с чужим опытом.
- 3) При решении названной коммуникативной задачи носители немецкого языка чаще прибегают к разъединению Я-пространств и реже - к объединению.

Значение безличности. При реализации синтаксического значения безличности может проявиться зыбкость психических границ русского Я-пространства. Согласно последним исследованиям, значения многих безличных синтаксических моделей русского языка включают в себя представление о лице, которое не прикладывает усилий к реализации действия и не контролирует это действие (Сулайманова, с. 50).

Количество синтаксических форм, указывающих на безынициативность некоторого лица, в русском языке явно больше, чем в немецком. Контрактивный анализ безличности в двух языках пока не проводился. Приведем лишь один показательный факт.

В русском языке синтаксическую форму безличности может иметь сообщение о том, что некое лицо проявляет волю. В результате взаимодействия лексической и синтаксической семантики обладатель воли характеризуется как лицо, которое не является инициатором собственной воли и не контролирует ее проявление. В немецком языке концепты воли и бездействия семантически несовместимы. Ср.:

Мне хочется поскорее уехать. - Ich will möglichst bald abreisen.

Связующим звеном между выражением воли и выражением синтаксического значения безличности в приведенном русском предложении является слово *хочется*. Оно относится к группе модальных слов, предназначенных для реализации в безличной модели. Трудно провести границу между собственной семантикой этих слов и их синтаксическими сочетательными возможностями.

5. Уровень семантики слова

Слова, о которых пойдет речь в данном разделе, отличаются от слов, описанных в разделе 3 (иллоктивный аспект высказывания) тем, что обнаруживают те или иные свойства Я-пространства не при своем употреблении в речи, а до употребления - на уровне системы языка.

Значение слова *хочется*, упомянутого в конце предыдущего раздела, может быть первым примером показывающим размытость психических границ русского Я-пространства.

Различную степень самостоятельности Я-пространства в окружающем мире выявляют значения модальных глаголов и модальных слов в русском и немецком языках. В значениях немецких модальных глаголов, передающих чужую волю, различаются два вида этой воли: воля обстоятельств и воля чужого Я. В значениях русских модальных слов это значение отсутствует.

Чужая воля, которая руководит действиями человека, учитывается значениями двух модальных глаголов немецкого языка, *müssen* и *sollen*. Первый из них обозначает подчиненность воле обстоятельств, второй - подчиненность воле чужого Я. Ср.:

Er muss arbeiten. (Он должен работать - таковы внешние или внутренние обстоятельства)

Er soll arbeiten. (Он должен работать - выполняя чью-то волю)

В значениях русских модальных слов *должен*, *нужно*, *надо* не выражено различие между волей обстоятельств и волей чужого Я. Высказывания *Он должен работать*, *Ему нужно работать*, *Ему надо работать* ничего не сообщают о характере чужой воли.

Чужая воля, открывающая перед человеком возможность действия, выражена в значениях немецких модальных глаголов *können* и *dürfen*. *Können* обозначает волю обстоятельств, *dürfen* - волю чужого Я. Ср.:

Es ist schon warm. Man kann die Fenster öffnen.

(Уже тепло. Можно открыть окна - можно открыть, потому что тепло)

Darf ich mal rein?

(Можно мне войти? - речь идет о разрешении)

В русском языке оба типа чужой воли обозначаются одним модальным словом *можно* - правда, в двух разных значениях.

Одним из типов регулярной многозначности русских глаголов является, по наблюдению Ю. Д. Апресяна, наличие у глагола значений "действие" и "каузация этого действия в свою пользу". Таковы, например, глаголы *бриться*, *печатать*, *ремонтировать*, *стричься*, *строить*, *шить* и некоторые другие (Апресян, с. 209). Ср.:

Он бреется каждое утро (действие)

Он бреется в этой парикмахерской (каузация действия в свою пользу)

В русских толковых словарях (напр., Словарь русского языка) разные способы реализации таких глаголов трактуются либо как оттенки одного значения, либо никак не комментируются. Это говорит о том, что в сознании носителей русского языка отсутствует четкое различие между самостоятельным действием и действием, совершаемым с помощью посредника. Немецкий язык, напротив, располагает формальным средством для выражения значения "каузация действия в свою пользу": это сочетание основного глагола с глаголом *lassen* (каузировать). Ср.:

Er rasiert sich jeden Morgen. (Он бреется каждое утро)

Er lässt sich in diesem Frisiersalon rasieren (Он бреется в этой парикмахерской)

В немецком языке для говорящего предусмотрена возможность обозначать границу между собой и окружающим пространством, что чуждо русскому языку. Это проявляется в том, что русское наречие места *здесь* имеет в немецком языке два соответствия: *hier* и *da*. Произнося *hier*, говорящий считает себя частью ближайшего пространства, произнося *da*, исключает себя из этого пространства.

Sind alle da? (Все здесь?) - спрашивает учитель в начале урока, отделяя себя от учеников, которые находятся рядом с ним.

Das ist mein Zimmer. Ich wohne hier (Вот моя комната. Я здесь живу) - говорит человек, помещая себя в пространство комнаты.

Hier Müller (буквально: здесь Мюллер) - отвечает тот, кому позвонили, представляясь по имени и представляя свое личное пространство.

Hier bringe ich Herrn Lang, meinen Kollegen aus Berlin (буквально: *Здесь я привел господина Ланга, моего коллегу из Берлина*) - формула вежливого представления нового человека своим зеакомым. Видимо, вежливость состоит в том, что говорящий с помощью наречия *hier* помещает новичка в свое личное пространство и тем самым выражает свою близость к нему.

Стремление не тревожить чужое Я-пространство прямым обращением является возможной причиной перемещения формы вежливого обращения в немецком языке из 2-го в 3-е лицо множественного числа. В настоящее время это форма *Sie*.

Итак, признаки Я-пространства, не совпадающие в русской и немецкой культурах, выявляются в общественном и речевом поведении людей, а также в семантике языковых единиц разных уровней. Это говорит о важности данных признаков и самого концепта Я-пространства для русского и немецкого менталитетов.

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. - М., 1995.

Лингвистический энциклопедический словарь / Главный ред. В. Н. Ярцева. - М., 1990.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений.- 2-е изд. - М., 2001.

Русская грамматика, том II. - М., 1980.

Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой.- 4-е изд., стереотипное. - М., 1999.

Современный русский язык: Учебник / Под ред. П. А. Леканта.- М., 1982

Сулейманова О. А. Релевантные типы безличных синтаксических структур и их семантические корреляты: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. - М., 2000.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. - М., 2000.

Duden, Briefe gut und richtig schreiben!: Ratgeber für richtiges und modernes Schreiben. - 2., überarb. und erw. Aufl. - Mannheim; ... , 1997.

Duden, Deutsches Universalwörterbuch. - 3. völlig neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim; ... , 1996.

Wolff I. Moderne Umgangsformen: Jeans oder Smoking? - Überarb. Neuausg. - Niedernhausen/Ts., 1997.

В.М.Топорова
Воронежский ГУ

Русские и немцы в зеркале «своего» и «чужого»

Стереотипы коллективного сознания как стереотипы восприятия «своего» и «чужого» находят языковое выражение и системное закрепление в лексико – фразеологическом фонде языка.

Семантический анализ лексических и фразеологических единиц, связанных с характеристикой немцев и русских, выявляет следующие особенности и аспекты оценки, отражающие стереотипные представления народов о себе и других.

Ярко выраженную этноконнотативную семантику несут лексемы, обозначающие национальную принадлежность. Обозначение принадлежности к определенной нации часто служит маркером национальной специфики обозначаемых явлений из различных денотивных сфер, которые обладают наибольшей культурной значимостью и связаны с характеристикой русского народа в сознании западных европейцев и немецкого народа в сознании русских. Так, интеллектуальные достижения нации выражают следующие формулировки, воспроизводимые также и в немецком языке в соответствующем контексте:

Русская философская мысль
Русский критический реализм.

Русский богатырский эпос.

Аналогично:

Немецкий экспрессионизм.
Немецкий романтизм.
Немецкая классическая философия.

Важную историческую особенность социального устройства дореволюционной России, отражающую также и менталитет русских, выражает понятие *русской крестьянской общины*.

Национальные особенности культуры выражают понятия – символы России:

Русское деревянное зодчество.

Русские народные песни.

Аналогично: *немецкие народные песни.*

Русский романс.

Особенности национальной одежды представляют выражения:

Русский национальный костюм.

Русская рубашка (косоворотка).

Особенности национальной кухни подчеркивают выражения:

Русская кухня. Аналогично: *немецкая кухня.*

Широкой известностью в мире пользуется *русское гостеприимство*, *русская водка* как национальный напиток, наряду с *русским квасом*.

Неотъемлемой частью представлений о России является *русская зима*, а национальным символом – *русская тройка*.

Особенностью национального быта является *русская баня*.

Особенности психологического склада и характера русских представляют выражения *русская душа*, часто: *загадочная русская душа*, *русская смекалка*, *русская лень* и *русское авось*. Причем в сознании русских последние два этнокультурных понятия имеют довольно широкую шкалу оценки и, хотя они могут актуализироваться в критическом аспекте, чаще все-таки выражают самоиронию, но без отрицательной коннотации.

В качестве одной из существенных положительных характеристик немцев русский язык подчеркивает *немецкую аккуратность* и *немецкую точность*, но также и *немецкий педантизм*.

Характерно, что в устаревшем значении лексема *немцы* употреблялась в качестве обобщенного наименования иностранцев, чужеземцев. Соответственно, *немецкий* означало *чужеземный*, а *неметчина* – не только немецкое государство, но и *чужая земля*.

В немецком языке в диахроническом аспекте также выявляются социально – исторически обусловленные значения, потерявшие со временем свою актуальность: *Russe* – рекрут, неопытный солдат. К 1945 году восходит фразеологический вариант *j-m einen Russen aufbinden* «наврать с три короба, облапошить», по аналогии с выражением *j-m einen Baeren aufbinden*, возникшим на основе метафорического переосмысливания символического образа *русского медведя*.

Некоторые стереотипные представления народного сознания отражены также в паремиологическом фонде языков. При этом в русских паремиях ярко проступает свойственная народу самоирония в оценке себя, но это самоирония без самоуничижения, ирония сильного, признающего превосходство другого, но в относительной плоскости рассмотрения. В отношении сказанного можно отметить следующее: у русских чувства опережают разум (чувством схватывают):

Немец своим разумом доходит, русский - глазами.

Русский умен, да задним умом.

Вот, если бы задний ум, как у немца, стал у русского напереди, то с ним бы тогда и не сладить.

Русский человек любит авось, небось да как-нибудь (любит полагаться на удачу, верит в счастливый случай), но разбирается с первого взгляда.

Русский терпелив. Но *терпелив до зачина, а бей русского – часы сделает*. И разбирается во всем с первого взгляда: *Русский что увидит, то и сделает*. И инструмента особого не надо. Зато у немца все рассчитано, немец без инструмента никуда:

У немца на все инструмент есть.

Штуки – шпеки – немецки люди.

Немец не без штуки с лавки свалится.

К тому же немец хитер – обезьяна.

Представление о манерности, стандартности поведения немцев отражает калька с немецкого *цирлих – манирлих*.

В русских паремиях отмечаются гастрономические предпочтения немцев:
Немец - колбасник.

А русский аппетитом славится:

Русский аппетит никогда /ничему/ не претит.

И вообще: *На Руси с голоду никто не помирал.*

Русский выносив, выносивее немца:

Что русскому здорово, то немцу смерть.

Иронизируя над собой и другими, помечая отличия, и русский языки немецкий народ одинаково положительно воспринимает свой родной язык. Для русских *сказать по – русски*, также, как для немца *сказать по – немецки*: значит сказать ясно, понятно. И добиться воздействия, ведь язык – средство надежного доступа к сознанию говорящего на этом языке как на родном.

А.Б. Шабанова
Воронежский ГУ

Немецкий народ в русских пословицах и поговорках

*Немец был человек дельный и
строгий, как почти все немцы.
(И. Гончаров. Обломов)*

Объектом нашего внимания являются русские пословицы и поговорки о немецком народе. В сборнике В.И. Даля мы обнаружили около 20 таких пословиц и поговорок. Рассмотрим их в историческом контексте взаимоотношений русских и немцев.

Истоки взаимоотношений русского и немецкого народов следует искать в глубине веков, ибо становление Русского государства связано с взаимодействием славян с соседними народами. На Западе они соприкасались с кельтскими и германскими племенами, на севере-западе с балтийскими, на северо-востоке с финскими и угорскими племенами и испытывали их взаимовлияние. Уже в древности с этими племенами русские вели оживленную торговлю. Так, в XIX веке в Новгороде приобрели большие преимущества немецкие купцы, известные в то время у русских под названием «гостей». Гости (немецкие купцы) «составляли в Новгороде как бы самостоятельное государство, именно занимали там определённое место, имели своего правителя и свои законы. Местность, в которой жили иностранные гости, называлась «Немецким двором»; она была окружена крепким забором, там находилась, между прочим, католическая церковь, мельница, больница, пивоварня и т.п. Церковь служила и кладовою, по стенам висели тюки, и даже возле алтаря стояли бочки с вином» (Биллярминов, с. 34)

Естественно, что торговые отношения между двумя народами нашли отражение и в русских пословицах и поговорках.

«Штуки-шпеки, немецки чловеки». Сразу понять смысл данной поговорки трудно. Необходимо обратиться к словарям. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля мы находим: «Штука. 1. Предмет, представляющий собой нечто целое. 2. Определённый предмет из числа однородных. 3. Вообще о вещи, предмете, каком-либо явлении или человеке. 4. *перен.* Происшествие, проделка, выдумка». Таким образом, применительно к данной поговорке «штука» - это, по-видимому, вещь, предмет, которыми торговали немецкие купцы.

Сложнее выяснить значение слова «шпеки». В Словаре В. И. Даля мы такого слова нет. В русско-немецком словаре: «der Speck – свиное сало, шпик». Лексема «шпик» в Словаре В. И. Даля имеется, и Даляр поясняет его происхождение от немецкого «der Speck – свиное сало». Таким образом, «шпеки» в данной поговорке, вероятнее всего, это переделанное на русский лад множественное число от немецкого слова «der Speck».

Ещё одна пословица из сферы торговли: **«Немец – шмерец, колбаса, колбасник, сосиска»**. Как видим, здесь перечислены традиционные для немцев продукты питания. Заметим, что в Словаре Даля мы нашли следующую дефиницию лексемы «шмерць»: «*бранные:* немец, колбасник». Немецкое же «der Schmerz» имеет значение «свиное сало». Видимо, наиболее традиционными продуктами питания, которыми торговали немецкие купцы, были колбасы и сало.

«Немец без штуки с лавки не свалится». На наш взгляд, данная пословица подчёркивает характерную черту в немцах – практичность, способность всегда и во всём находить выгоду для себя, умение совершать выгодные сделки. В данном случае лексема «штука» обозначает любой предмет, вещь.

Заметим, однако, что в древние века и в Средневековье контакты между двумя народами были либо военными, либо торговыми. Военными – чаще (достаточно вспомнить ливонских и тевтонских рыцарей). Поэтому неудивительно, что приведённые выше пословицы и поговорки имеют иронично-грубоватый оттенок. Возможно, этими же причинами можно объяснить и появление следующих поговорок: **«Немечина хитрая, безверная, басурманская»** и **«Ноги - многи, глаза быстры, шейка шлёт-шлёт»**. Последняя поговорка в Сборнике В. И. Даля имеет пояснение: «так дразнят немцев». Однако, на наш взгляд, в основу этой поговорки легли верно подмеченные русскими такие качества немецкого характера как неутомимость, способность всё замечать, деловитость.

Что же касается первой поговорки, то в её основе лежат, как нам кажется, наблюдения русских над поведением немецких купцов. Так, И. И. Биллярдинов в «Курсе русской истории» пишет: «Немецкие купцы обыкновенно покупали русские товары по низкой цене, а свои продавали по высокой; случалось, что немцы вовсе не продавали новгородцам оружия, железа, соли и других необходимых предметов. Вообще немцы

недоброжелательствовали к русским, заботились о том, чтобы они не переняли у них какого-либо ремесла» (Биллярминов, с. 34-35).

Совсем иной характер приобретают отношения между русским и немецким народами в XVII и XVIII веках. Так, в XVII веке Царь Алексей Михайлович (1645 - 1676) из династии Романовых во второй половине своего правления стал вызывать в Москву на службу много иностранцев, прежде всего немцев, знавших военное или какое-нибудь фабричное дело, искусство или мастерство. Однако ещё раньше, при отце царя Алексея, Михаиле Фёдоровиче (1613 - 1645), иностранцев в Москве было так много, что их выделили в отдельную слободу, а «к концу царствования Алексея Михайловича эта Немецкая слобода была переполнена, и в ней, кроме немцев, были швейцарцы, голландцы, шотландцы и т.д.» (Биллярминов, с. 37).

Приглашение иностранцев в Москву было следствием понимания того, что Россия отстала от Запада и в просвещении, и в промышленности, и в торговле. Понимал это и Пётр I (1689 - 1725), который с младых лет посещал Немецкую слободу. Пётр I настойчиво приглашал в Россию учёных мужей и деловых людей. Так, в 1702 году по всей Германии был «расpubликован манифест Петра I, приглашавший в Московское государство иноземных капиталистов и фабрикантов, ремесленников. С тех пор начался усиленный прилив в Россию заграничного ремесленного люда: иноземцы соблазнялись выгодными условиями. Но выгодные условия давались иноземцам с одним непременным условием: учить русских людей без всякой скрытности и прилежно» (Георгиева, с. 123)

Пётр I не только приглашал в Россию иностранцев, но и посыпал учиться в Германию, Англию, Голландию способных русских юношей, независимо от того, к какому сословию они принадлежали. Видимо, именно к этому периоду (XVII - XVIII в.в.) относится возникновение обнаруженных нами в Сборнике В.И. Даля описываемых ниже пословиц и поговорок.

«Немецкая учёность». К этой поговорке Даль даёт пояснение: «т.е. точная, школьная».

«Немец своим разумом доходит, а русский глазами». Даль поясняет, добавляя два слова: «Немец своим разумом доходит (изобретает), а русский глазами (перенимает).

«У немца на всё струмент есть». В данной поговорке «струмент» - это просторечное искажение слова «инструмент».

Все указанные выше пословицы одобрительно отзываются об уме и талантливости немецкого народа.

Большинство из приехавших в Россию немцев задерживались здесь надолго, а многие нашли в ней свою вторую Родину. Они женились на русских девушкиах, обзаводились своим домом, делом, растили детей, внуков. Их немецкие имена, непривычные для русского слуха, народ переделывал на свой лад. Детям многие немцы давали уже русские имена. Вероятно, на этой почве и возникли иронично-шутливые присловья типа: «**Немец Иван Иванович, Адам Adamович и пр.», «Шпрехен зи дейч, Иван Андреевич?**», «**Вас ис дас? – Кислый квас.**»

Мы обнаружили также в Сборнике Даля несколько пословиц и поговорок, которые характеризуют русских, но в их структуре имеется лексема «немец» (или её производные).

«И мы в немцах». Эта поговорка употребляется по отношению к щёголям, которые надели модную немецкую одежду, но по своим человеческим качествам далеки от совершенства.

«В долгом платье, да в коротком разуме». К данной пословице имеется пояснение: « о женском немецком платье». Пословица употребляется по отношению к неумной женщине, слепо следующей моде.

«От русских отстал, к немцам не пристал». Эта пословица употребляется как осуждение человека, который отказался от своего Отечества, но и не усвоил язык, обычай и традиции другого народа, среди которого теперь живёт.

«Что русскому здорово, то немцу смерть». Здесь речь идёт об обычаях и традициях разных народов. В данном случае «здоро» - то, что приносит русскому пользу, а «немцу смерть» - то, что может навредить человеку другой национальности, не привыкшему к русским обычаям и традициям.

И, наконец, в Сборнике Даля мы обнаружили одну поговорку, которая как бы обобщает многие из рассмотренных нами в данной статье пословиц: **«Настоящий немец».** Даляр уточняет: « т.е. точен, педант, причудлив». Полагаем, что, помимо уже указанных выше качеств немецкого характера, данная поговорка включает в себя и образ жизни, особенности воспитания и мировоззрение немецкого народа.

Даль В. И. Пословицы русского народа: В 3-х т.– М.: Художественная литература, 1952.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М.: ГИС, 1957.

Биллярминов И. И. Курс русской истории. М.: Роман-газета, 1994.

Георгиева Т. С. Русская культура: история и современность: Учебное пособие. М., 1999.

В.Оксень
(Гамбург)

Концепт «богатство» в русском и немецком сознании

Уже на уровне семантического анализа русских и немецких лексем, обозначающих понятия «бедность» и «богатство», наблюдается большое смысловое сходство трактовки этих понятий русским и немецким народом, обусловленное общими постулатами христианской религии. Вместе с тем, прослеживаются ярко выраженные своеобразные черты русского менталитета.

Именно «соборность» как один из наиболее важных признаков менталитета русских определяла традиционную русскую модель хозяйственного развития общинного типа, в которой «хозяйство» выступало как духовно-нравственная категория, обеспечивающая потребности людей, но не мыслимая как средство погони за прибылью. В прошлом в России не существовало культа денег и так называемого «денежного мышления», понимаемого как восхваление и прославление богатства.

Различия в установках народа по данному вопросу имеют религиозные и культурные основания. Отношение русских к труду как к добродетели и нравственному деянию возникло и развилось на основе традиционных духовных ценностей крестьянской общины, артели и колlettivизма, тогда как «дух» капитализма того типа, который представлен в странах Западной Европы и США, носит строго индивидуалистический характер и базируется на ценностях западного рационализма и приобретательства.

Что касается сегодняшнего состояния умов россиян и их оценки западных экономических моделей, то данные проводимых социологических опросов в силу ряда причин пока нельзя считать достаточно репрезентативными. Несмотря на некоторое повышение «рейтинга» капитализма в 2001 году, зарегистрированное в отдельных крупных городах, речь может идти скорее о разочаровании русских людей в целом западными экономическими приоритетами. Об этом свидетельствует и наблюдаемое стремление к поиску собственного пути развития экономики России и дистанцирование от популярных в первой половине 90-х годов западных моделей экономического развития.

Изучение семантики русских и немецких пословиц и поговорок свидетельствует о сходстве отношения русского и немецкого народов к богатству. Деньги управляют миром, хотя наличие больших денег прибавляет забот: Деньги – забота, мешок – тягота; Reich an Gold, reich an Sorgen.

Наличие денег не самое важное и судьбоносное в существовании как русского, так и немецкого крестьянина: Хлеб да живот – и без денег живёт; Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Der ist reich, der Freunde hat; Der ist nicht reich, der nicht zufrieden ist.

Любое богатство никак не идентично счастью, ловкости, разуму, то есть тем свойствам, которые всегда ценились в любом обществе: Соболиное одеяльце в ногах, да потонули подушки в слезах; Viel haben ist nicht reich.

Внутренним богатством считает народ мудрость и прилежание в труде: Wer weise ist, der ist mehr als reich; Кто рано встаёт, тому Бог подаёт; Wer früh aufsteht, wird reich.

Отвергая стяжательство и накопительство, осторожно и с достоинством принимая богатство и деньги, трудовой человек возвышает свой идеал – идеал скромного достатка, при котором и самому можно жить, и помогать своим близким. При этом в русских пословицах проводится отчёлливая черта между бережливостью и запасливостью как гарантами процветающего хозяйства (Маленькая добычка, да большой сберёж – век проживёшь), тогда как немцы больше обращают внимание на тот образец поведения, при котором

разбогатеть становится труднее, либо вообще невозможно (*Wer früh Wein trinkt, wird spät reich*).

Для представителей обоих народов важна спокойная совесть: Без денег сон крепче.

Общеизвестной истиной является тот факт, что богатство нередко сочетается с преступностью: Гол, да не вор; беден, да честен. *Wer reich werden will, muß den Teufel zum Vetter haben*.

Образы богатого и бедного в русских и немецких народных сказках также имеют много общего, выражая многие моральные установки народа, носящие универсальный характер. В сказках всегда есть встреча с Чудом, и чудеса в сказках, как русских, так и немецких, припасены исключительно для тех, кому народ симпатизирует и кто выражает его думы и мысли. Человечность и доброта, библейская любовь к ближнему поощряется и выступает в сказке в функции волшебного клубочка ниток, приводящего в страну исполнения желаний, к Счастью.

Моральная оценка в сказках разных народов часто выражается при описании сходных жизненных ситуаций. Сходство сюжетной линии наблюдается в русских и немецких сказках о богатом и бедном братьях, когда бедный брат и в русской и в немецкой сказке вынужден продать богатому оба глаза. Однако Бог и судьба всегда на стороне несправедливо обиженного и всегда приходят на помощь тем, кто сам всегда готов помочь другим в беде. Так и бедные ослепшие братья и в русской и в немецкой сказке не только снова обретают зрение, но и находят своё счастье и богатство, в то время как богатых и бессердечных братьев за их жадность всегда ждёт наказание. В жанре сказки торжествует справедливость и правда, а нечестность, жадность, желание «урвать» как можно больше наказывается.

Характерно, что в сказках бедность – не следствие лени, что следует из изображения трудолюбия и прилежания бедных. С утра до вечера бьётся мужик как рыба об лёд, а всё положительного результата нет. Русские «суденицы» (немецкие *Nornen*), по-теперешнему богини судьбы, где-то что-то недосмотрели и недоработали, а, может быть, связали одну нить судьбы не с той, что надо, и потому более старательный, добросовестный и честный оказался в беде.

Добрые и трудолюбивые бедняки-братья из немецких и русских сказок, иногда сливущие глуповатыми, на деле всегда оказываются гораздо умнее своих богатых и алчных собратьев, как, например, Иванушка-Дурачок из русской сказки или Глупый, оказавшийся Смекалистым из немецкой сказки. Глуповатый, но добрый и готовый помочь, имеет в сказках по сравнению со скучным всегда лучшие шансы устроить свою жизнь, что нельзя утверждать о скучных рыцарях, проводящих жизнь в страхе перед утерей своих несметных богатств.

К моральной оценке богатства обращались великие мыслители разных стран, ставя превыше всего богатство души и отдавая свои симпатии тем, кто щедро раздаёт милосердие, дарит любовь, предлагает помочь и поддержку, но располагает, как правило, тощим кошельком. При этом, хотя богатство

презиралось и единодушно отвергалось, благосостояние признавалось достойным стремления к нему.

Немецкие психологи пытались проследить исторические корни отношения русских к собственности, которая традиционно выступала для русского человека не самоцелью, а средством к достижению цели. Исследования показывают, что традиционные идеалы общинного труда проповедовались в русском обществе со времён Древней Руси, Владимира Мономаха, экономических статей в «Русской правде» XI-XII веков. Появившийся в XVI веке «Домострой», прославлявший угодный Всевышнему добросовестный труд и такие качества как «безленность», «несребролюбие» и «нестяжание», на столетия определил этику развития торгового дела и хозяйствования в России.

Этот традиционный подход прослеживается в идеях, высказываемых известными русскими учёными-экономистами (Посошков, Татищев, А. И. Сумароков). Только труд может быть источником богатства, которое трактуется не в виде средства для роскошной жизни, а имеет целью обеспечить достаток для прокормления семьи.

Эти установки составляли и основную предпосылку претворения в жизнь идеи социального равенства.

«Социальное мышление» овладевало не только специалистами в области экономики, но и широкими кругами интеллигенции, что находило яркое выражение в литературных произведениях. Характерно, что большинство именитых русских, как и немецких писателей и поэтов подчёркивало идею равенства и братства и «разоблачало» богатство и тех из богатых, кто не следовал догмам церковной этики (А. С. Пушкин, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский).

В XVIII веке русская критическая литература проявляет интерес к проблемам, связанным с процессом расслоения крестьянства и становлением купеческого сословия. При этом многие произведения довольно адекватно изображали часто безотрадную картину тогдашней купеческой бесчестности (И. А. Крылов, Н. В. Гоголь, Н. А. Некрасов, А. Н. Островский, М. Е. Салтыков-Щедрин).

Характерным было также стремление осмыслить различия и особенности, имеющие место в области развития капитализма в России наряду с общими чертами, характерными для экономического развития Западной Европы.

Отличительной чертой русского торгового капитала в начале XX века был факт почти полного отсутствия иностранного капитала в целом ряде отраслей промышленности и семейный характер предприятий в России.

Характерным отличием русских предпринимателей было отсутствие у них как культа богатства, так и так называемого «денежного мышления» (Gelddenken), во многом определявшего ранее, да и сейчас определяющего менталитет западного европейца. Характерно, что если в развитых капиталистических странах Европы оценка достоинства фирмы зависела от того, насколько выгодно, читай: как можно дороже она продаёт товар, в России считалась процветающей как раз та фирма, которая могла себе

позволить торговать дешевле, чем её конкуренты, причём эта дешевизна не должна была идти за счёт недоплаты торговому персоналу.

Общие культурно обусловленные этические установки определили широкое развитие благотворительности в среде предпринимательства, и это приводило к постепенному повышению нравственного авторитета русского купечества, представители которого внесли существенный вклад в экономическое и культурное развитие России в целом.

Последовавшее в дальнейшем возникновение негативного отношения к понятиям «капитала» и «капитализма» было предопределено в ноябре 1917 года.

В Германии в XIX веке тема богатства – бедности широко обсуждалась в социально-политической литературе, возникшей как реакция на процессы массового обнищания и прогрессирующую обездоленность народа в 40-е годы (Е. Готтхельф, К. Гутцков, Р. Прутп, Г. Келлер, Г. Фрайтаг, Ф. Фрейлиграт, Г. Веерт, Г. Хауптманн и др.).

В советскую эпоху в России, несмотря на все новые политические веяния (изменения), критерии построения экономики «нового» общества оставались по сути своей теми же, что и раньше: они были определены как благоденствие семьи и хозяйства. Подобно многочисленным поучениям и наказам древней Руси, большое внимание обращалось на рабочую дисциплину и трудовую мораль, а прославление пафоса труда оставалось одной из важных воспитательных задач советской литературы. Однако при этом при всём разнообразии тем и образов советской эпохи понятия «богатство» и «бедность» не были фаворитами авторов литературных произведений и вызывали их интерес скорее в политическом плане, в отношении проблем капиталистических обществ и стран.

Приоритетными темами немецкоязычной литературы XX века были радикальная критика мира отцов, жизни растущего города, страха перед усиливающимся влиянием механизации и технизации.

В культурном плане 20-е годы вошли в сознание представителей немецкого общества, равно как и русского, как «золотое» время развития культуры, время творческих поисков новых путей.

Хотя темы богатства и бедности в той или иной мере затрагивались в повествовании многих писателей, темы эти, подобно установкам прошедшего века, не относились к предпочитаемым и остро актуальным. В определённой степени как в российском, так и немецком обществе утвердилось отношение, встречаемое и в прошлые века, а именно: богатый превращался в героя, вызывающего симпатии, исключительно в случае наличия таких черт характера как жалость к обездоленным, а ещё лучше готовность им помочь.

Вместе с тем, вывод о существовании стабильной, столетиями остающейся незыблемой трактовки понятия «богатство» в немецком и русском обществах мог бы быть в данное время поспешным, ибо определённые изменения всё же имеют место, что наиболее ярко проявляется в сфере масс-медиа Германии и России. Всё чаще в связи с этим специалистами стал употребляться уже упоминавшийся нами термин

«финансовое» или «денежное» мышление. С содержанием этого термина соотносится и та лихорадка с приобретением акций, которая началась в немецком обществе несколько лет назад и сопровождалась ссылкой на успех подобных мероприятий в США.

Панегирики богатству и богатым, создание определённого культа богатства имеет место прежде всего в рекламе, как и в планомерной, преднамеренной и хорошо продуманной коммерциализации жизни общества. Коммерциализация уже давно превратилась в будни германского общества.

В подавляющем большинстве телевизионных передач, называющих себя бульварными или являющимися таковыми по сути своей, поётся песня славы «богатым и прекрасным», причём употребляются оба эти прилагательные в одном синонимическом ряду. Независимо от канала и тематики передачи зрителю 24 часа в сутки внушается мысль о том, что богатым может стать любой и стремление к этому уже само по себе является добродетелью. Телевизионные передачи типа «Кто хочет стать миллионером?» под тем или другим названием появляются со скоростью, далеко превышающей геометрическую прогрессию. И можно быть уверенным, что десятки миллионов жителей Германии живут с надеждой на миллионный выигрыш и заполняют регулярно карточки лото.

Просторы России в определённой степени охраняют её от массового проникновения влияний, наблюдавшихся сегодня в Германии. Но и там вопрос трактовки понятия «богатство» претерпевает после веков и тысячелетий относительной стабильности процесс изменения появляются передачи типа заимствованной у американцев передачи «Кто хочет стать миллионером?» и под.

В целом отношение к богатству в современном российском обществе неоднозначно и связано (окрашено) с негативным восприятием так называемых «новых русских», авторитет которых в народе необычайно низок. Это прослеживается и в высказываниях литературных героев, отражающих подобные настроения, где «новый русский» выступает часто синонимом понятия «бандит», проводится параллель между бизнесом и криминалом. Появилась целая серия сатирических анекдотов о новых русских, их жадности и ограниченности.

Эти негативные настроения народа нельзя объяснить только социальной завистью, которую испытывают бедные по отношению к богатым. Ведь есть и честные бизнесмены, преследующие цели не только собственного обогащения, есть ростки благотворительности. Но есть и объективные корни негатива. Инициатива благотворительности редко исходит от частных лиц, владельцев крупного капитала, «новых русских».

Немаловажную роль здесь играют и особенности традиционной трактовки богатства, своими корнями уходящие в христианские постулаты и обусловленные менталитетом народа и всей системой духовных ценностей. Как прибыль ради прибыли, так и накопление во имя такого в русской стране традиционно не пользовались популярностью. Народ, в системе ценностной ориентации которого превалирует духовное богатство над

материальным, отторгает распространение установки на служение «золотому тельцу», протестуя презрением и борясь словом, стараясь юмором и сатирой, а также наставлением напомнить некоторым из своих «блудных» сыновей и дочерей, что в жизни вечно только то, что ты делаешь ради других. Ценить человека надо не за то, что у него есть, а за то, что есть в нём. В России ещё многие именно так относятся друг к другу.

И может быть, именно потому, что духовность проходит через Россию, народ сможет выжить, очиститься, развиться и сохраниться.

Сокращенный перевод В.М.Топоровой
Редакция И.А.Стернина

Е.В.Бабаева
Волгоградский ГПУ

Концепт «RECHT» в немецкой лингвокультуре

Правила поведения человека в обществе, выступая одной из характеристик культуры, базируются на ценностных ориентирах и отражаются в коммуникативном поведении народа.

Представления о социальных нормах, нарушениях данных норм, их понимание и переживание, закрепляются в лингвокультурах различными концептами. Нормативно-оценочные концепты преимущественно ориентированы на фиксацию какого-либо элемента морфологической структуры социальной нормы, например, ее основание, санкцию, императив (запрет, разрешение, предписание). Содержательные характеристики данных концептов и способы их языкового выражения отличаются определенным своеобразием. Так, непосредственной фиксации представлений, связанных с категорией социальной нормы, и обозначению ориентира, которым руководствуется человек в своем поведении, служат специфичные для русской лингвокультуры концепты *совесть, правда,стина, справедливость* (Арутюнова 1999; Левонтина, Шмелев 2000; Логический анализ ..., 2000).

В данной статье предлагается лингвокультурологическая характеристика одного из концептов немецкой языковой картины мира, обозначающего основание социальной нормы, а именно - концепта RECHT. В немецком языке одна лексема используется как для прилагательного *recht*, так и для существительного *Recht*. Кроме того, каждое из них обладает чрезвычайно широкой семантикой, которая различным образом разбивается словарями на отдельные значения и варианты.

Существительное *Recht* обозначает: право на что-л., правосудие, правовые нормы, совокупность законов государства, религии или иной сферы жизни, законность, правопорядок, юриспруденцию, правду, правильность, то, что

считается справедливым и хорошим (Recht – Rechtsordnung, Gesamtheit der Gesetze (des Staates, der Kirche oder eines Lebensgebietes); Rechtpflege, Rechtswissenschaft; Befugnis, Anspruch, Berechtigung; das Richtige, das, was recht und gut ist (WDW). При использовании в пассивных конструкциях значение существительного сужается до соответствия праву, закону, правде / истине, что оценивается положительно (dem Recht, dem Gesetz, der Wahrheit entsprechend, gut) (WDW). Семантика прилагательного recht раскрывается в толковом словаре таким образом: recht – richtig, so, wie es sich gehört, zufriedenstellend, so, wie es sein soll; geeignet, passend, zutreffend; angenehm (WDW). Наличие общих для двух единиц семантических признаков и определяет трудности, связанные с выбором наименования концепта.

Этимологические данные приводятся исключительно для прилагательного и указывают на его образование от индоевропейской основы *reg-* со значением «растягивать, выравнивать, делать прямым», а позднее также «направлять, руководить, вести, господствовать». К данному корню или непосредственно к прилагательному восходят не только существительное Recht, но и такие лексические единицы современного немецкого языка, как: richtig (правильный), gerecht (справедливый), Gerechtigkeit (справедливость, правосудие), Gericht (суд), Richter (судья), rechnen (считать), rechten (спорить, судиться, рядиться), richten (приводить в порядок). Развитие семантики данной лексемы в самых общих чертах может быть представлено в виде тенденции от конкретного пространственного обозначения до крайне абстрактного значения соответствия, а также до полного ее размытия и превращения recht в усилительную частицу со значением «весыма, довольно, очень».

Таким образом, основным назначением концепта, обозначаемого в немецком языке лексемой RECHT, является фиксация представления об основании социальной нормы. При этом сопоставление с концептами русской лингвокультуры, имеющими аналогичную функцию, демонстрирует его интегральный характер. В исследуемом немецком концепте сглаживаются такие важные для русского языкового сознания противопоставления, касающиеся основания социальной нормы, как субъективность и объективность, поддержка со стороны государства или общественного мнения и др. Данное положение соответствует уже отмечавшимся в отечественной лингвистике фактам о невозможности выразить в ряде европейских языков такие самоочевидные и существенные для русского языка противопоставления, как справедливость и законность (Левонтина, Шмелев 2000, с. 281), правда истина (Арутюнова, 1999, с. 621).

При переводе словосочетаний с компонентом RECHT используются русские лексические единицы, обозначающие различные основания социальной нормы: mit Recht und Unrecht - всеми правдами и неправдами, das Recht beugen - обходить, изворачивать законы, Recht sprechen - судить, отправлять правосудие, nach dem Rechten sehen - следить за порядком, nach Recht und Gewissen - по долгу и совести, по совести и закону, auf das Recht pochen - взывать к закону, взывать к справедливости, wie es recht und billig sein – все как полагается; zuviel Recht hat manchen Herrn gemacht zum Knecht –

лишняя воля заведет в неволю, wo nichts ist, hat auch der Kaiser sein Recht verloren - на нет и суда нет, was einem recht ist, ist dem andern billig - чего требует справедливость для одного, того вправе требовать и другой (Бинович 1995; БНРС).

Немецкие словари (Duden, WDW) при раскрытии значения устойчивых выражений с единицей RECHT также обращаются к лексемам, обозначающим важнейшие для немецкой лингвокультуры концепты, например: nach dem Rechten sehen – sich überzeugen, prüfen, ob alles in Ordnung ist; jemandem etwas recht machen – etwas zu jemandes Zufriedenheit machen; recht und billig sein – angemessen, gerecht sein; nach Recht und Billigkeit – nach geschriebenem Gesetz und nach dem Gefühl für Gerechtigkeit. Употребление в составе парных сочетаний лексемы billig, имеющей сегодня значение «дешевый», объясняется тем фактом, что в древненемецком она выступала синонимом слова recht. Ее современное значение «низкий в цене» возникло только в 18-м веке. Такая формула, как recht und billig, первоначально выражала, что что-то соответствует как правовым нормам и принципам (den rechtlichen Normen, den Rechtsgrundsätzen = recht), так и естественному ощущению правильности, правды (dem natürlichen Rechtsempfinden = billig) (Duden 1998, с. 572). Первоначальное значение billig в древневерхненемецком «сопразмерный, подобный», а также более позднее значение «правильный, правдивый» данной лексемой утрачено и включено в семантику лексемы recht.

Лексема RECHT входит в состав многих коммуникативных формул, используемых как клише в различных типах дискурса. Приведем только некоторые примеры, указанные в словарях (БНРС, РНС, Duden, WDW): Alle Rechte vorbehalten – право переиздания принадлежит исключительно издателю (надпись на обороте титульного листа книг); Recht so! – Так держать! (морской жаргон); Sei recht herzlich gegrüßt von Deiner ... – формула, которой завершаются письма; V.R.W. – сокращение фразы von Rechts wegen (в силу закона, по закону, по праву, по справедливости); Alles, was recht ist, aber das geht zu weit! – формула отказа; Was Recht ist, muß Recht bleiben – фраза-комментарий в подтверждение собственных действий, когда кто-то чувствует себя правым. Достаточно многочисленны коммуникативные формулы иронического характера: an den Rechten kommen – не на того нарваться; das ist was Rechtes! – нечего сказать, хорошо! Das hast du aber was Rechtes gelernt! – Хорошему же ты научился! Du kommst mir gerade recht! – Тебя мне только не хватало! Таким образом, наличие лексемы RECHT часто может служить сигналом к переосмыслению и указывать на прямо противоположный смысл.

Необходимой частью лингвокультурологической характеристики концепта является анализ универсальных высказываний. В пословицах и афоризмах находят свое отражение системы ценностных ориентаций культуры. Лингвистический анализ данных высказываний дает возможность объективно установить ценностные приоритеты культуры (Дмитриева 1997). Понятие RECHT оказывается чрезвычайно актуальным для паремиологии. В пословицах и поговорках немецкого языка подчеркивается:

- одобрение действий, ориентирующихся на данную социальную норму: Besser mit Recht anklagen, als mit Unrecht argwöhnen. Tue recht und scheue niemand! Recht muß doch bleiben;
- осуждение ее нарушений: Wer das Recht biegt, bricht es;
- негативная оценка чрезвычайно широких прав и их недостатка: Zuviel Recht hat manchen Herrn gemacht zum Knecht. Enges Recht – weites Unrecht.

С одной стороны, выдвигается требование в любой ситуации следовать данной норме (Man muß selbst dem Teufel sein Recht lassen) С другой стороны, констатируется, что преимущества - у имеющего власть (Wer die Macht hat, hat das Recht). Место концепта в ценностной иерархии определяется следующим образом: Gnade geht vor Recht. Sitte ist stärker als Recht.

Активное использование во фразеологии, освоение словообразовательным механизмом языка подчеркивают, что концепт RECHT хорошо разработан обыденным сознанием. Данный концепт достаточно часто становился объектом внимания политических деятелей, философов, поэтов и писателей, что отражено в многочисленных афоризмах (О.Бисмарка, Ф.Шиллера, И.В.Гете, Л.Берне, И.Канта, К.Граббе). Это свидетельствует о высоком «индексе интертекстуальности», который проявляется в частотности случаев рефлексивного обсуждения понятий в текстах культуры и в качестве одного из параметров определяет статус концепта в лингвокультуре (Евсюкова 2002, с. 15). В сборниках цитат и афоризмов (Борохов 2000; Hellwig, 1990) нами обнаружено более сорока высказываний немецкоязычных авторов, посвященных данной теме. Наиболее часто авторы универсальных высказываний используют следующие стратегии:

1. Обращаются к пословицам и поговоркам, подтверждая, опровергая или уточняя декларируемые ими ценности и нормы. Так, высказывание немецкого писателя Т.Фонтане «Man kann es nicht allen Leuten recht machen» полностью передает содержание известной пословицы Allen Menschen recht getan ist eine Kunst, die niemand kann. И.В.Гете использует как прецедентный текст пословицу Tue recht und scheue niemand, убеждая, почему следует поступать по правде и справедливости: «Tu nur das Rechte in deinen Sachen; das andre wird sich von selber machen.» Интересно, что предлагаемое И.В.Гете объяснение («все само собой образуется») называется рядом исследователей стереотипом русского национального характера. Например, по данным И.М.Кобозевой, русский человек исходит из того, что в мире в конечном счете побеждает добро и правда. Но именно данный принцип определяет для представителя русской лингвокультуры, что можно жить, не стесняя себя какими-либо правилами, и нарушать устанавливаемые обществом нормы (Кобозева 2000, с. 195-196).

2. Утверждают высокую ценность данной категории. Так, Л.Берне подчеркивает ее значимость сравнением с хлебом: «Das Recht ist ein unentbehrlicher Lebensmittel als das Brot.» О.Бисмарк называет право фактором, объединяющим в одно целое всех граждан в стране независимо от их социального статуса: «Das Recht ist ein solidarisches Ganzes für alle im Lande, sowohl für die Höchsten wie für die Niedrigsten.»

3. Сопоставляют данный концепт с другими важными для немецкой лингвокультуры концептами (любовь, честь, свобода), например: Л.Берне: “Eines ist, was nützt: die Klarheit. Eins ist, was besteht: das Recht. Eins ist, was besänftigt: die Liebe.”; И.В.Гете: “Es gibt zwei friedliche Gewalten: das Recht und die Schicklichkeit.”; И.В.Гете: “Wer das Rechte kann, der soll es wollen. Wer das Rechte will, der sollt’ es können, und ein jeder kann’s, der sich bescheidet, Schöpfer seinen Glücks zu sein im kleinen.”; И.Кант: “Recht ist die Einschränkung der Freiheit eines jeden auf die Bedingung ihrer Zusammenstimmung mit der Freiheit von jedermann, insofern diese nach einem allgemeinen Gesetze möglich ist.”

4. Обсуждают способы, которыми можно приблизиться к данной ценности и способствовать ее функционированию в качестве общей нормы. В ряде высказываний в качестве такого средства называется применение силы, например: О.Бисмарк: «Das Recht lässt sich in europäischen Streitigkeiten, wo ein kompetenter Gerichtshof nicht besteht, nur durch die Bajonette geltend machen.” В качестве одной из мер Ф.Шиллером называются законы: «Правом владеет тот, на чьей стороне сила; границы наших сил – наши законы».

5. Подчеркиваются различия в понимании данной категории, ее применении, например: К.Граббе: “Das Recht ist hundertfach, und jeder übt sein eigenes.”; Ф.Шиллер: “Recht hat jeder eigne Charakter, der übereinstimmt mit sich selbst; es gibt kein andres Unrecht als den Widerspruch.”

6. Обращается внимание на вечный характер борьбы за утверждение права, например: Ф.Шиллер: “Das Rechte, das Gute führt ewig Streit, nie wird der Feind ihm erliegen.”

7. Обсуждается вопрос о том, что препятствует утверждению данной нормы. Например, Л.Шефер называет несправедливый способ утверждения: «Recht tun auf ungerechte Art ist unrecht.” М.Эбнер-Эшенбах указывает на привилегии как на самого большого врага: “Der größte Feind des Rechts ist das Vorrecht.”

Приведенные выше авторские высказывания известных деятелей литературы показывают важность характеризуемого концепта для художественного дискурса. Его актуальность для политического дискурса ярко отражена в высказывании немецкого правоведа Ф.Гольцендорфа: “В наши дни нет столь плохого правительства, нет столь самоуверенной партии, чтобы они не старались защитить себя от обвинения в нарушении права.” Объектом особого внимания концепт RECHT выступает в юридическом дискурсе. Отсутствие примеров из рекламного дискурса свидетельствует о месте ценности, фиксируемой данным концептом, в ценностной иерархии и ее принадлежности к категории супреморальных.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что предпринятый анализ концепта RECHT не является завершенным. Однако выявленные уже на данном этапе характеристики позволяют говорить о его лингвокультурной специфике. Определяющим выступает обобщающий характер содержания и многослойная структура. Данный концепт выступает в роли гиперонима по отношению ко многим другим концептам, обозначающим основание социальной нормы. Абстрактное понятие соответствия, обоснованности с

точки зрения правил поведения, при трансляции в различные сферы общественной жизни (религия, право, наука, бытовое общение) наполняется конкретным содержанием. Пользуясь терминологией Ю. С. Степанова, концепт RECHT следует обозначить как «рамочный», т. к. его содержание составляет определенную рамку, которая накладывается на то или иное общество, на ту или иную социальную группу (Степанов 2001, с. 77). На выявление особенностей вариативного представления концепта RECHT будет направлено его дальнейшее изучение.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999.

Бинович Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь. – М.: Аквариум, 1995.

БНРС - Большой немецко-русский словарь: В 2-х т. - М.: Рус.яз., 1980.

Борохов Э. Энциклопедия афоризмов (Мысль в слове). – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000.

Дмитриева О.А. Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов (на материале французского и русского языков): Автoref. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1997.

Евсюкова Т. В. Лингвокультурологическая концепция «словаря культуры»: Дисс. ... докт. филол. наук. – Нальчик, 2002.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Учебник. – М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. За справедливостью пустой // Логический анализ языка. Языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 281-292.

Логический анализ языка. Языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000.

РНС - Русско-немецкий словарь. – М.: Рус.яз., 1983.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2001.

Duden - Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten: Wörterbuch der deutschen Idiomatik. – Mahnheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1998.

Hellwig G. Das große Buch der Zitate. - München: Orbis Verlag, 1990.

WDW - Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. - München: Mosaik Verlag, 1986-1989.

Методика обучения языку коммуникативному поведению

Т.Донат

Образовательное учреждение
«Ойрошулен»
(Галле)

Изменения в отношении русскоязычных переселенцев к изучению немецкого языка в Германии

Количество русскоязычных переселенцев в современной Германии в настоящее время очень велико. Во многих городах Германии существуют довольно многочисленные общины русских переселенцев. Существуют специальные интернаты для переселенцев, в которых живет большое количество русских. Для переселенцев из России и стран СНГ в Германии создаются благоприятные условия, предоставляются многочисленные льготы, что делает поток переселенцев достаточно постоянным, несмотря на ужесточение в последнее время требований к переселенцам со стороны немецкого правительства.

Одним из важных условий, предъявляемых к русскоязычным переселенцам, является требование овладеть немецким языком. В настоящее время все русскоязычные переселенцы, которые прибывают на постоянное жительство в Германию, имеют возможность пройти бесплатно полугодовой курс обучения немецкому языку и сдать по окончании обучения два экзамена - письменный и устный. Стоимость курсов достигает 4000 марок; оплачивает обучение Арбайтсamt (Биржа труда). Для тех, кто направлен на курсы, посещение занятий становится обязательным - это их работа. Занятия проводятся по специальной разработанной программе и учебникам в объеме 35 часов в неделю - по 7 часов ежедневно, кроме субботы и воскресенья.

Сертификат, который переселенцы получают после успешной сдачи экзаменов по немецкому языку на таких курсах, является одним из основных документов, которые необходимы для представления работодателю при поступлении на работу.

В этих условиях формально все переселенцы должны быть заинтересованы в как можно более успешном и быстром овладении немецким языком - языком страны, куда они приехали. Долгое время так и было, о чем свидетельствует мой опыт преподавания немецкого языка русским переселенцам.

Более 8 лет я преподаю немецкий язык русским переселенцам в образовательном учреждении «Ойрошулен» в г. Галле. Это частное образовательное учреждение, которое по договору с государственными

ведомствами осуществляют, в частности, подготовку русских переселенцев по немецкому языку.

Обучение проходят как этнические немцы из России, так и российские евреи, переехавшие в Германию по так называемой «еврейской линии».

Мой опыт преподавания последних лет показывает, что в настоящее время отношение русских переселенцев к изучению немецкого языка существенно изменилось. Если до 1997-98 г.г. обучавшиеся в подавляющем большинстве случаев проявляли заметный интерес к изучению немецкого языка, старались достичь в нем как можно более быстрого и заметного прогресса, то сейчас положение другое.

Сегодняшние слушатели (это касается не только групп, в которых веду я, но и групп, в которых работают мои коллеги), демонстрируют мало интереса к немецкому языку. Они не хотят добросовестно заниматься, пропускают занятия, уходят во время занятий немецким языком к врачу, в официальные учреждения. Распространилось также списывание во время контрольных работ и проведения тестов - более слабые списывают у более сильных и не считают это зазорным, не считают, что они сами теряют от этого.

Конечно, среди слушателей есть и интересующиеся, добросовестные слушатели, но они растворяются в общей массе незaintересованных и их не очень заметно на занятиях.

Почему же так заметно снизился интерес переселенцев у немецкому языку? Можно выделить целый ряд причин.

1. Подавляющее большинство нынешних переселенцев не изучали немецкий язык в России и не владеют им даже в минимальной степени. В прежние времена большинство переселенцев в той или иной степени знали немецкий язык, изучали его интенсивно перед переездом в Россию и на занятиях им надо было только совершенствовать знания. Нынешним переселенцам, многие из которых порой в весьма солидном возрасте, надо приступать к изучению нового, незнакомого для них языка, с нуля, что им, естественно, трудно. Среди них широко распространено мнение: «Я все равно не смогу этот язык выучить, поздно мне уже языки учить, незачем и стараться».

2. Многие нынешние курсанты сами говорят, что они плохо владеют русским языком, а им приходится дополнительно изучать еще и немецкий. Это действительно так: нынешние переселенцы в основном имеют низкий образовательный и культурный уровень, очень многие не умеют грамотно выразить свою мысль на русском языке, не владеют письменной русской речью, пишут с огромным количеством грамматических и орфографических ошибок.

Анкетирование нескольких групп переселенцев в декабре 2001 г. показало, что они допускают грубейшие ошибки в русском языке - почти не владеют русской пунктуацией, не ставят запятых перед *но*, чтобы, часто пишут вообще без знаков препинания; допускают множество орфографических ошибок: *радной язык, нармально, незнает, вообще то, не зыдумывался над этим, не уделяет, закавыристый язык, шепение, сним, о сибе, они не когда не*

торопятся, понятлевый, лёгкий, неправда, непонятливый, они спакойные и мн.др.

Во многих случаях грубые речевые ошибки, допускаемые переселенцами, даже не дают возможности понять содержание высказываемой ими мысли: *русский язык объемнее; в общении с немцами мнение разное; меня удивляет в них одевание одежды; немецкий язык не сложный когда просто учить; немецкий язык понятливый; русский язык разносторонний, очень сложный в грамматическом правописании и мн.др.*

Переселенцы не привыкли задумываться над своей речью, следить, за тем, как они говорят или пишут на своем языке, у них нет минимума теоретических знаний о языке – падеж, склонение, спряжение, род, вид и т.д. Все это им приходится объяснять на занятиях по немецкому языку, что создает дополнительные трудности и снижает мотивацию.

3. Русские переселенцы привыкли учиться «из-под палки», как они сами об этом прямо говорят. Этот принцип обучения, отношение к учебе как к некоторому наказанию, они переносят и на немецкий язык, тем более что посещение занятий по немецкому языку для них обязательно. Это приводит к «педагогическому сопротивлению», привычному для российских учащихся. Нередко на занятиях приходится призывать взрослых людей к соблюдению дисциплины, требовать обязательного выполнения заданий, предлагаемых преподавателем.

4. У русскоязычных переселенцев практически нет круга общения на немецком языке. Они живут замкнуто, общаясь преимущественно друг с другом (по-русски) и с официальными сотрудниками учреждений социальной защиты и биржи труда. Эти сотрудники, по словам переселенцев, всегда вежливы, терпеливы к говорящим даже на ломаном немецком языке; кроме того, там всегда есть сотрудники, владеющие русским языком. Таким образом, на данном жизненном этапе переселенцам из России немецкий язык практически не требуется, и, соответственно, у них нет стимула к его изучению и тем более совершенствованию.

5. У всех русских переселенцев разные цели (у меня в группе сейчас учатся переселенцы от 16 до 63 лет), в силу чего их объединить на занятии для изучения языка крайне трудно: одни (меньшинство, молодежь) собираются учиться и им язык будет нужен, они проявляют интерес к занятиям; старшее поколение не собирается работать и им немецкий язык совсем не нужен, а среднее поколение очень разнородно и многие надеются устроить свою жизнь в Германии с минимальным использованием языка. Так живут в Германии многие турки: я в больнице познакомилась с турчанкой, которая живет в Германии 20 лет, но практически не может говорить на немецком языке, ее дети приходили к ней и переводили то, что она хотела сказать врачам. Аналогичная тенденция появляется и в среде русских переселенцев: одна русская женщина, уже долго работающая в Германии педикюршей и совсем не знающая немецкого языка, объясняет свое незнание языка так: «А зачем мне этот язык? Я с клиентами как с лошадьми: постучала по левой ноге, она дала

мне левую ногу, постучала по правой - дала правую. Остальное все я без слов делаю, только сумму выучила - цванцих марк».

Когда в группе люди с разными целями, то обычно преобладает не желание учить язык, а как раз нежелание.

6. Многие русские переселенцы объясняют свое нежелание изучать немецкий язык отсутствием у них на это времени: нужно заботиться о семье, детях, оформлять и постоянно обновлять официальные справки и документы на социальную помощь, число которых очень велико, ходить по официальным учреждениям, которые работают только в установленные часы и нередко - только в утренние часы, надо, наконец, искать работу. На немецкий язык времени у них не остается.

7. В настоящее время в Германии реально создалась обстановка, когда переселенцы могут без особых проблем жить в стране, не овладев немецким языком.

Русские переселенцы сплошь и рядом живут своими сообществами. Это, с одной стороны, вынужденное «сожительство» - переселенцам предоставляют социальное жилье в особых домах и районах, где проживают люди, которые не могут полностью оплачивать свое жилье; это приводит к концентрации в таких районах переселенцев и эмигрантов, что закономерно приводит к образованию национальных районов и сообществ; с другой стороны, это оказывается удобным и даже весьма выгодным для переселенцев: появились и получили широкое распространение русскоязычные врачи, к которым переселенцы обращаются, русские адвокаты, выходят русскоязычные немецкие газеты, есть русскоязычное радио, можно смотреть русское телевидение, на русском языке можно пройти водительские курсы и получить права; есть русские магазины, танцевальные клубы, концерты русских артистов, русскоязычные дискотеки и видеотеки, есть русские туристические бюро, которые оформляют визы и организуют поездки в любые страны, в том числе в Россию и страны СНГ. Все это снижает стимул к изучению немецкого языка у русских переселенцев, а также, что интересно, приводит к расширению функций русского языка в Германии. Даже появились русскоязычные немецкие анекдоты, например: едет немец в трамвае и читает учебник; другой немец его спрашивает: - Что ты учишь? Первый отвечает: - Я учу русский язык. - Зачем? - Я хочу жить в Германии!

7. Наконец, у переселенцев, как ни странно, в действительности фактически нет мотива для овладения немецким языком для получения работы. Большинство переселенцев старшего и пожилого возраста вполне устраивает положение безработных, живущих на социальное пособие. Это пособие составляет значительную сумму - до 500 евро на семью из 4 человек в месяц. Кроме этой суммы, переселенцы имеют многочисленные привилегии - жилье им предоставляется бесплатно, выдаются деньги на покупку одежды, у них бесплатный проезд.

8. Если переселенец найдет работу, то все льготы и пособия сразу снимаются, поэтому выгоднее получать пособие и просто немного подрабатывать где-нибудь «по-черному», как говорят немцы, нежели искать

настоящую работу. Работодатели охотно предоставляют такую работу, поскольку за подобных работников не надо платить страховку, налоги, да и платить им можно меньше. Таким образом, обе стороны в этом заинтересованы. Да и сертификат о прохождении курсов немецкого языка не является на практике особо важным документом при устройстве на работу: работодатель может спросить, есть ли у переселенца такой сертификат, но может и не спрашивать, а для работы «по-черному» подобный сертификат вообще не нужен. Таким образом, сертификат также не является важным мотивом для изучения немецкого языка.

Итак, налицо явная тенденция к снижению мотивации к изучению немецкого языка у русских переселенцев. В совокупности с формированием русских сообществ, где общение во всех сферах жизни ведется только на русском языке, данная тенденция приводит к образованию в Германии заметного слоя русскоязычных граждан, формально являющихся членами немецкого общества, но не участвующих в производстве, не владеющих немецким языком и не имеющих стимулов для совершенствования в нем. При этом, как отмечалось, значительная часть нынешних переселенцев стремится жить на социальное пособие.

Учитывая, что социальная помощь переселенцам финансируется, как и любая социальная помощь в немецком государстве, из средств не федерального, а местного бюджета (бюджета города, района), подобная тенденция к «языковой изоляции» и социальному иждивенчеству заметной части русских переселенцев последних лет может привести к возникновению социальной и национальной напряженности в местах компактного проживания русских (как, впрочем, и других иностранцев) в немецких городах.

В связи с этим мотивация русскоязычных переселенцев к овладению немецким языком становится важной задачей формирования национальной стабильности современного немецкого общества.

Б. Френцель
Институт славистики
университета им. М. Лютера
(Галле)

Пути в Европу и преподавание русского языка в Германии

Предметом статьи являются аспекты языковой политики Германии в области школьного преподавания русского языка, связанные с изменениями, произошедшими в последние годы в общественно-политической и экономической жизни Германии и в восточно-европейских странах.

Через 10 лет после объединения Германии еще нет единства мнений по вопросам преподавания русского языка как школьного предмета.

В Западной Германии и ГДР существовали различные подходы к пониманию целей и задач обучения русскому языку, а также разные методические принципы преподавания. С 1947 года в Восточной Германии русский язык был введён в школьную программу в качестве обязательного предмета. Чрезмерная идеологизация и централизация процесса обучения оказывала негативное влияние как на содержание изучаемого материала, так и на методику преподавания русского языка. В Западной Германии приоритетными иностранными языками в школах были английский и французский, в то время как русский выступал в качестве языка «экзотического». В связи с этим преподавание русского языка не было коммуникативно ориентированным, осуществлялось аналогично преподаванию так называемых «мёртвых» языков, типа латинского. Эта традиция до сих пор сохраняется в системе образования ФРГ.

После 1990 года в связи с радикальными общественно-политическими изменениями, произошедшими в Восточной Европе, России и Германии в контексте процесса всемирной глобализации, создалась новая ситуация в области языковой политики в целом. Расширение европейского сообщества выдвигает перед немецкими школами задачу введения коммуникативно ориентированного обучения молодых людей иностранным языкам с целью достижения лучшего взаимопонимания между разными народами, а также увеличения количества изучаемых в школе языков. Однако все ведущиеся по этим вопросам дискуссии пока не приносят желаемого результата.

Согласно статистике в 1992 учебном году в объединённой Германии русский язык изучали 565293 учеников. В 1999/2000 учебном году число изучающих русский язык в общеобразовательных школах Германии сократилось до 174642. При этом в бывших федеральных землях в 1999/2000 гг. русский язык как второй иностранный изучали 20648 школьников, в то время как число изучающих русский язык в новых землях составило 122113. Вместе с тем, как отмечает автор, после резкого падения интереса к изучению русского языка положение русского языка в гимназиях в целом в 1999/2000 учебном году стабилизировалось: русский язык по процентному соотношению изучающих иностранные языки (3,9% от общего числа) занимает 4-е место после английского, французского и латыни.

Общая ситуация в области языковой политики в Германии характеризуется следующими моментами:

1. Число иностранных языков, изучаемых в школах, не увеличивается.
2. В свете предстоящего расширения Евросоюза за счёт стран восточной Европы славянские языки, прежде всего языки соседних с Германией стран - польский и чешский, занимают лишь незначительное место в системе школьных предметов.
3. Несмотря на то, что в современных условиях ключевая роль среди других славянских языков принадлежит русскому языку, он остаётся на периферии языковой политики Евросоюза и не занимает должного места в рамках образовательных программ.

Кроме того, сокращение в германских университетах научного персонала, связанного с подготовкой студентов по специальности «преподаватель русского языка» также ведёт к сокращению количества изучающих русский язык.

Противоречивая ситуация с русским языком поддерживается средствами массовой информации, навязывающими немецкой молодёжи произвольные и субъективные оценки. На размыщение наводит и сложившееся в мире мнение об ориентации системы немецкого образования лишь на цели бизнеса при игнорировании воспитательных задач.

Если по данным опроса, проведённого 20 лет назад Келлером, американские и немецкие школьники в силу исторически сложившихся после второй мировой войны условий и контактов имели достаточно полные представления друг о друге, то в отношении сегодняшних подростков от 14 до 17 лет, живущих в России и Германии, этого сказать нельзя – существующие у них представления отличаются неполнотой и субъективностью.

В 2000 году в русских школах в г. Тутаеве (Ярославская область) и в Москве, а также в немецких гимназиях в федеральных землях Бранденбург, Заксен и Заксен – Анхальт, начались исследования, рассчитанные на два года. Цель их – дать некоторые ориентиры в области планирования и организации процесса обучения с учётом задач выработки навыков межкультурного общения.

Методика опросов строилась на основе разработанных Келлером опросных листов, содержащих различного рода оценки качеств и свойств личности, облегчавших задачу испытуемых. Предлагавшиеся школьникам опросные листы содержали названия 178 понятий, представленных в немецком и русском языках. Выявленные в результате опросов оценки ранжировались по 12 пунктам и составили 4 группы признаков (понятий), характеризующих представления немцев о себе (о немцах) и о русских и, соответственно, представления русских о себе (о русских) и о немцах.

Проведённое исследование выявляет интересные детали. Самооценка немецких учащихся часто связана с использованием негативно окрашенных понятий. При этом распространена позитивная оценка качеств русских. При оценке русскими учащимися самих себя на первый план часто выступают острые проблемы внутренней жизни страны. При оценке немцев русские учащиеся менее критичны, чем сами немцы, и часто исходят из традиционных представлений о достоинствах немецкой нации.

Первые результаты опросов выявляют актуальность для процесса обучения следующих положений. В учебном процессе необходимо учитывать особенности ценностной ориентации учащихся. Изучающие иностранный язык должны получать больше знаний о тех картинах мира, которые свойственны собственному народу и народу другой страны, а также должны уметь формулировать эти знания. Преподавателям необходимо учитывать исторический, социальный и политический фон обучаемых и включать в процесс обсуждения также различного рода табуированные ранее темы,

выявляя при этом историческую и культурную обусловленность такого рода феноменов.

Взаимопонимание и полноценное общение между представителями разных народов может быть достигнуто лишь на основе глубокого знания системы ценностных установок, убеждений и мнений, присущих тому или иному народу.

Сокращенный перевод с немецкого
В.М.Топоровой, В.Н.Лесных

Й.Кунце

Институт славистики
университета им. М. Лютера
(Галле)

Коммуникативное поведение как важная составляющая процесса обучения иностранному языку

Коммуникативно-ориентированные лингвистические и лингвостранноведческие исследования последних лет, направленные на выявление специфики коммуникативного поведения носителей различных современных языков (в отличие от чисто дескриптивного подхода) приобрели особую значимость в прикладной лингвистике и в области дидактики. Поэтому не удивительно, что эта составляющая занимает особое место при составлении, разработке и переработке учебных планов и дидактических (учебных) материалов, используемых в процессе преподавания иностранных языков в Германии, в том числе в процессе преподавания русского языка как в общеобразовательных целях, так и в профессиональной подготовке.

В рамках многолетних партнерских отношений между университетом им. Мартина Лютера г. Галле и Воронежским государственным университетом Институт славистики университета им. М. Лютера имеет в распоряжении результаты исследований ученых филологического факультета ВГУ и разработанные на их основе учебные материалы, которые позволили в рамках подготовки студентов в институте славистики в университете им. М. Лютера организовать семинарские занятия по изучению русского и немецкого коммуникативного поведения в контрастивном аспекте.

Первоначально эти занятия предназначались лишь только для студентов – будущих учителей и использования ими соответствующих знаний в школьном преподавании. Впоследствии в результате собственных наблюдений и анализа содержательной стороны других учебных курсов в институте мы пришли к решению распространить данный подход на магистерскую ступень обучения, а также разработать специальную программу для русских студентов – германистов, которые в течение одного семестра

проходят в нашем университете подготовку по специальности «языкознание и литературоведение». Таким образом, в Институте славистики в настоящее время немецким студентам – славистам и русским студентам – германистам предлагаются два цикла семинарских занятий по 2 часа в неделю в течение семинара.

Каково основное содержание названных выше учебных курсов? Прежде всего следует отметить, что в рамках относительно ограниченного количества часов, отводимых на славистику/русистику по сравнению с другими учебными предметами, невозможно в полной мере осветить в контрастивном аспекте весь тот исторический, культурный и социальный фон, на котором формировались основные национально – специфические признаки, характеризующие менталитет и коммуникативное носителей русского и немецкого языка. Поэтому в центр внимания ставятся такие национально – специфические черты характера и менталитета, которые с одной стороны хорошо высвечивают «чужое», «отличное» и на основе которых можно показать специфику коммуникативного поведения обоих народов (например, соборность в русском поведении или более сильная «индивидуализация» в немецком). На занятиях прежде всего требуется теоретически разъяснить, в чем состоит сущность коммуникативного поведения, где лежат корни национально – специфических особенностей коммуникативного поведения носителей языка, какое значение имеет коммуникативное поведение в рамках общего феномена человеческой коммуникации.

В дальнейшем более глубоко рассматриваются отдельные элементы коммуникативного поведения на основе сопоставления конкретных форм их проявления в русском и немецком общении. Последующие ситуативно-организованные упражнения (работа над текстами, анализ определенных ситуаций) способствуют осознанию студентами того факта, что коммуникативное поведение в реальном процессе коммуникации манифестируется в его целостности, во взаимосвязи и взаимомопроникновении всех его элементов, верbalных, невербальных, равно как и обусловленных менталитетом.

Учебный курс построен следующим образом.

1. Выявление специфических различий в национальном характере и менталитете русских и немцев.

Эти вопросы рассматриваются не абстрактно, а ставится задача выявления на контрастивной основе национально - специфических различий менталитета, обусловленных объективными реалиями общественной жизни. Сюда можно отнести следующие параметры:

- значимость материальной стороны жизни;
- отношение к материальному богатству в целом и соответственно к богатству как ценностной категории;
- значимость бескорыстия;
- установка на все или ничего и, соответственно, степень компромиссности;
- отношение к закону, законности и порядку;

- место труда в общественной и индивидуальной системе ценностей;
- характер подхода к решению индивидуальных и общественных проблем;
- роль принципа ожидания и проявления активности;
- общественная и индивидуальная значимость гостеприимства, гостя;
- отношение к сочувствию и милосердию.

2. Особенности верbalного поведения в типичных ситуациях.

В этом разделе предпринимается попытка осветить названные выше особенности в их конкретном проявлении и показать национальную специфику коммуникативного поведения в сфере речевого этикета, в пословицах и поговорках. При выборе материала мы опираемся на стандартные ситуации, описанные И.А.Стерниным.

При работе как с немецкими, так и с русскими студентами открывается широкое поле деятельности для развития языковой компетенции, так как в конкретной ситуации «обычное», т.е. вербальное поведение, приспособленное к актуальной ситуации, может осознаваться говорящим и учащимся могут быть предложены адекватные языковые варианты, соответствующие коммуникативной ситуации и направленные на достижение определенного коммуникативного эффекта.

При подготовке студентов по специальности «Учитель» важное дидактическое значение имеет включение в процесс обучения иностранному языку (русскому и немецкому) изучения основ коммуникативного поведения.

Особо важным является при этом задача выявления того, каким образом в рамках тематически структурированного содержания учебного процесса определенные знания о коммуникативном поведении носителей языка (русских и немцев) могут встраиваться в процесс обучения и усвоения иностранного языка.

3. Особенности невербального коммуникативного поведения.

Здесь в контрастивном плане рассматриваются жесты и мимика русских и немцев в тех или иных коммуникативных ситуациях. Используется учебный видеофильм, созданный нами совместно с И.А.Стерниным – «Русское и немецкое невербальное коммуникативное поведение».

Многолетняя практика преподавания показывает, что область невербального в коммуникативном поведении является в большинстве случаев как для учащихся, так и для опытных преподавателей иностранного языка довольно мало знакомой и поэтому ей не уделяется необходимого внимания. На занятиях национально – специфические особенности жестов, мимики, манеры говорящих, телесный контакт в процессе коммуникации и др., а также значение социальных символов изучаются в контрастивном анализе; при этом указывается на то, что невербальные элементы образуют единство с вербальными компонентами.

С дидактической точки зрения особое внимание уделяется освоению стандартных коммуникативных ситуаций. Это прежде всего «телефонный разговор», «знакомство», «в гостях», «общение с гостями», «поздравление», «приглашение» и др), где национально – специфическое, вербальное и невербальное рассматриваются в единстве.

В соответствии с этим обращается внимание на различия в области таких явлений, как суеверие или значение особых счастливых символов, которыми люди неосознанно оперируют в общественной жизни. Знания подобного рода также помогают лучше понять другое, «чужое» и «чужого», и, соответственно, обеспечить адекватность коммуникации.

В заключение несколько высказываний относительно учебного курса «Немецкое коммуникативное поведение на фоне русского», который предлагается преимущественно студентам – германистам из наших российских вузов – партнеров. Содержательно этот курс построен на основе уже существующих исследований русского и немецкого языков в контрастивном аспекте, а также на основе наших собственных исследований «типично» немецких черт характера и коммуникативного поведения.

В аспекте национально - специфического нам представляется важным разъяснить нашим иностранным студенткам, что национально – специфическое следует рассматривать дифференцированно в связи с более резким расхождением традиций и различиями социального развития двух немецких государств (ФРГ/ГДР) в течение 45 лет, что привело к изменениям того, что называют национальным характером, и что отражается определенным образом в коммуникативном поведении. В связи с этим отчетливо проявляются отличия в вербальном и невербальном поведении как и в отношении ценности социальных символов немцев (немцы в новых и старых федеральных землях), но вместе с тем эти различия указывают на то, что со времени воссоединения Германии также в этой сфере также протекает процесс сближения, который через определенное время приведет к устранению еще довольно ощутимых различий.

Сокращенный перевод с немецкого
В.М.Топоровой, В.М.Лесных

Астрид Эртельт-Фийт
Институт славистики
университета им. Гумбольдта
(Берлин)

«Учиться по образцу?» Сегодняшние представления русских учеников о немцах и Германии

В данной статье излагаются результаты обширного практического исследования, которое носит название «Развитие культурно - специфических представлений, полученных извне и путем личного опыта интеркультурной коммуникации - Русские ученики по обмену едут в Германию» (Эртельт-Фийт,

2002). Цель этих исследований – выявление представлений, полученных школьниками в ходе программы межкультурного обмена учащимися.

Для русских подростков обмен учениками и связанная с этим поездка в Германию является необычным, важным и в высшей степени желанным событием, особенно для тех, кто с пятого или даже с первого учит немецкий язык. Мы старались ответить на вопросы: какие представления имеют эти ученики о Германии, о немцах, о языковых навыках, которые им потребуются, когда они отправятся в путешествие, как эти представления изменяются при соприкосновении с чужой культурой, какие изменения происходят во взглядах учащихся на свою культуру.

Методами исследования являются интервью, наблюдение за учениками в их собственной школе в России и во время пребывания в Германии, опросы родителей, учителей и немецких партнеров по обмену.

В рамках данной статьи я хотела бы прежде всего рассказать о российской школьнице Ире, которая со мной много и охотно разговаривала.

Весной 1996 г. я наблюдала 31 ученика в двух русских школах: одна в маленьком городе “А” в глубокой провинции (250 тыс. жителей), другая в миллионном городе “В” с традиционно сильными интеркультурными контактами (Эртельт-Фийт, 1997).

Исследование построено на материале интервью с 19 российскими учениками, которые впервые поехали в Германию. Были использованы сначала произвольные, а затем стандартизованные вопросы. Интервью были записаны на аудиокассетах на родном языке до и после поездки в Германию, а затем оформлены в письменном виде. Дополнительно я вела наблюдения за учениками на занятиях в России и во время поездки русских детей в Германии; кроме того, было записано на видео 13 бесед на немецком языке между русскими и немецкими партнерами по обмену. До и после поездки русские ученики заполнили стандартные анкеты, а после поездки в Германию уже в России письменно ответили еще на несколько вопросов. После отъезда русских гостей были также взяты интервью у 17 немецких учеников и 12 родителей; аналогично - после немецкого ответного визита в Россию.

В теоретическом и практическом анализе данных я использовала наряду с понятием «лакуна» из области русской этнопсихолингвистики (Антипова, Донских, Морковина, Сорокин, 1989, Эртельт-Фийт, 1990, 1999) также понятие «символ» из американской культурной антропологии (Эртельт-Фийт 2000). Основания для этого следующие: даже если я имею специальность слависта, опыт в интеркультурном исследовании и, наконец, часто езжу в Россию и имею некоторые познания в русском языке и культуре, не исключается опасность недостаточно точного понимания материала или недостаточно полного использования потенциала системного лакунного анализа (Эртельт-Фийт, 1999, стр.139-140).

Кратко поясним значение термина «символ». В культуроведческой антропологии символы - это «схваченные формы представлений...», полученные из опыта, абстракции, полученные в воспринимаемой форме / в форме восприятия/, конкретное воплощение идей, образа поведения, мнений,

стремлений и мировоззрений» (К.Гирц 1995, стр. 49). Можно рассматривать символы как модель культуры и как модель для культуры.

Что касается анализа материала, связанного с ученицей Ирой, то можно сказать, что символ «учиться по образцу» был для нее перед поездкой важным инструментом в ориентации и подготовке, а во время и после поездки - инструментом для обработки накопленного опыта.

Анализ материала

« ... Я не хочу больше знать ...,
я просто больше хочу общаться»
(Ученица Ира)

Перед поездкой в Германию Ира мне показалась на занятиях особенно активной, сильной ученицей, уверенной и (в своей мини-юбке) немного кокетливой. На первый вопрос в анкете, почему она хочет принять участие в обмене, она ответила так: ... «потому что я довольно хорошо знаю немецкий». Перед поездкой у Иры было возбужденно-радостное настроение.

После поездки в Германию у Иры уже не было хорошего настроения, по отношению ко мне она была более сдержанна, чем другие девочки. Во время интервью относительно поездки она сказала: «все, все хорошо», о деталях не распространялась и по сравнению с первым интервью производила впечатление подавленной. Если Ира все так положительно оценивает, то в чем причина ее подавленного настроения?

Ира и ее друг Дима при возвращении по дороге в аэропорт, сидя рядом и очень близко друг к другу, единственные во всей группе А сказали, что они «хотят домой, хватит». Другие ребята рассказали мне, что между ней и Димой, с которым она подружилась в Германии, возникли проблемы. Однако, как показывает интервью, это не единственная причина ее подавленного настроения.

Ире 15 лет. Не только по моему мнению, но и по мнению ее преподавателей-предметников, Ира очень умная, активная и сильная ученица. Во время моего посещения занятий Ира меньше, чем другие, например, Дима, взглядом искала контакта со мной, подчеркнуто вела себя в моем присутствии как примерная ученица, во время перемен заинтересованно, дружелюбно и ласково спрашивала меня о книге, которую я о них пишу. В первом интервью она была особенно дружелюбна, старательна, проявляла интерес и доверие. Она спрашивала меня о рождестве и других немецких обычаях, а так же о немецкой молодежи – «такие ли они, как мы». Вопрос об обычаях - типичный вопрос для русских, которые хотят показать, во-первых, образованность и незаинтересованность в материальных или политических вещах и, во-вторых, по всей вероятности (об этом свидетельствует однообразие формулировок), они не видят других точек соприкосновения.

По прибытии в аэропорт в Германию и в первые два часа общения со своей немецкой партнершей в автобусе Ира, так же, как и в своей собственной

школе, казалась уверенной, была в радостном ожидании и сосредоточена на своей партнерше.

Когда в аэропорту ее и ее партнершу показали друг другу, обе со смехом побежали навстречу друг другу и обнялись. Ира заплела себе кокетливые косы, надела берет, сдвинув его на затылок, который она не снимала и в автобусе.

Когда Ира спрашивала меня у себя дома, какова немецкая молодежь, намного ли они отличаются от нас, то после поездки в автобусе и первого оживленного разговора со своей партнершей, на мой вопрос по-русски: «Ну, какие они?» восторженно ответила: «Классные!» и показала соответствующий, распространенный в России жест (большой палец).

На другой день она сидела и ходила только с Димой, в то время как все другие в группе ходили и сидели в автобусе преимущественно только со своими партнерами по обмену. Ира и Дима в Германии были влюбленной парой русской группы А. Они вели себя в общественном месте, с русской точки зрения, необычайно интимно. (То же самое наблюдалось и в русской группе “В” между другой парой). Они ходили, держась за руки, на экскурсиях стояли и сидели обнявшись друг с другом.

Дома, в школе, в России, во время школьных поездок это было бы немыслимо (по крайней мере, в 1996 г. в провинции). Другие ученики были удивлены, что старшая из двух учительниц, которой было за 50 и которая отличалась строгостью и традиционностью взглядов, не реагировала на это.

Типичным для путешественников, особенно для подростков, является то, что при первой поездке без родителей, да к тому же еще далеко от дома, они пользуются возможностями свободы и нарушают нормы, принятые на Родине. Очевидно, Ира и Дима необычным интимным поведением компенсировали свою неуверенность в новых для них условиях: они буквально прилепились друг к другу. В день отъезда они единственные из всей группы, как уже говорилось выше, заявили, что хотят домой и не хотят больше оставаться здесь (хотя дома они не смогли бы так интимно себя вести, не вызвав скандала).

Из-за сильной сосредоточенности Иры и Димы друг на друге их контакт с немецкими партнерами (особенно во время поездок в автобусе и во время экскурсий) и со всем немецким окружением оказался по времени менее продолжительным, чем для других русских учеников. Если исходить из того, что интеркультурная учеба и поездка за границу является всегда и познанием самого себя, то это нисколько не умаляет значения мероприятия. О сильном эмоциональном воздействии поездки можно сделать вывод по записи Иры во время осмотра храма, она записала: “Господи, храни нас всех!”.

В интервью перед поездкой в Германию Ира, как и все остальные ученики, нарисовала мне идеальную картину Германии на фоне картины о русских и России - последняя во многих пунктах носила преимущественно отрицательный характер. Как и все остальные, Ира хотела увидеть «другую страну»: все интересно, все «известное в родном городе скучно». Она спросила меня, сильно ли отличаются немецкие подростки от русских подростков: «все

говорят, что они там очень похожи на нас, но я этого не знаю, и не верю в это, по крайней мере, до тех пор, пока сама не увижу». Ира называет положительные качества немцев: «умные, пунктуальные, практичные, веселые, экономные/осмотрительные, очень раскованные, уверенные», и даже немецкий язык называет «прекрасным». Кроме последнего, и признаков «умный» и «веселый», это стереотипное представление русских о немцах.

Ира описывает положительные качества русских, подтвержденные также другими учениками: доброта (“Добрый” по-нем. означает “гут”, но перевод не отражает всех значений; см. об этом в: Эртельт - Финт 1999, с. 119; 2002, гл. 6.11 и 6.2.1.); затем поясняет: “добрая”, например, ее бабушка, с которой она может обо всем поговорить, которая ее понимает, поддерживает и утешает; вообще все люди в деревне бабушки гостеприимны, добросердечны и интересуются жизнью Иры. У русских - широкая душа и они великодушны, например, готовы отдать последнее, чтобы принять и угостить гостей.

Для Иры межчеловеческие отношения очень много значат, во всем у нее проявлялись элементы интереса, дружеских устремлений и открытость.

Ира не думала, что все так будет легко, что у нее не будет никаких проблем с языком и что вокруг будут такие милые люди. После возвращения из Германии она говорила так: «Все, все было хорошо», она «жила в хорошей семье», «с ней была хорошая девочка», «ее хорошо приняли», «она хотела бы еще пообщаться с ними, т.к. они ей очень понравились». И в то же время на вопрос об ожиданиях, которые были осуществлены в Германии, Ира ставит «друзей» не на первое место (после «знакомства с жизнью и страной», «практики в языке»), а на вопрос, о чем она больше всего вспоминает, «семью» она ставит лишь на шестое место (после экскурсии, церкви, города, школа, церковной службы в школе).

По сравнению с ее прошлым интервью, сейчас Ира немногословна. Она сказала: «Ничего в Германии меня не удивило». Это странное высказывание после первого 12-дневного пребывания подростка за границей. Новым в Ире было также отношение терпеливой вежливости к моему интервью и моей исследовательской работе – «я бы не смогла»... «слишком много работы», в то время как в первом интервью она проявляла внимание и интерес. Теперь Ира не знает, действительно ли немцы умные, как она предполагала до поездки; она констатировала: «скорее такие, как мы». Действительно, у немцев есть определенные правила и соблюдение распорядка в семейной жизни, но у них не весь день расписан по плану, как часто представляют русские.

И далее: «немцы, если прилежно работают, думают только о своей выгоде, не о своей стране», что раньше Ире казалось положительной противоположностью русским.

«Немцы веселые, готовы пойти навстречу». Ира не заметила у них никаких проблем: «они просто хорошо живут». Немцы не чувствуют себя несчастливыми, как пытались «открыть глаза» российским детям на уроках немецкого языка дома. Скорее они счастливы - по крайней мере, внешне все выглядит хорошо (об этом сказали также другие ученики).

В России (и у Иры) имеется два типа представлений о Германии, которые нельзя отделить друг от друга, хотя с немецкой точки зрения они явно противоречат друг другу: 1. Немцы образцово прилежны и аккуратны, отсюда их богатство (это, скорее, современное представление, которое особенно распространилось в русских средствах массовой информации в период перестройки); 2. Немцы богатые, но несчастливые, т.к. у них безработица и нет жилья и, кроме того, богатство не является внутренней ценностью; это представление, пропагандировавшееся в советское время, существует и по сей день.

В зависимости от того, к чему отнести «прилежны и аккуратны» - к внешним или внутренним ценностям, эти представления получаются противоречивыми или адекватными. Насколько Ира за короткое время все это смогла оценить? Она считает, что в России родители и дети имеют более близкие отношения, чем в Германии: «Я сужу по моей семье... Мы проводим больше времени друг с другом, больше рассказываем друг другу. В Германии отношения скорее чисто внешние ... Как они себя ведут с друзьями (говорят о каких-то мелочах), так происходит и с родителями ... каких-то близких, сердечных отношений я не заметила...».

Ира надеялась, как и многие другие ученики, что немцы примут русскую группу как цивилизованную, культурную, нормальную, а не как «из леса». Теперь Ира говорит, что, с одной стороны, она не знает, что думают немецкие партнеры о ней (лично), а, с другой стороны, они, вероятно, думают, что мы, русские, ленивые. Ира подтверждает свои прежние опасения, что «немцы представляют себе, когда слышат о России: игру в городки, медведи, волки ...Они (немцы) очень мало знают о России, просто очень мало. Они знают, что это огромная страна где-то на Севере, там далеко. Они знают только Москву, водку и все ...» (Ира горько смеется).

Это представление Иры (а также других российских детей) можно расценивать еще как вежливое, щадящее представление по отношению к немецкому интервьюеру, а также к семье, принимавшей ее, о которой отзывались очень положительно. Одна из школьниц ясно высказалась: «Русская группа сердилась, во-первых, из-за странных вопросов, которые им задавали в немецких семьях: «знаете ли вы о том или ином», «есть ли то или иное в России», и, во-вторых, из-за большой неосведомленности немецких учениц о национал-социализме и 2-й Мировой войне» (Эртельт-Фийт, 2002).

Ира рассказывает об облегчении, удовлетворении и одновременно о своем разочаровании. Ира приехала с чувством облегчения и удовлетворения, потому что немцы фактически такие же, как и мы. Ира явно гордилась, что они в Германии не проявили робости и закомплексованности (она это демонстрировала своим интимным отношением к своему другу Диме). Однако ряда предполагаемых идеальных черт (пунктуальность, прилежание, забота) у немцев, по крайней мере, у подростков, Ира не отметила. И умны они в такой же степени, как русские.

Ира горько констатирует, что немцы, с которыми она познакомилась, ничего не знают о России, за исключением некоторых, и то до смешного

стереотипно. Она представляла себе, как и другие русские перед поездкой, что немцы прилежны и работают для страны. В действительности немцы работают только для себя.

Кроме того, ее разочарование в Германии возникло из-за нового открытия: хотя она как личность, так же как и вся группа, действительно не хуже, чем ее немецкие сверстники, а именно - они умные, веселые, непринужденные, да и сама она, прилежная и дисциплинированная, фактически оказываются «хуже» - из-за своих социальных возможностей, условий жизни, поскольку можно быть одаренным и прилежным и не достичь даже малой доли того, что немецким сверстникам падает с неба.

Потребности в обмене мнениями, человеческого участия Ира в немецкой семье не видит, а если и видит, то в меньшей степени и в другой форме («чисто внешне»). Что же касается того, на что в России на уроках им пытались внушить, что у немцев, несмотря на их богатство, много проблем, то на деле это оказалось школьным приемом «сокрытия фактов», а на самом деле немцы живут «просто хорошо» и совсем не «несчастны». (Так высказался один из учеников после поездки: «у немцев нет проблем с покупкой продуктов и одежды»).

После того как Ира, во-первых, наконец, оказалась дома и, во-вторых, прошло две недели, ее выводы стали более pragматичны, несколько реалистичны - пессимистичны и одновременно типично русскими; с усердием примерной ученицы она утверждает: «я не хочу больше знать о Германии, я хочу больше общаться с ними, т.к. они мне очень понравились». В центр ее сознания переместилось общение.

Рассмотрим понятие «Учиться по образцу». Сначала приведем пример того, насколько все ученицы группы А ориентировались на своих немецких партнерш. В первый день все русские девочки носили шапки (Ира носила берет скорее как украшение). Этому способствовала более холодная погода в России, и русские привыкли носить головной убор. Ни одна из немецких партнерш не носила шапки. Хотя на другой день был холодный ветер и даже многим немцам было холодно, девять из десяти русских девочек не носили в последующие дни головные уборы (за исключением одной, она совершенно самодостаточна, и перед поездкой беспокоилась, что из-за разницы в климате может простудиться в Германии).

Иру можно назвать прототипом того, что открыто или завуалированно высказывали многие ученицы в интервью перед поездкой и что в начале 90-х годов имело широкое распространение в политических дискуссиях и средствах массовой информации в России: если мы будем такими же добросовестными и организованными, как немцы, то мы сможем многое достичь. В целом можно выделить три основных российских представления о немцах:

1. Немцы богаты, потому что прилежны и исполнительны.
 2. Немцы богаты, но/поэтому у них нет внутренних ценностей.
 3. Немцы богаты, но/поэтому у них много безработных, бездомных, наркоманов и т.д.
-

Первое представление является образцом, второе и третье - отрицательной противоположностью, которые несут функцию утешения для недовольных.

Любопытно, что только несколько детей сказали мне в интервью, что они хотят жить в Германии или хотя бы учиться там (A4, A9, B4, B11). Но, как мне сказала одна из учительниц группы В, многие хотели бы устроить свою жизнь так, как в Германии, или даже лучше жить там (но однако никто не поднял руку на вопрос учителя в немецкой школе А, кто хотел бы остаться в Германии).

Противоположную позицию, которая соответствует выше упомянутым представлениям 2 и 3, занимает заместитель директора школы В. Она придерживается мнения, что обмен учениками открывает двери для пагубного морального влияния на российских детей. Она также опасалась, что во время моего пребывания в школе я ставлю цель отыскивать в ее школе все самое плохое. Такая полярная противоположность или двойственность встречается во всем обществе: учиться по образцу или защищаться от дурного влияния.

Обращает на себя внимание, что российские ученики часто обсуждают “нашу жизнь”, “нашу страну” и “современное положение” (“сегодня”). Все эти три формулировки обсуждались в средствах массовой информации и в политических дискуссиях в России в 90-е годы. Первые две формулировки (“наша жизнь, наша страна”) говорят о высокой степени идентификации. Частое обсуждение темы “современное положение”, “сегодня” порождает постоянное сравнение с другим, например, с “прошлым”, “вчера”, в котором не было так много проблем и с “будущим” (“завтра”), если эти проблемы будут решены.

Три выше упомянутые понятия (“наша жизнь”, “наша страна”, “сегодня”) связаны со спором об ориентации на Запад. “Экономическая и социальная пропасть между Россией и Западом и ее преодоление путем реформ и модернизации является постоянной темой внутрируssких споров со времен Петра Великого (Гетц 1999, стр. 3).

«Важнейшей проблемой является разногласие во мнении, учиться ли у Запада, пойти путем промышленных стран и принять их помошь или, напротив, игнорировать западный опыт и пойти собственным, особым путем» (Риквина/Козальс 1999, стр. 3).

Кроме того, в русском представлении “Учеба” ассоциировалась и ассоциируется зачастую со способом преодоления этой пропасти, пропастью между бедностью и богатством, отставанием и прогрессом, угнетением и эманципацией, вчерашним и сегодняшним, сегодняшним и завтрашним, крахом (в 80-е годы и 90-е) социалистической системы общества и переходом к рыночной экономике, пропастью между Востоком и Западом.

О советском периоде у Анвейлера говорится (1978, с. 575): «...Педагогическое развитие в советской России со времен Октябрьской революции следует понимать с учетом напряженных условий социально-экономической модернизации страны, с одной стороны, и идеологического постулата «воспитание нового человека», с другой стороны».

Важным средством этого воспитания были “образцы”/“примеры”, особенно последнего периода истории (Каариайнен 1995, стр. 11). Относительно учебы и обучения можно привести множество примеров из истории.

Петр Великий для учебы отправился в западные страны и привез оттуда в свою страну новые технологии и специалистов. Целые поколения русских интеллектуалов подражали ему. В 19-м веке народники отправились в провинции, чтобы учить народ. После Октябрьской революции проводилась компания ликвидации безграмотности. В 20-е и 30-е годы в Советский Союз приглашались специалисты, особенно из Германии. В начале 90-х годов в Россию привлекались из США советники-экономисты и управленцы. Сегодняшние эксперты по преобразованию и трансформации России по западно-европейскому и американскому образцу находятся прежде всего среди русских ученых-экономистов (Улиг 1998, стр. 381).

Понимание учебы как “учебы по образцу” находится в двойной связи с представлением “преодоление пропасти”.¹ Во-первых, преодоление пропасти является целью учебы (либо эманципация, либо “светлое будущее”) и, во-вторых, пропасть (иными словами, разница между представлением о жизни здесь и там) сама является условием того, чтобы противоположность стала образцом.

Другими словами: учение (учеба) мыслится как развитие по возрастающей или как прыжок, мост к противоположности. Представление о развитии по возрастающей является концептом просветительства. Оно связано с неоднократно описанным и все еще актуальным дуализмом в социальной и духовной истории России, который не признает компромиссов, промежуточных решений и стадий, а так же роста нового из старого (См., в частности, в: Ратмайер 1993, с. 38-39, Баумгарт/Енеке 1997, с. 49).

Быть образцом для всех - это было кредо, с которым Советский Союз, будучи “первой социалистической страной в мире” вел пропаганду. Необходимости этой пропаганды обязано возникновение многих престижных объектов: самые большие плотины, самые широкие улицы, самые успешные космические полеты, самая высокая телебашня мира в Москве и т.д. В неформальной обстановке Советский Союз иронично называли “родиной слов” (т.к. самое крупное и сильное животное могло исходить только из Советского Союза).

“Биполярный менталитет русских постоянно создает стремление высвободиться из дуалистических противоречий, преодолеть структуру внутренних конфликтов одним прыжком” (Баумгарт/Енеке 1997, с. 49). На языковом уровне это нашло отражение в атрибутивных сочетаниях типа “крупнейшее во всем мире ...”. Поскольку только постоянное, зачастую излишнее употребление требовало атрибутивной конструкции, в то время как для простого высказывания “это - самая высокая башня в мире” в русском, как и в немецком, имеется предикативное выражение.²

Понимание “учебы” как “учиться по образцу” тесно сопряжено с тем, что надеялись получить русские ученицы в Германии (а именно, друзей), их

учителя считали возможным получить следующее: «Учиться у немцев и одновременно приобрести друзей» (Эртельт-Фийт 2002, гл. 6.1.2, где анализируется символ “друг”: общение с другом духовно обогащает, но ни в коем случае в смысле знаний и способностей, а “без особых целей”, для внутреннего равновесия и хорошего настроения, для организованного общения).

С этой точки зрения, Ира получила неоценимый опыт: идеальная «противоположная картина» и концепт «учиться» не являются адекватными в отношении к реальным немецким подросткам и реальному контакту с ними. Привычной для нее сердечности она в Германии не нашла. Свой опыт Ира интеллектуально переработала, создав типично русский концепт, соотнесенный с интеркультурной коммуникацией с немецкими подростками: 1. «Пора ехать домой», «хватит». 2. В общем, «больше бывать с ними», буквально – «общаться».

1. Для изучающих русский язык важно знать, что значила для русских эта самая высокая башня в мире. Мне это объяснил уже в 1984г. А.А.Леонтьев. А какую травму причинил пожар этой телебашни 27-28 августа 2000 г., да еще сразу же после катастрофы с подводной лодкой, которая стоила многих жизней и для поднятия которой потребовалась помочь Запад? Об этом можно только догадываться. Во всяком случае, это послужило поводом для общественного высказывания президента Путина: “Эта новая, исключительная ситуация показала, в каком состоянии у нас находятся жизненно важные объекты и вся страна в целом” (Процитировано из “Франкfurter Rundschau”, 29.08.2000, с. 30).

2. См. анализ этого символа в: Эртельт-Фийт, 2002, гл. 6.1.4 и 6.2.7.; Antipov, G.A./Donskikh, O.A./Markovina, I.M./Sorokin, Ju.A. (1989): *Tekst kak javlenie kul'turu*. Novosibirsk.

Anweiler, Oskar (1978): Die “entwickelte sozialistische Gesellschaft” als Lern- und Erziehungsgesellschaft. In: Osteuropa, 28.Jg. (1978), H.7, S. 573-581.

Baumgart, Annette/Jänecke, Bianca (1997): Rußlandknigge. München, Wien.

Ertelt-Vieth, Astrid (1990): Kulturvergleichende Analyse von Verhalten, Sprache und Bedeutungen im Moskauer Alltag. Beitrag zu einer empirisch, kontrastiv und semiotisch ausgerichteten Landeswissenschaft. Frankfurt am Main u.a.

Ertelt-Vieth, Astrid (1997): Aspekte des Schüleraustausches mit Deutschland an zwei russischen Schulen. In: Internationale Schulbuchforschung, 19. Jg.(1997). H-2, S. 163-174.

Ertelt-Vieth, Astrid (1998): Škol'nyj obmen kak forma kul'turno-specificheskogo oputa. In: Ufimceva, Natal'ja (Hg.): *Jazykovoe soznanie - formirovanie i funkcionirovanie*. Moskva, S. 171-185

- Ertelt-Vieth, Astrid (1999a): Eigen- und Gegenbilder in interkultureller Kommunikation. Ein Fallbeispiel zur prozeßorientierten Symbolanalyse. In: Zeitschrift für Fremdsprachenforschung ZFF, 9. Jg.(1999), S. 97-131.
- Ertelt-Vieth, Astrid (1999b): Kulturen modellieren aus empirisch-induktiver Sicht? Zum Potential zweier Ansätze: Kulturstandards und Lakunen. In: Hahn, Heinz (Hg.): Kulturunterschiede. Interdisziplinäre Konzepte zu kollektiven Identitäten und Mentalitäten. Frankfurt am Main, S. 121-145.
- Ertelt-Vieth, Astrid (2000): Empirische Untersuchung interkultureller Begegnungen - Integration der beiden Analysekategorien Lakunen und Symbole (an Materialbeispielen). In: Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache 26 (2000), S. 463-487.
- Ertelt-Vieth, Astrid (2001): Tabu, Tabubruch und Tabudiskursus in interkultureller Kommunikation-Ergebnisse aus einer empirischen Studie zum russisch-deutsch Schüleraustausch. In: Höffner, Eckhart/Schröder, Hartmut/Wittman, Roland (Hg.): Valami mas. Beiträge des Finnisch-Ungarischen Symposiums "Zeichenhafte Aspekte der Veränderung". Frankfurt am Main et al. (Im Druck)
- Ertelt-Vieth, Astrid (2002): Die Entwicklung kulturspezifischer Bilder vom Gegenüber und vom Selbst durch interkulturelle Kommunikation - Russische Austauschschüler fahren nach Deutschland (In Vorbereitung)
- Geerts, Clifford (1995): Dichte Beschreibung. Beiträge zum Verstehen kultureller Systeme. Frankfurt am Main.
- Götz, Roland (1990): Die Kluft zwischen Russland und dem Westen. Historische Perspektiven und Szenarien. Köln 1999 (Bericht des Bundesinstitutes für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien. Nr. 15/1999.)
- Ignatow, Assen (1990): Vergangenheitsbewältigung und Identität im gegenwärtigen Rußland. Köln 1999 (Bericht des Bundesinstitutes für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien. Nr. 35/1999.)
- Kääriäinen, Kommo (1995): Die Ethik-Diskussion in Rußland. Köln 1995 (Bericht des Bundesinstitutes für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien. Nr. 56/1995).
- Rathmayr, Renate (1993): Čto u nas normal'no? - Was ist bei uns normal? Wandlungen in der Perestrojka-Lexik. In: Ertelt-Vieth, Astrid (Hg.): Sprache, Kultur, Identität. Selbst- und Fremdwahrnehmungen in Ost- und Westeuropa. Frankfurt am Main et al., S.31-54.
- Ryvkin, Rosalina/Kosals, Leonid (1999): Ansichten der Elite Rußlands über den Westen im Kontext der Systemtransformation. Köln 1999 (=Bericht des Bundesinstitutes für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien. Nr. 4/1999.)
- Uhlig, Christiane (1998): Rußland ist mit dem Verstand nicht zu Begreifen. Die Modernisierungskette in den russischen Geistes- und Sozialwissenschaften. In: Asmann, Aleida / Friese, Heidrun (Hg.): Identitäten. Erinnerung, Geschichte, Identität. Frankfurt am Main, S. 374-400.

Немецкоязычные исследования коммуникативного поведения

Немецкоязычные исследования по коммуникативному поведению немногочисленны, но в ряде работ, опубликованных на немецком языке, проблемы немецкого коммуникативного поведения рассматриваются в числе других проблем. В этом разделе сборника мы предлагаем рецензии и обзоры некоторых из таких работ, которые могут представить интерес для исследователей русского и немецкого коммуникативного поведения. Обзоры – это не переводы, а краткое изложение только тех аспектов реферируемых работ, которые имеют отношение к коммуникативному поведению русского и немецкого народов. Цель этого раздела – сделать доступными российскому читателю, не владеющему немецким языком, некоторые идеи авторов, пишущих о русском и немецком коммуникативном поведении по-немецки.

Рецензии

Astrid Ertelt-Vieth. Kulturvergleichende Analyse von Verhalten, Sprache und Bedeutungen im Moskauer Alltag. Verlag Peter Lang, 1990. 344 S.

Астрид Эртельт-Фийт. Сравнительно-культурологический анализ поведения, речи и значений в московской повседневной жизни. Петер Ланг, 1990. 344 с.

Книга А.Эртельт-Фийт вышла в известном западногерманском издательстве Петер Ланг довольно давно – в 1990 г., а отражает результаты исследования, проведенного еще несколькими годами раньше. Вместе с тем мы посчитали полезным ознакомить современного российского читателя с основным содержанием этой книги, поскольку содержащиеся в ней наблюдения и выводы, а также метод исследования представляют несомненный интерес. Книга А.Эртельт-Фийт интересна также тем, что содержит наблюдения над коммуникативным поведением русских людей начала перестройки, и многие из отмеченных автором черт носят отпечаток той эпохи и уже стали нехарактерны для русского человека. В связи с этим рецензируемая книга представляет и определенный исторический интерес.

Книга А.Эртельт-Фийт посвящена выявлению основных черт русского/советского характера и менталитета, а также описанию наиболее ярких черт русского коммуникативного поведения. Автором обобщаются

мнения немецких стажеров о русском менталитете и коммуникативном поведении, что делает исследование контрастивным, в чем мы видим его особую ценность. В книге А.Эртельт-Фийт обобщены результаты опросов западногерманских студентов в Москве и экспертные оценки их высказываний русскими реципиентами.

Книга состоит из семи основных разделов, включающих в себя: постановку вопроса; двадцать бесед с западногерманскими студентами/докторантами об их опыте, полученном в повседневной жизни в Москве; анализ 52 рассказов немцев об их опыте, полученном в повседневной жизни в Москве; русские комментарии к рассказанным немцами эпизодам; советская этнопсихолингвистика и применение модели «лакун» в работах по контрастивному анализу текстов и культур; сравнение немецких наблюдений и русских комментариев к ним; отличия и лакуны в поведении и значениях; выводы.

В книге также имеется обширный список использованной литературы и приложение.

Наибольший интерес для российского читателя представляют качества русского менталитета и признаки коммуникативного поведения русского человека, выявляемые А.Эртельт-Фийт.

Из качеств русского/советского характера и менталитета, выделяемых автором, укажем на следующие:

жесткость характера и способность добиваться своего, что объясняется трудностями, малыми возможностями удовлетворить свои потребности;

мистицизм; русские не так рациональны, как немцы и вообще люди Запада;

склонность воспринимать чье-то действие/неучастие в действии как характеристику данного человека, его отношение к чему-либо (не участвовал в антивоенной демонстрации – значит, не хочет бороться за мир);

большая способность к фактическому мышлению, большая склонность к фактической информации, чем к анализу фактов;

иногда чрезмерная гордость за Россию и болезненное («как мимоза») реакция на критику своей страны;

тяга русских к большим размерам и расстояниям;

богатство идейной/духовной жизни, стремление к образованию;

подчеркивание собственной национальной значимости и величины в официальной прессе, речах и выступлениях, плакатах и т.д.;

иногда заносчивость, зазнайство;

гордость жителей крупных городов, например Москвы, что они «коренные москвичи»;

слишком высокая самооценка и переоценка себя;

в основном, отрицательное отношение (особенно у учителей, преподавателей) к свободным связям, вступлению в половую жизнь до заключения брака;

А.Эртельт-Фийт отмечает различие в отношении русских и немцев к войне: для русских Великая Отечественная война - священная война за

освобождение Родины, а победа в ней –национальная гордость; для немецких студентов любое прославление войны означает воспитание в милитаристском духе. Отмечается также, что у русских распространено мнение, что примерно 50% немцев поддерживает неофашистов, и любые др. цифры считаются неправдой; русские склонны переоценивать силу неофашистов в Германии.

В качестве существенных черт русского коммуникативного поведения, выделяемых А.Эртельт-Фийт, назовем следующие:

открытость, сердечность, заботливость в отношениях друг с другом; русские менее равнодушны к окружающим, чем немцы;

умение дружить, готовность делать для друзей все, оказывать всевозможные услуги, помнить об их привычках, вкусах, желаниях;

желание/умение быстро завязывать знакомство (несмотря на социальные и другие различия), но не для деловых, а скорее личных контактов;

жизнерадостность;

нежелание/неумение при различиях во взглядах высушивать/понимать чужое мнение или аргументы;

иногда неумение воспринимать/понимать критику;

проявление излишнего пафоса при декламировании стихов, в политических речах, у дикторов радио и ТВ;

традиционное гостеприимство, стремление принять гостей (даже неожиданных) как можно лучше;

наличие людей, которые любят во всех случаях делать замечания окружающим;

хорошая информированность, большие знания истории (собственной страны), естественных наук (полезных ископаемых, растений и т.д.), произведений и деятелей искусств (литературы, музыки, живописи и т.д.), крылатых слов и выражений (в т.ч. и других стран и народов);

привычка зимой, даже в сильные морозы, ходить пешком по улицам и подолгу разговаривать;

пожилым людям свойственна повышенная общительность; желание чрезмерно опекать молодежь; давать очень подробные и чересчур детальные описания и объяснения дороги, даже готовность проводить; очень ценится (особенно пожилыми женщинами) соблюдение правил вежливости в общении; постоянное желание/готовность говорить о политике, войне;

русские женщины, как правило, не заговаривают первыми с незнакомыми мужчинами в общественных местах; разговаривают и смеются менее громко, чем иностранки; склонны к более тесному физическому контакту при общении и быстрому переходу на «ты» даже при неблизком знакомстве; жительницы крупных городов, особенно москвички, очень эмансипированы;

детей в семье чаще балуют, не хватает строгости в воспитании, слишком рано обсуждают с детьми темы политики, войны и т.д.; существует практика воспитывать чужих детей, делать им замечания – к этому склонны все окружающие, особенно пожилые люди и женщины, даже молодые (если у них уже есть дети);

в общественных местах для отдыха и развлечений мало улыбающихся людей; в общественных местах требуется более спокойное и сдержанное поведение, чем на Западе;

в бане русские женщины и девушки склонны к близкому общению, помогают друг другу или просят помочь, не проявляют робости или пугливости, рассматривают мытье в бане как вид досуга;

русские чаще и легче, чем на Западе, заговаривают с незнакомыми; русские более контактны, менее замкнуты; склонны делать замечания, давать указания, советы, даже если их не просят;

у русских меньшая физическая дистанция в коммуникативном поведении, чем в Германии; у русских принято говорить незнакомым о неполадках в их одежде или внешнем виде; окружающие немедленно скажут, что кто-то может забыть или обронить в общественном месте какую-то вещь; могут заговорить в общественном месте с иностранцами на любую тему (например, о политике их стран или почему юноша с бородой); проявляют излишнюю многословность при объяснении дороги и т.д.; склонны обсуждать с незнакомыми свою личную жизнь, родственников, соседей;

руssкие чрезмерно дружелюбны при приветствии гостей, друзей;

обращение на «ты» и переход к неофициальным формам происходит у русских слишком быстро; обращение на «ты» не является признаком особой интимности в отношениях; обращение с уменьшительным именем более распространено, чем у немцев и может заменить слово «пожалуйста»; отказ от обращения на «ты» может означать подчеркнутую дистанцию в отношениях;

руssкие быстро знакомятся, переходят на «ты», обращаются по имени (уменьшительному), устанавливают быстрые контакты, теплые отношения;

чтобы завязать знакомство, русские мужчины первыми заговаривают с женщинами, иногда женщины заговаривают с женщинами, но женщины с мужчинами – никогда;

руssкие мужчины по отношению к женщинам ведут себя в общественных местах согласно правилам вежливости: пропускают вперед, открывают дверь, уступают место и т.д.; такое вежливое отношение рассматривается в России как знак уважения к женщинам и никогда не считается покушением на эмансипированность женщин; мужчины часто приносят женщинам цветы, если хотят о чем-то договориться;

при общении с иностранцами у русских отмечается особая предупредительность и готовность помочь: к гостям-иностранцам хозяева относятся особенно гостеприимно как к интересным собеседникам и желанным гостям; иметь друзей-иностранцев считается престижным; сердечное, теплое отношение к немецким студентам (специально для них кофе без сахара); но встречаются недружелюбные люди (вахтер в общежитии);

в официальном общении распространен официальный оптимизм; русская бюрократия имеет свою особую психологию, общение с ней очень затруднено; к общественным праздникам приняты многословные поздравления и пожелания;

при общении в гостях - существует обычай предлагать всем людям, приходящим в квартиру, домашние тапочки (у немцев - только родственникам и близким друзьям); за подарок принято благодарить, но потом принято отложить его в сторону и поговорить с гостем, чтобы показать большую заинтересованность в нем, чем в его подарке; русское гостеприимство бескорыстно, это не только этикет;

русские часто произносят и любят говорить тосты по любым случаям;

у русской молодежи не принято садиться на пол, даже в своей компании;

для русских характерна готовность/способность к быстрым и тесным контактам в поездах; в метро часто давка и толкотня; многие в метро спят; часто можно видеть в метро стоящую бабушку и рядом сидящего внука/внучку;

русские в пьяном виде часто пытаются завязать разговор с иностранными студентами/студентками, ведут себя фамильярно;

русские любят физический контакт - они обнимаются чаще, чем немцы, и еще до того, как стали близкими знакомыми; при разговоре подходят ближе к своему собеседнику; прикосновение рукой к локтю или плечу собеседника - не обязательно знак интимности; для немецких студентов непривычно, что преподаватели кладут им руку на плечо, берут за руку; сердечность русских по отношению друг к другу выражается в нарушении так называемой «дистанции вежливости».

В книге богато представлены и чисто *страноведческие наблюдения*, с которыми с интересом ознакомятся россияне, для которых те или иные замеченные немцами факты являются типичными для поведения и не замечаются в повседневной жизни.

А.Эртельт- Финт отмечает, что многие русские люди носят тяжелые вещи, сумки, авоськи; мало ездят на велосипедах (только дети и молодежь); существует привычка носить с собой много наличных денег; на улицах много людей с цветами; одежда людей не такая пестрая, как на Западе; борода является более знаковым признаком, чем у немцев (признаком профессии, национальности, принадлежности к социальной группе); женщины мало носят джинсы; отношение к ношению джинсов разное (от аморального до престижного, но они больше, чем на Западе остаются знаковой одеждой); наличие больших очередей с терпеливо стоящими людьми; очереди за книгами, билетами в театр или концертный зал; большее спокойствие в обращении с вещами; дети играют во дворах, пожилые мужчины играют в шахматы, многие зимой едят мороженое (в варежках); тротуары труднопроходимы для пешеходов, много грязи, снега, льда, луж, очень редко оборудованы ливнеспуски; на дверях подъездов жилых домов нет табличек с фамилиями жильцов и звонков, на почтовых ящиках только номера квартир; в квартирах ковры висят на стенах; большое количество книг в квартирах считается престижным.

Автор отмечает, что в российском обществе нет «враждебного отношения к детям»; отношение к детям более ласковое и естественное, чем в Германии,

русское правило «делать для детей все» делает их несамостоятельными; один из первых вопросов к ребенку школьного возраста - «как он учится?».

Для детей с отклонениями в физическом или умственном развитии созданы специальные школы, чтобы создать им особые условия для развития и образования среди себе подобных, что, по мнению иностранцев, аморально, т.к. лишает детей-инвалидов равных условий для обучения с другими людьми.

В еде для русских характерны чересчур обильные застолья; гостей, даже случайных, стремятся угостить как можно лучше; зелень и овощи часто подают на стол только вымытыми, но не порезанными; принято иметь чайник с заранее приготовленной заваркой, чтобы можно было быстро и в любое время приготовить чай; существует специфический русский напиток «квас», который продается часто в цистернах, около которых единственная продавщица принимает деньги, дает сдачу, моет стаканы/кружки, наливает квас.

В баню ходят все возрастные группы населения, даже люди старше 60 лет; полные или/и старые женщины не стесняются ходить в баню, моются там рядом с молодыми и стройными, ведут себя естественно, непринужденно, незакомплексовано;

В российской школе и вузе, по мнению немецких студентов, слишком авторитарное воспитание, начиная с детсада и кончая вузом; чрезмерное внимание уделяется присутствию студентов на занятиях, что отрицательно влияет на их самостоятельность; учителя/преподаватели предъявляют слишком высокие требования к успехам и поведению обучаемых; студенты вузов излишне опекаются со стороны преподавателей и др. сотрудников; на первых местах при оценке отрицательных качеств молодежи взрослыми стоят: небрежность и плохая дисциплина.

Русская/советская система школьного и вузовского образования более консервативна; общепринято, что учительницы должны одеваться красиво, но не броско; в студенческих общежитиях более строгие ограничения для пропуска гостей (студенты из стран Африки и Азии воспринимают это как признак расизма); у школьной/студенческой молодежи не принято сидеть или лежать в школьных/институтских скверах, парках.

Русские довольно редко ходят в рестораны, в основном по особым случаям (свадьба, окончание института и т.д.); официанты не так предупредительны к посетителям как на Западе; чаевые имеют обратную функцию: их дают не за хорошее обслуживание как на Западе, а в ожидании такового; нет большого разнообразия мест общественного питания (столовая - лакуна для немцев); в кафе и ресторане платят мужчины.

Русские могут пить спиртные напитки в городских парках, скверах, хотя их за это могут оштрафовать или задержать; не принято женщине появляться в общественных местах с бутылкой/бутылками спиртного в руках, лучше бутылки завернуть в бумагу или положить в сумку/непрозрачный пакет, иначе у окружающих могут быть улыбки, шутливые или ироничные замечания.

Отметим также отдельные интересные наблюдения автора рецензируемой книги над русским языком. Так автор отмечает, что у русских выявляются

противоречивые ассоциации при употреблении слова «западный»:
 а) вседозволенность в манерах, поведении, отношении к жизни, сексу и т.д.;
 б) приверженность к потребительскому отношению к жизни, склонность к махинациям; в) символ лучшего качества, стильности и т.д.

Указывается также на наличие лексических лакун для немцев: «все советские люди», «свой человек», «мешочки», «приезжие», «авоська».

Отмечается, что некоторые выражения имеют в русском языке иное семантическое содержание, чем аналогичные немецкие: *недалеко от Москвы - 600 км, близко отсюда - 20 мин. ходьбы, там за углом* – не обязательно на улице, пересекающей данную).

В заключении следует отметить, что книга А. Эртельт-Фит читается достаточно легко и интересно. Выявление особенностей русского/советского менталитета при общении немецких студентов с москвичами в повседневной жизни и интерпретация этих качеств русского характера прослеживаются методом от единичного к общему, тогда как комментарии и оценка этих высказываний русскими реципиентами идет по обратному пути - от типичного/нетипичного к конкретному.

При оценке черт поведения, в том числе и коммуникативного, выделенных автором для русских, необходимо учитывать, что принципиальные изменения в общественной жизни России за последние 10 лет привели к быстрому устареванию отдельных, считавшихся ранее типичными, проявлений советского менталитета, правил этикета, привычек и т.д.

Например, из отмеченных А.Эртельт-Фиит признаков:

исчезли магазины, где можно покупать только иностранцам за валюту;
 практически исчез принцип недоверия к иностранцам, нежелание узнавать их;

отмечалось, что у русских могут быть неприятные последствия при слишком тесных контактах с иностранцами; русские неохотно/скованно общаются с иностранцами в присутствии незнакомых русских; при знакомстве с иностранцами русские могут не назвать правильно свою профессию (место работы из предусмотрительности и осторожности) – этого больше нет;

изменились условия приобретения товаров в магазинах: уже не того, что отмечает А.Эртельт-Фиит в своей книге:

«нет информации о наличии товаров, упаковка не красочна, надписи не видны; обслуживание не на должном уровне; спокойствие и невозмутимость людей при долгом стоянии в очередях за покупками; в русских магазинах и др. местах торговли больше спрашивают, чем смотрят, даже, если есть ценники, часто задают вопрос «сколько стоит?», причем не только продавцу, но часто и др. покупателям; русские часто останавливаются около витрин или киосков, хотя не собираются ничего покупать; есть привычка ездить за покупками в другой (крупный) город или Москву; прохожие могут спросить выходящего из магазина, что там дают; русские могут автоматически становиться в длинные очереди, даже не зная, что здесь продают и нужен ли им этот товар; есть привычка покупать продукты /дефицитные вещи впрок».

Изменились и многие другие обстоятельства, и уже не отражают российскую действительность такие факты как:

«типично русский головной убор «шапка» (часто меховая) может быть показателем не только материального уровня владельца (норка - кролик), но и принадлежности к определенной социальной группе (каракуль для интеллигентов); наличие длинной бороды - атрибут священнослужителей»;

«вход в ресторан регламентируется швейцаром и зачастую не в зависимости от свободных мест, а от желания получить чаевые»;

«не принято ходить в кафе просто так - посидеть, почитать, поговорить; не принято, чтобы женщины ходили в ресторан одни».

Ряд выделенных признаков автором русского характера, менталитета и коммуникативного поведения представляется нам ошибочным. Например, мы не можем подтвердить, что русские женщины часто ходят под руку или держась за руки; что в России не принято сидеть, положив нога на ногу, скрестив ноги; что в России практикуется прославление войны путем выучивания и декламации с детства стихов о защите Родины, священной войне и т.д.; что в России очень популярны многочисленные религиозные секты; что русские не носят джинсы и нек.др. Впрочем, этих фактов в книге мало и они, по-видимому, связаны с ограниченностью материала, которым располагал автор.

Отметим, что в рецензируемой книге используется типично западная методология исследования. С точки зрения российской научной традиции метод, использованный А.Эртельт-Фийт, не может быть признан статистически надежным, поскольку число опрошенных и число русских экспертов крайне невелико, исчисляясь единицами.

В книге не разграничиваются страноведческий, культурологический, социологический и лингвистический подходы – подобное разделение было бы обязательно для российских исследований подобного рода. Исследование А.Эртельт-Фийт носит комплексный, междисциплинарный характер – в этом и его достоинство, и его ограниченность.

Для более точного и полного описания русского менталитета и коммуникативного поведения можно было бы предложить реципиентам и экспертам прокомментировать типичные ситуации повседневной жизни и коммуникативного поведения русских с использованием стандартного метаязыка описания (например, *типично, иногда, редко, нетипично* и т.д.).

Оценивая исследование Астрид Эртельт-Фийт в целом, отметим огромную и кропотливую работу, проделанную автором книги. Эта работа заслуживает внимания и благодарности всех, кто интересуется русским и немецким языком и культурой.

*Н.В.Багрянская
И.А.Стернин*

Обзоры

Anatoly Frenkin. Die Deutschen aus der russischen Sicht. Mischka Verlag, 1995.

Анатолий Френкин. Немцы в глазах русских. Изд-во Мичка, 1995.

Автор, российский журналист А.Френкин, долгое время работал в Германии, и его книга содержит целый ряд интересных наблюдений над особенностями характера и психологии немцев и русских.

Автор пишет о том, что представление о немцах в России совсем не такое, как в Англии, во Франции или в США, и это очень важно учитывать. У русских есть двойственное представление о немцах:

1. идеальный образ (Ideal Bild), сформированный под влиянием классической литературы и философии;
2. негативный образ, „обоснованный и необоснованный“, как говорит автор, связанный с недоразумениями, предубеждениями, незнанием и т.п.

В главе, посвященной немецкому характеру, А.Френкин отмечает следующие качества.

- Организованность. Именно «тотальная организованность», любовь к порядку и является самой привлекательной чертой немцев для русских.
- Уважение правового порядка как главного принципа общества. Закон для немцев имеет абсолютный смысл. Отношение к государству является для граждан фундаментальным условием двухсторонних обязательств и требует лояльности и послушания по отношению к закону. Кажется, это не исключает критических высказываний, но выполнение закона неукоснительно.

В Германии нет законов «существенных» и «несущественных». Все законы существенны и важны, и все они должны неукоснительно выполняться. И этот вопрос не подлежит обсуждению. Это первый завет. Второй завет гласит «Немец видит все». И как следствие – вывод: было бы глупо надеяться, что что-то можно скрыть или утаить. На автора произвело глубокое впечатление, что немцы наблюдают из окна за тем, что происходит на улице и по телефону сообщают полиции, если происходит что-то подозрительное. Без такого участия граждан полиция не смогла бы победить преступников и это ничего общего не имеет с доносом.

- Честность и порядочность культивируются обществом. Обман – это преступление и особенно, если речь идет о государстве, например, обман при уплате налогов и др. Автор приводит пример того, как в деревне под

Штуттгартом люди продают свои овощи без продавца. Они выставляют на улице капусту, картофель и т.д. и покупатель берёт, что ему надо и оставляет деньги.

- Любая неизвестность, неопределенность для немца неприемлема. Автор особенно подчеркивает *духовный* аспект немецкой организованности. Картина мира должна быть организована и регулируема. Любой хаос противоречит принципу немецкого духа. Неоспорим тот факт, что многие крупнейшие естествоиспытатели и философы – немцы. Классификация и систематизация, с одной стороны, и целостность мировоззрения, доведенная до абсолюта, с другой, - так можно охарактеризовать упрощенно немецкое мышление.

- Перфекционизм, стремление к совершенству.

Способность к совершенствованию, высшее профессиональное мастерство – все это для русских типичные немецкие явления. И здесь речь идет не только о товарах народного потребления или о предметах вообще, а о национальном характере, о его отражении во всем обществе: это немецкая железная дорога, немецкая почта и т. д. Полное восстановление разрушенных во время второй мировой войны культурных памятников и попытка сохранить культурный облик разрушенных городов доказательство тому. В этом немецкий народ проявил огромную силу духа.

- Человечность.

Гуманность глубокими корнями уходит в национальный немецкий характер и имеет христианскую основу. Немецкий гуманизм заключается во внутренней потребности помочь другому человеку и уважительно относиться к человеческому достоинству. Что русских поражает и потрясает в Германии, так это то, как немцы следят не только за своими могилами, но и за могилами павших на их территории советских воинов, и кладбища умерших военнопленных содержатся в образцовом порядке. Человечность в Германии культивируется, весь общественный моральный климат ФРГ носит отпечаток гуманизма. Человечность немца не ограничивается полным сочувствием, немец действует, помогает. Немецкая сентиментальность, по мнению автора, заслуживает любой похвалы.

Немцы очень любят животных, особенно лошадей, автор говорит «примерно также, как русские любят берёзу».

В главе о немецком духе автор утверждает, что „немецкий дух“ – понятие более обширное, чем „немецкий характер“, потому что национальный характер определяется главным образом психологически, он включает в себя определенные добродетели и слабости, в то время как национальный характер определяется скорее с точки зрения политической философии и культурофилофии. При определении национального характера автор ставит вопрос, чем отличается немец от русского как тип, какими определенными чертами характера. Под типичным автор понимает и то, что присуще массам, и то, что присуще среднему немцу.

Говоря о национальном духе, автор ставит совсем другие вопросы, а именно вопрос о специальных достижениях национальной культуры, и не в общей форме (музеи, библиотеки и т.п.), а персонифицированно (личностно).

Под типичным автор понимает лучшее, высшее из того, что достигла нация. Типичными представителями немецкого духа автор считает Лютера, Гегеля, Канта, Гёте, Шиллера, Бисмарка. Он не отбрасывает также и Гитлера, который привнес в немецкий дух замутненное сознание и затемнение и злоупотребил немецким народом. Национал-социалисты немецкий дух не представляли своей предпосылкой, у этого учения была другая основа. Типичным, однако, для немецкого духа является тем не менее социал-демократия в лице ее представителей Бебеля, Бернштейна и др.

К национальной истории относится все прошлое, а к национальному духу только достижения культуры. Однако, что же это такое немецкий дух? Для русских интеллектуалов это понятие содержит прежде всего четыре существенных элемента: первое - это философский дух; второе - христианский дух реформации; третье - политический дух в смысле государственного мышления, особенно так, как анализировал это Гегель в своей философии права. Образцовая правовая государственность и образцовый федерализм характеризуют сегодня немецкий дух одновременно как либеральный и консервативный. И четвертое – речь идет о противоречии «духовность – бездуховность». Особенно понятие «духовность» является существенным для немцев. Под ним понимается «потребность в духовной жизни». «Бездуховность» имеет в виду отказ от духовной культуры и ограничение жизни лишь материальными и биологическими потребностями. У народа должны быть моральные обязательства или духовное наследие для последующих поколений.

В Германии есть широко развитая система образования для пожилых людей. Немецкий дух неразрывно связан с такой ячейкой общества как семья. Без традиций и истории происхождения нет немецкого духа в его конкретном личном воплощении. Философское и теологическое образование имеют такой вес, такое высокое значение, как ни в какой другой стране. Немецкий дух есть философский дух, в этом его суть. Именно духовные поиски ответа на вечный вопрос, что есть жизнь и смерть, является характерным для многих немцев.

В главе, посвященной немецкому обществу и его гражданам, автор отмечает, что немец как гражданин – во-первых, это прежде всего семьянин и, во-вторых, немец – гражданин: он четко знает, что он может, а что нет. Гражданин использует все свои гражданские права. Германия сегодня - это типичное классическое «гражданское общество», именно поэтому немец с самого детства чувствует себя свободным и уверенным в своих возможностях. В Германии много известных «гражданских инициатив».

Важным, по мнению автора, является то, является то, что все эти гражданские инициативы занимаются не проблемами проведения свободного времени или экологии, а проблемами духовной жизни человека. Овцевод в Шарнхаузене к рождеству в своем хлеву построил сцену, подобную вифлеемской - христианский сюжет с музыкой, новорожденным теленком и ягненком, с очаровательным осликом. Все дети, пришедшие с родителями, могли поиграть с этими маленькими животными. Такой радости детей автор никогда более не видел. «Конечно это только мелочь, но как это трогательно».

Граждане проявляют и другие инициативы, они общественно активны. Немецкий гражданин вообще существенно общественное. Одиночество он переносит с трудом.

Автор пишет о том, что немцы не расисты. Это хорошо видно по их отношению к иностранцам, которые живут нередко лучше коренного населения - немцев, получая поддержку от государства как иностранцы.

Университеты - место, где сосредоточен высший дух нации, духовное состояние общества. Студенческая жизнь германских университетов характеризуется студенческими корпорациями со своими традициями, различными праздниками и церемониями. Впечатления автора о немецких университетах связаны в основном с университетом, где ему довелось работать. Он поражен демократическим поведением ректора: на обед ходят в студенческую столовую, приходит на все студенческие мероприятия (конференции, собрания, вечера и подобное) и остается на них до конца.

Немецкие средства массовой информации существенно отличаются от российских. У немецких СМИ большая власть, они обладают огромной силой и могут разрушить карьеру любого политика и промышленника.

Немецкий врач ценит свое время и делает лишь то, что не сможет сделать его персонал.

Важную роль в немецком обществе играет аптекарь. Граждане желают дружбы с ним, т.к. он лучше всех знает качество лекарств. Кстати, ни одна немецкая реклама лекарств не обходится без того, что бы в конце не было сказано: непременно расспросите о нем врача или аптекаря.

Русские, пишет автор, исходят в оценке немцев из того, что сами они неразумные, а немцы для русских являются образцом разума. У немцев самая чистая водопроводная вода, никакая страна не имеет столько сортов хлеба. Надежная почта, ухоженный общественный транспорт, повсюду цветы и многое другое, что может служить образцом.

При этом автор отмечает, что немецкий юмор своеобразен и очень трудно понимаем русскими. Особенности немецкой кухни нам тоже не ясны.

Автора особенно волнует отношение немцев к искусству. Автору кажется, что немцы отходят от культуры к декаденству, граница культуры размывается. Это объясняется тем, что общество и государство терпят такие вещи, которые, по мнению автора, можно сравнить с варварством. Федерация и земли поддерживают искусство и может служить образцом для России. Автору не понятно, что все-таки понимается в Германии под искусством, границы его расплывчаты и размыты. Свобода художника должна быть гарантирована, но как могут оплачиваться властью сооружения, совершенно не понятные для нормального человека и выдавать это за произведение искусства (*Kunstwerk*)?

Молодежный радикализм часто выражается в насилии, в варварстве, вандализме, разрушении. Государство не в состоянии сдерживать этот вандализм и устраниТЬ хаос. Один из левых политиков выступая по телевидению, заявил, что «терроризм – это часть демократии, и с этим нельзя ничего поделать». Пространство индивидуальной свободы неограничено. Криминальность приобретает опасные размеры. Полиция жалуется на

отсутствие персонала и денег. Автору не нравится бесстыдство в отношении мужчины и женщины, склонность к цинизму.

Проституция рассматривается как равноправная профессиональная деятельность, легитимна.

В Германии 5 миллионов безработных и одновременно более 5 миллионов иностранных рабочих. Это непонятно автору.

Автор в заключение отмечает, что у России и Германии общность судьбы. Слово «общность судьбы» определяется словарем Duden так: «Общность людей, которых связывает одинаковая тяжелая судьба»; иначе говоря это не любая судьба, а прежде всего *тяжелая и связывающая* людей, народы. Если немцы, которые имели такую же сложную судьбу, как и русские, не признают наше с ними политическое равноправие, то и никто на Западе это не признает. Для России это важно еще и потому, что Германия является образцом правового государства.

Автор пишет: «В «большой карточной игре» западных политиков у России плохие карты. Единственный шанс выиграть эту игру у русских – это выбрать правильного партнера. И лучше всего на эту роль подходит Германия».

3.В.Белкина

Verhandeln mit Russen. Gesprächs –und Verhaltensstrategien für die interculturelle Geschäftspraxis. Guido Koppel, Renate Rathmayr, Nina Dieht-Želonkina. Service Fachverlag. Wien, 1992.

Переговоры с русскими. Языковые и поведенческие стратегии для практики межкультурного общения. Вена, 1992.

Авторы пособия по деловому общению раскрывают свой взгляд на особенности русского менталитета и делового стиля, пытаясь объяснить западным предпринимателям, как надо вести дела с русскими. Многие их утверждения представляют интерес для понимания особенностей западного взгляда на русское коммуникативное поведение.

Основные из их положений следующие.

Русские партнеры открыты душой, и если они ощущают ответную открытость со стороны партнеров по переговорам, то для западного партнера дело наполовину выиграно.

Русские партнеры не любят утрированной вежливости, это вызывает недоверие со стороны русских партнеров.

Такие традиционные ценности социальных отношений как дружба и родство имеют гораздо больший вес в российском обществе, нежели в западном..

Отмечается недостаточная невежливость русских партнеров – они не приветствуют незнакомых в общественных местах.

Русские очень эмоциональны, гостеприимны, любят неформальное общение.

У русских не принято приходить в гости сытым, так как отношение к угощению говорит об отношении к хозяевам дома.

Русские всегда сочетали в себе уважение, почти преклонение перед знаниями западных специалистов, и отрицание всего иностранного, недоверие к иностранному.

Большое значение у русских играют личные контакты при поиске делового партнера; хорошие личные отношения ускоряют бюрократические процессы.

Установление контакта с помощью знакомых является своего рода гарантией добросовестности в деловых отношениях.

Важно найти «нужного человека», т.е. того, кто обладает реальными полномочиями.

Русские партнеры, старшее поколение, не очень хорошо разбираются в западной экономике, законах рынка часто испытывают страх, что их обманут или подведут.

Русские партнеры плохо знают правовые нормы.

Русские партнеры не владеют иностранными языками.

Русские партнеры стремятся к быстрому, но кратковременному эффекту.

На трудных этапах переговоров русские прибегают к застольной беседе как к средству сдвинуть дело с места. Для русского партнера это ритуал, традиция, а не просто протокол. Важно оказывать партнеру знаки внимания с помощью приглашений, небольших подарков, создавая тем самым благоприятную атмосферу.

Русские молодые партнеры, как правило, переоценивают финансовые и материальные возможности Запада.

Молодое поколение предпринимателей:

- энергично;
- стремится к быстрой карьере и кратковременным финансовым успехам;
- владеет иностранными языками;
- в вопросах этикета придерживается западных норм;
- борется за признание в собственной стране (это может проявляться как в недостаточной уверенности в себе при общении с западными партнерами, так и в подчеркнутом самоуверенном поведении).

При ведении переговоров русские:

- а) постоянно меняют условия переговоров;
- б) ведут себя недостаточно гибко;
- в) ценят дружеские, личные отношения больше деловых («Не имей сто ублей, а имей сто друзей»).
- г) меньше разграничивают личную и официальную сферы при переговорах;
- д) используют растяжимые понятия, исходя из постулата «никогда не знаешь, что будет завтра».

В традиции русских партнеров после завершения официальной части - застолье.

Порой русские ведут себя на переговорах неопределенно и нерешительно.

Часто у русских на переговорах проявляется нежелание взять на себя ответственность, являющееся следствием политических и экономических систем советского и постсоветского периода.

Чаще всего принимаются решения, обещающие быстрый успех, т.к. это быстрее освобождает от ответственности за принятое решение.

При общении с русским предпринимателем не следует:

- выпячивать собственные интересы;
- делать нравоучения «свысока»;
- слишком усердствовать;
- упиваться триумфом;
- верить в коронный трюк;
- имитировать непонимание;
- бесконечно требовать доказательства;
- говорить навязчиво;
- копаться в деталях;
- «брать в клещи»;
- предъявлять внезапные требования;
- резко менять позиции.

Не следует обращаться с щекотливыми, невыясненными вопросами к руководителю делегации или к генеральному директору, лучше попытаться достичь ясности при помощи разговора с заместителем.

Эффективны ссылки на мнение большинства. Мнение должно совпадать с мнением большинства. При аргументировании эффективно подчеркивать всеобщую известность аргумента.

Первоначальные предложения лучше завысить, чтобы выбор был сделан в пользу аргументирующего.

Ссылка на авторитеты очень сильно действует на русского партнера.

Не говорить открыто о своих преимуществах, а вместо этого указывать на преимущества партнера.

Переговоры с русским партнером о ценах идут труднее и требуют больше времени, чем другие вопросы.

При общении с иностранцами:

русские говорят друг о друге в форме: «господин/госпожа+ фамилия»
для иностранцев используют форму обращения по имени;
не всегда выслушивают партнера, могут перебивать его;
предпочитают диалогичность общения, не любят монологов;
не любят замечаний «напрямую», критики;
ценят обращение «из живого интереса», а не формально;
не любят, когда партнер:

- ведет себя высокомерно,
- хвастается своим благополучием,
- относится к партнеру или делу пренебрежительно,
- не сохраняет имидж партнера,
- бывает категоричен и нетолерантен.

Русские осторожно относятся к иностранцам, демонстрирующим «слишком русское поведение» это - воспринимается как проявление неискренности;

не воспринимают апелляцию к честолюбию, самолюбию;

любят критиковать себя;
 «входят в положение собеседника»;
 часто используют тактику молчания («молчание – золото»);
 болезненно реагируют на агрессивное поведение партнера;
 уклоняются от обсуждения и решения проблем в конкретной форме;
 могут прибегнуть к отсрочке в принятии решений (не всегда ведущий переговоры полномочен в принятии решений);
 нередко руководствуются эмоциями;
 не любят цинизма;
 не отделяют личную сферу от общественной (о работе говорят дома, о доме на работе);
 при установлении контакта не любят грубую лесть; не воспринимают ее как утрированную форму вежливости;

часто дополняют и повторяют партнера (коммерческая русская традиция).

Русские неулыбчивы, без причин русские не улыбаются («Смех без причины - признак дурачiness»).

При разговоре внимательно смотрят в глаза («Не смотрит а глаза – значит говорит неправду»).

При встрече не любят вопроса: «Как дела?» - это настраивает на неоткровенный характер. Жизнь воспринимается как тяжелый груз, поэтому об этом лучше не говорить.

Избегают обращения при встрече.

При знакомстве отсутствует идеальный вариант обращения.

Не принято в присутствии собеседника говорить о нем в третьем лице.

Не принято рукопожатие с женщиной при встрече.

При дружеских отношениях принято эмоционально реагировать, обнимать собеседника. «Братский поцелуй» принят при длительных отношениях.

Л.В.Куранда

Baumgart A., Jänecke B. "Rußlandknigge". Sprachen und Kulturen. Oldenbourg Verlag, München/Wien, 1997.

Книга «Руссландкнигге» из серии «Языки и культуры» А. Баумгарт и Б. Енеке предназначена для практического использования в среде деловых людей, переводчиков, преподавателей, а также читателей, для которых могут быть интересны другие культуры и другой способ мышления.

Авторы книги обозначили свою основную тему - межкультурные аспекты общения, в том числе и делового общения между русскими и немцами. Целью авторов является описание социокультурных аспектов деловой коммуникации и предпринимательской практики с позиции контрастивного описания коммуникативного поведения.

Книга написана на основе личного практического опыта авторов, полученного на российских предприятиях, с использованием специальной литературы по теме «Межкультурная деловая коммуникация». Авторами

использовались также статьи и монографии из области культуры, истории и философии России. Оба автора имеют филологическое образование по специальности «русистика».

Вслед за русским социолингвистом Е.В.Поповым, авторы называют русскую культуру «синтетической культурой» и пытаются с этой точки объяснить черты русского характера и коммуникативного поведения.

Интерпретируются противоречия «русской души», «поляризация» русской культуры и России. В русской душе уживается индивидуальное и общественное, стремление к свободе и покорность силе. Загадочность русской души нельзя объяснить привычными логическими категориями. Ее можно понять не умом, а сердцем и чувствами.

Авторы выделяют следующие черты русского национального характера.

1. Покорность судьбе.
2. Склонность к терпению.

Долготерпение, невероятная выдержка стали почти символом русской души. С другой стороны, русским людям свойственны и полярные черты - нетерпение. Терпеливость и нетерпение - эти два свойства часто соседствуют друг с другом и являются противоположными чертами характера русского человека.

3. Склонность к суеверию и мистике.

Эти черты характера глубоко укоренились в русской душе, особенно они свойственны жителям сельской местности.

4. Готовность страдать и переносить страдания.

Способность переносить страдания, не сломаться и не умереть от отчаяния - выдающиеся черты характера русского народа. Но способность терпеть и выносить страдания нельзя абсолютизировать. В истории русского народа часто терпение достигало предела и выливалось в народные бунты и восстания.

5. Способность к сочувствию и солидарности.

Способность к страданиям теснейшим образом связана с сочувствием и солидарностью. Эти черты характера присущи русскому обществу, опирающемуся на сельские общинные традиции.

6. Определенная склонность к жестокости.

Несколько свойственны русскому характеру черты солидарности и способности к сочувствию, настолько же ему свойственна на первый взгляд кажущаяся парадоксальной склонность к жестокости, равнодушию по отношениям к страданиям других. Исторически сложившееся невнимание к индивидууму, к личности, привело к тому, что утратилось чувство ценности собственной жизни и жизни других.

7. Привязанность к Родине.

Русский характер отличается необычной любовью и привязанностью к Родине. Эта привязанность к месту часто является причиной ограниченной, недостаточной мобильности русских.

8. Зависть и недоброжелательство.

Наряду со способностью к сочувствию у русского человека существует глубокое отвращение к любому виду социальной дифференциации. Во времена социализма культивировалась мысль о равноправии всех без исключения, и это сделало невозможным истинную оценку индивидуальных достижений и заслуг. Все это порождало социальную питательную почву для зависти и недоброжелательства.

9. Склонность к необузданности.

Умеренность, экономное обращение со средствами и самоограничение не являются типичными чертами многих русских. Неумеренность, расточительность в конечном итоге связаны с убеждением, что ресурсы такой огромной страны как Россия неисчерпаемы.

10. Великодушие как положительная и отрицательная черта.

С одной стороны, готовность поделиться с ближним, открытость, толерантность; с другой - необузданность и отсутствие чувства меры, небрежное отношение к таким понятиям как «время» и «пунктуальность».

11. Способность к большим, необузданым чувствам.

Русскому характеру свойственна способность к выражению сильных эмоций. Такие чувства как радость, огорчение, согласие или несогласие выражаются более открыто и прямолинейно, чем это принято в большинстве западноевропейских культур.

12. Трогательная привязанность к своей культуре.

Русские, независимо от возраста и уровня образования, имеют тесную связь со своей культурой. Люди, читающие наизусть отрывки из произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, являются скорее не исключением, а правилом.

13. Склонность к авторитарности.

Россия исторически является патриархальным обществом, которое практически не знало демократических традиций. В национальном сознании русского народа глубоко укоренилась вера в тоталитарное руководство. Вековая вера в «царя-батюшку», а позже в величие Ленина и Сталина, в непогрешимость коммунистической партии питают и сегодня идеологическую почву для поддержки политики «сильной руки».

14. Страх перед ответственностью.

Склонность к авторитарности и страх перед ответственностью находятся в тесном взаимодействии. Призыв к «сильной руке», которая возьмет на себя всю ответственность, является одновременно и желанием освободить себя от собственной ответственности.

15. Дар нетребовательности, невзыскательности.

Способность русского народа ограничивать себя в своих потребностях до минимума и делиться с ближним тем малым, что имеется, просто легендарна. В этой связи следует, однако, указать на то, что существует противоположная тенденция, особенно в крупных городах и, прежде всего, у молодого поколения, к удовлетворению быстро растущих потребностей с помощью «быстрых денег».

16. Знаменитое русское гостеприимство.

Русское гостеприимство просто сказочно. Даже в экономически трудные времена гости были всегда желанны. У хозяйки стол «ломится от еды», если даже в дом приглашают на «чашку чая».

17. Понятие дружбы.

Личные и неформальные отношения играют у русских чрезвычайную роль во всех сферах общества. Открытость и коммуникабельность легко позволяют русским завязать новые связи и отношения. От истинных друзей ожидают терпимости, лояльности и даже жертвенности.

18. Отношение к гуманитарной помощи – «менталитет принятия милостыни».

Так называемый «менталитет принятия милостыни» встречается в определенной части русского населения. Русские старшего поколения часто задают вопрос, как могло случиться, что немцы, проигравшие войну, сегодня живут богато, а русские, ставшие во Второй мировой войне победителями, живут в бедности и нищете. Эти люди считают, что было бы справедливо, если бы Запад поделился своим богатством с Россией. Другая часть населения, напротив, стыдится, что собственное правительство не может прокормить и одеть свой народ, и дело дошло до того, что приходится теперь просить милостыню на Западе.

19. Страх потерять лицо.

В обществе, где личные прямые контакты играют огромную роль, страх «потерять лицо» особенно ярко выражен. В этой части существует определенная схожесть с азиатским менталитетом.

20. Склонность к торопливым суждениям.

Русские склонны к торопливым суждениям. Первое личное впечатление от контакта с каким-то лицом является зачастую решающим. Большую роль играет внешность и символы статуса.

21. В дебрях русской бюрократии.

Русская бюрократия - это молох, пронизывающий все структуры общества. С исторической точки зрения, истоки русского бюрократизма следует искать в немецких корнях. Петр I предпочел из всех европейских систем управления немецкую систему. И она давно уже приобрела свой собственный русский характер. С приходом перестройки и переходом к рыночной экономике «бюрократические дебри» расцвели пышным цветом. Фактор риска из-за русской бюрократии не всегда адекватно оценивается западными фирмами.

22. Отношение к общественной собственности.

Беспримерно пренебрежительное отношение к общественной собственности является одним из очевидных признаков общественной жизни страны. Почти все, что относится к общественной собственности, находится в жалком состоянии, будь то общественные площадки, здания, подъезды домов, остановки транспорта, вокзалы, транспортные средства и т.д. Причины тому следуют искать, наряду с недостатком денежных средств, в первую очередь, в отсутствии «сознания собственника» широких кругов населения.

23. Склонность к непредсказуемости.

Определенная склонность к непредсказуемости тесно связана с таким элементом русского характера как склонность к большим, необузданным чувствам. Спонтанные решения, зачастую окрашенные эмоциями, расцениваются немцами как непредсказуемые действия. Это относится и к деловым отношениям.

24. Талант к импровизации.

Одной из примечательных черт русского характера является невероятный талант к импровизации и выдумке, способность к необычным решениям. Но эти положительные качества оборачиваются часто в свою противоположность со всеми вытекающими последствиями, когда, например, импровизируют по причине лени, инертности действий и ума.

25. Способность к инновациям и стратегическому мышлению.

У русских нет недостатка в способности к инновациям, скорее этот недостаток относится к готовности принимать инновации. Как правило, относятся с недоверием к сотрудникам, которые приходят с инновационными идеями, т.к. они ставят под вопрос все, проверенное годами, и приносят беспокойство.

Стратегическое же мышление для русских не очень типично. Вера в будущее значительно пошатнулась. Живут только сегодняшним днем - завтра все может быть по-другому.

26. Проклятая нерешительность.

Следующей свойственной для русских чертой характера является нерешительность. Причиной тому являются общая неуверенность, нестабильность жизненных обстоятельств, недостаточное планирование, отсутствие или неясное изложение законодательных основ. Другими причинами являются страх «потерять лицо» в случае ошибочного принятия решения и страх перед личной ответственностью. Результатом этого является фатальная политика выжидания. Решения, даже самые необходимые, откладываются «в долгий ящик». Эта позиция сравнима с «тактикой поведения страуса».

27. Недостатки в трудовой этике русских.

Русская трудовая этика имеет целый ряд серьезных недостатков. Неэффективный подбор кадров, бессмысленное, иногда совершенно ненужное содержание работы, мизерная, да к тому же еще нерегулярно выплачиваемая зарплата - все это привело к тому, что равнодушие, расхлябанность недисциплинированность являются не исключением. Такие отрасли экономики как сельское хозяйство, строительство всегда находились на очень низком уровне. Особенно присущи эти недостатки трудовой этики обрабатывающей промышленности и сфере производства потребительских товаров. Однако в военно-промышленном комплексе, например, в электронной и электротехнической, а так же в оптической и космической отраслях дисциплина и качество продукции всегда были на очень высоком уровне.

28. «Закулисные отношения».

Протекционизм и «закулисные отношения» всегда играли особую роль в русско-советском обществе. Система взаимных услуг, которая в глазах иностранцев кажется «коррупционным болотом», для русских кажется нормой. Чтобы выжить в таком обществе, необходимо было создать систему взаимозависимости. Эта система существовала на основе личных контактов, взаимных услуг, скрытых бартерных сделок и взяток. Принцип «рука руку моет» существует и поныне во всех сферах русской жизни, в том числе, и в деловой жизни.

29. Отношение русских ко времени и пространству.

Небрежное отношение русских ко времени и пространству отразилось и в языке. Так, например, вместо того, чтобы сказать «в семь часов», русские говорят «часов в семь», что для собеседника означает, что речь может идти как о «половине седьмого», так и о «половине восьмого». Точно также приблизительно можно трактовать и слово «сейчас», значение которого следует толковать как очень растяжимое понятие. Такие же растяжимые понятия имеются и для обозначения расстояний. Для огромной России свойственны национально-специфические особенности в интерпретации пространства и времени, которые нашли свое отражение в сфере коммуникации. Так, например, для русских город, который находится на расстоянии 300 км от Москвы, означает чуть ли не «пригород», «недалеко от Москвы».

30. Отношения в семье.

Семья имеет чрезвычайно большое значение для русских, что объясняется исторически сложившимися традициями. Огромная территория страны с преимущественно сельским укладом жизни, глубокая привязанность к своему родному месту, совместная жизнь нескольких поколений в тесном пространстве из-за недостатка жилья - все это привело к очень тесным семейным узам. Многие русские родители чрезмерно любят своих детей, балуют их, как и чем только можно. Стремление детей к самостоятельности, желание «уйти из дома в совершенолетнем возрасте» гораздо меньше свойственно России, чем Западу.

31. Отношение к властям, государственным институтам и государству.

Среди населения царит глубокое недоверие ко всему тому, что приходит «сверху». Как правило, думают только о том, как обхитрить государство, особенно это относится к сфере уплаты налогов. Уплата налогов не рассматривается как долг перед обществом. Эта же позиция преобладает среди многих предпринимателей.

Отношение к законам также далеко не однозначно. Если можно в законах найти какой-то пробел, то он по возможности будет использован.

32. Одежда.

В общественной жизни России - в особенности в крупных городах - большое значение придается одежде, причем современная западная одежда является символом статуса. Почти нет никакого различия в одежде, предназначенной для работы в бюро и для определенных общественных

мероприятий. Причем очень распространена фраза: «на работу, как на праздник». Для женщин, занимающих высокие посты, не свойственно носить одежду спортивного стиля.

33. Юмор.

Юмор играет важную роль в жизни русского общества. Русским не свойственно подавлять проявление чувств в обществе. Спектр русских шуток очень широк - от национально окрашенных, армейских анекдотов, анекдотов из сферы врачебной практики до шуток из политической области. Очень популярны анекдоты о «новых русских».

34. Подарки.

Обмен подарками очень распространен в общественной жизни русских. Подарки обычно подчеркивают отношения «дарителя» к предприятию, к лицу, которому предназначен подарок, и часто являются символом российской страны (матрешки, самовары, изделия народных мастеров из дерева, керамики, посуда в народном стиле). Подарки дарятся по определенному поводу. Таким поводом может быть совместная встреча Нового года, какой-то праздник, неофициальный деловой обед или ужин. Слишком дорогие подарки дарить не принято, т.к. они могут произвести впечатление взятки.

35. Отношение русских к алкоголю.

К самым распространенным стереотипным представлениям относится убеждение, что русские чрезмерно склонны к алкоголю. В истории русского народа были такие периоды, когда в повседневной жизни вообще не было принято пить. Но было бы несправедливо утверждать, что спиртные напитки не играли в общественной жизни какой-либо роли. До сих пор принято «обмыть» рюмкой водки успешное подписание договора или проекта. Для простого же народа водка является зачастую единственной возможностью уйти от проблем повседневной жизни и скучного существования.

Авторами книги глубоко и детально проанализированы все многообразные стороны русского менталитета и поведения. Авторы описывают элементы характера русских чрезвычайно корректно и бережно, с учетом исторического аспекта проблемы, с привлечением мнений носителей языка и соответствующей специальной литературы.

Авторы также характеризуют основные особенности русского неверbalного поведения и делового этикета.

Авторы подчеркивают, что язык телодвижений русских мало чем отличается от языка телодвижений немцев, но некоторые различия существуют. Больше всего эти различия относятся к соблюдению дистанции при общении между русскими и немцами. Так называемая «интимная зона» у русских меньше, чем у немцев. У немцев эта зона не должна быть меньше половины расстояния вытянутой руки. У русских это расстояние может быть короче.

При доверительных отношениях русские во время встречи и прощании могут обменяться *поцелуем в щеку*.

Имеются различия в счете на пальцах: русские пальцы загибают по направлению к ладони, немцы же разгибают пальцы.

Следующая особенность в языке жестов - характерный жест, которым объясняется, что кто-то *принимает спиртные напитки*. Русский это обозначает характерным щелчком по шее ниже уха, немец же имитирует это жестом, как бы поднося бутылку, стакан ко рту.

Приветствие в России обычно сопровождается ударом ладони о ладонь партнера при рукопожатии.

Самая распространенная форма *обращения* в русском языке - это форма обращения по имени и отчеству.

При употреблении академических званий и должностей принято обращение *господин, госпожа* (*господин министр, господин генеральный директор*). Если речь идет о звании профессора, тогда не употребляется обращение *господин, госпожа*, а лишь *профессор Иванов*.

Обращение по имени принято только в частной жизни, среди друзей и родственников.

Русские обычно при общении с немцами очень часто переходят на имя не из-за неуместной доверительности, а из-за того, что у немцев отсутствует отчество.

При обращении к незнакомым лицам у русских нет в языке эквивалента, соответствующего западноевропейскому стандарту. Поэтому можно услышать различные варианты обращения: *девушка, женщина, мужчина, молодой человек, отец, мать* и др.

Нет существенных различий и в форме *представления* людей друг другу. Различия касаются телефонных разговоров. В Германии принято при снятии трубки называть свое имя. Русские же ограничиваются репликами: «*алло*», «*слушано*», «*говорите*» и др.

Поздравления являются составной частью языкового этикета. В России принято поздравлять членов семьи, родственников и друзей с Новым годом, днем рождения и другими событиями и юбилеями. Раньше было принято поздравлять друг друга с национальными и международными праздниками. Новые государственные праздники еще мало прижились в сознании людей. В России не принято, как в Германии, поздравлять с прошедшим праздником или юбилеем, но зато здесь распространено поздравлять с праздником заранее (например, «с наступающим праздником»).

В русском языке принято делать *деловые приглашения* прямо и открыто в ожидании такого же прямого согласия или отказа. Существенных различий в формах приглашений не наблюдается.

Извинения употребляются в русском языке в схожих коммуникативно-ситуативных контекстах. Например, необходимо обязательно извиниться при опоздании или при несоблюдении договоренных сроков.

Милехина В.И., Никитина Н.П.

Заметки о немецком и русском общении

В данном разделе приводятся наблюдения русских над немецким коммуникативным поведением. Описаны коммуникативные ситуации, которые показались русским необычными, странными или непонятными с точки зрения русских коммуникативных норм и традиций. Описанные ситуации наблюдались в разное время и разными людьми. Коммуникативные факты, описанные в данном разделе, требуют обобщения и систематизации, но их ценность заключается именно в их конкретности, реальности, в возможности их использования для обсуждения и объяснения особенностей немецкого коммуникативного поведения на фоне русского. Эти ситуации могут быть использованы при обучении коммуникативному поведению как дидактический материал.

В транспорте обычно не принято разговаривать и прикасаться друг к другу.

Не принято просить о каком-либо одолжении незнакомых людей. В транспорте каждый сам проталкивается к компостеру и компостирует свой билет.

Немцы считают, что русские все время заставляют других работать на себя – просят передать деньги водителю, закомпостировать билет, помочь что-то сделать.

Русский переселенец привез в свою квартиру мебель и обратился к соседу-немцу с просьбой помочь ее занести в квартиру. Немец сбежал домой и вынес на бумажке телефон фирмы, которая выполняет такую работу.

Немка сказала русскому знакомому: - Я тебя очень люблю, но ты так близко подходишь!

Ректор университета на обед ходит в студенческую столовую, приходит на все студенческие мероприятия (конференции, собрания, вечера и подобное) и остается на них до конца.

Ректор Ольденбургского университета, где мне довелось работать, ездил на работу на велосипеде, при виде меня у входа в университет соскачивал с велосипеда, здоровался за руку, спрашивал, как дела. Часы приема у него не

были указаны, можно было прийти к нему в любое время. На стенах ректората висели "картины" его сына-дошкольника, одна надпись гласила: "Я здесь на 5 лет".

Немец-пенсионер в трамвае заметил, что у маленького ребенка упала в проход шапочка. Мать ребенка и сам ребенок этого не видели, смотрели в окно... Пенсионер весь извертесь, но сказать не решался – не хотел, видимо, вмешиваться. Наконец он не выдержал, встал со своего места, поднял шапочку, незаметно положил ее на сиденье к ребенку и, ни слова не сказав, и сел на свое место.

Если в транспорте дети плачут, им никто не делает замечания, даже их родители. Все терпят крик, сколько бы он ни продолжался.

Немецкие шутки не всегда понятны русским. Профессор-географ на научной конференции пошутил:

- Мы выпускаем политические, экономические карты, а также железнодорожные. Но железнодорожные не пользуются успехом, потому что поезда часто опаздывают.

Все немцы очень смеялись, а русские не видели в этом ничего смешного. Немцы тоже не всегда понимают русский юмор, они хорошо понимают шутки на физиологические и сексуальные темы, но хуже понимают игру слов.

Владелец небольшой ремонтной мастерской выбегает забрать привезенную на мотороллере отремонтированную технику и на 30 секунд, которые это занимает, вывешивает на двери табличку: «Закрыто по техническим причинам», заносит привезенную технику, а потом выходит снять табличку.

Преподаватели – немцы не проводят столько времени со студентами, как русские преподаватели. Они ограничиваются официальными консультациями, могут отказать студенту в консультации, ссылаясь на занятость.

Немцы очень много извиняются и благодарят, гораздо больше, чем русские.

В немецком диалоге в 4 раза больше употребляется слов *спасибо, пожалуйста*, чем в русском (И.Н.Горелов).

На научных конференциях у немцев не принято критиковать доклады коллег.

Немецкий профессор спрашивает русского: - А вы у себя в своем подразделении делаете научные доклады? - Конечно! - И ваши сотрудники вас критикуют? - Разумеется! – У нас это не принято, я выступаю только перед чужими.

Немецкий заместитель декана, к которому обратился российский преподаватель с просьбой внести изменения в расписание, чтобы было более удобно работать (убрать «окно» из расписания), ответил: - К большому сожалению, это невозможно. – Почему? – Потому что расписание уже составлено.

Семья, купившая новый дом в деревне, нашла на следующий день перед порогом дома плошку с цветком. Через день пришла познакомиться соседка, которая его поставила.

В объединенной Германии с немцами стали происходить изменения. Они стали менее пунктуальными, стали переходить улицу на красный свет, не помогают женщинам заносить коляски в транспорт – те и не просят, сами затаскивают, благо что пороги в трамваях и автобусах стали ниже.

Продавцы стали грубо относиться к иностранцам. Могут вырвать из рук вещь, которую они смотрят.

Русские, живущие в Германии, стараются общаться в основном с русскими и не учат немецкий язык. Это настраивает часть населения против них.

Немецкие студентки в Москве ехали в метро в час пик; к ним толпа прижала двух парней, но те, тем не менее, не приставали к девушкам. Немецких девушки это удивило.

Немец удивляет, что русские не благодарят за маленькие услуги. Русские считают, что маленькие услуги – в порядке вещей, их все должны друг другу оказывать.

В поезд вошла девушка с велосипедом. Три девушки уступили ей место, а сидевшие парни и не подумали встать.

В поезд ввалилась компания молодежи – юноши и девушки, мест на всех не хватило, но юноши сели первыми и не подумали уступить дамам место.

Немцы не любят конкретно говорить *да* или *нет*, они стараются обозначить эти понятия косвенно.

Немецкая студентка ехала в России с другими людьми в кузове грузовика и была очень возмущена, когда немолодой мужчина-попутчик дернул ее за руку и сказал: «Сядь, а то вывалишься». Она сердито объясняла потом, что это никого не касается, что она может даже выпрыгнуть из машины, потому что это ее личное дело.

Коллег, пришедших поздравить немцев-молодоженов и попавших к праздничному столу, не пригласили за стол, ограничившись благодарностью. Это было воспринято пришедшими как само собой разумеющееся.

Старый немец, приехав в Воронеж, захотел на центральной площади петь и плясать, что и сделал без тени смущения. При этом он был в коротких шортах.

В Германии очень вежливые контролеры. Как-то раз я долго искала проездной, когда вошел контролер. Меня ждал весь автобус и контролер, который стоял напротив и терпеливо ждал. Когда я показала проездной, он поблагодарил и вышел.

В немецкий университет приехали по обмену на две недели работать в столовой повара из чешского университета. Немецкая преподавательница комментирует это событие в преподавательской: - О, опять две недели будет много чеснока!

Пятнадцатилетний сын привел домой ночевать свою подругу, одноклассницу. Его мать спрашивает девушку: - Ты пильюли принимаешь? Смотри, не забывай.

Сын учится в полицейской школе. Был на практике в полиции, во время его дежурства пришел дальний родственник с заявлением. Сын рассказал вечером матери, что в полицию приходил родственник, но на вопрос, с каким заявлением он приходил, сын матери не ответил, сказав: – Ну что ты, мама!

Если покупателя в Германии отказались обслуживать, сказав «Уходите отсюда» или просто молча отказались обслуживать, это в равной степени оскорбление. Во втором случае это рассматривается как оскорбление действием.

«Германия – это сытая тюрьма» (русский врач-переселенец).

Немцы считают, что с ностальгией по дому можно бороться при помощи музыки. Когда немцы приглашают в гости русских, которые, по их мнению, испытывают тоску по дому, они с упорством ставят для гостей русские песни (например, записи Воронежского русского народного хора), приглашают на концерты русской, а также в равной степени украинской и белорусской песни.

Немцы отмечают, что русские мужчины очень внимательны и галантны к незнакомым женщинам, демонстрируют им многочисленные знаки внимания, но в гораздо меньшей степени проявляют эти качества по отношению к своим женам, мало помогают им дома. Русские мужчины считают, что они добытчики, и этого достаточно, они не должны участвовать в ведении хозяйства.

Русская вежливость в основном ориентирована на незнакомых, и в меньшей степени на семью.

Русский ментальный стереотип: женщина должна выглядеть хорошо, женственно и должна быть красиво одета на работе и на улице, не только на торжественных и праздничных мероприятиях.

Проходя мимо частного дома, мы залюбовались красивыми цветами и оформлением крыльца, я достал фотоаппарат и сфотографировал вход в дом. Выскочила на крыльцо взбешенная хозяйка-немка, на лице ее было написано крайнее раздражение, она с ненавистью смотрела на нашу компанию, но ни слова нам не сказала.

Старуха с костылями в обеих руках задерживается в двери магазина и не заходит внутрь, чтобы придержать дверь подходящим к магазину, хотя они еще в 10-15 метрах от входа.

В Германии выпущен блокнот для записей с отрывными страницами. На каждой странице напечатаны одинаковые рисунки, хорошо отражающие отношение немецкого сознания к планированию деятельности:

Подписи под рисунками (слева направо): На следующей неделе? На этой неделе? Завтра? Уже сегодня?

Собрали З.В.Белкина, Ю.Макарова, Н Рябушкина, Н.Крюкова, И.А.Стернин.

Содержание

От редактории с. 3

Проблемы теории

Стернин И.А. Проблемы описания национального коммуникативного поведения с. 4

Контрастивное описание коммуникативного поведения

Газизов Р.А. Коммуникативное поведение немцев в этикетных ситуациях общения с. 7
 Попова Е.А. Доброе утро, Guten Morgen и Good morning с. 23
 Стернин И.А. Русская невербальная коммуникация
 (на фоне немецкой) с. 24
 Мруць Н.А. Особенности оформления делового письма в немецком и русском делопроизводстве с. 33

Специфика русского коммуникативного поведения

Попова Е.А. Упреки и попреки в русском коммуникативном поведении с. 40
 Эккерт Х. Модели типично русских предложений с. 46

Национальный характер и национальное коммуникативное поведение

Чугунов Д.А. Образ немца в русской литературе с. 60
 Шабанова А.Б. «С русской точки зрения...» с. 70
 Филошкина С.Н. «С англосаксонской точки зрения...» с. 74
 Поталуй В.В. «Недружелюбность к детям» – черта немецкого характера? с. 80
 Стернин И.А., Топорова В.М., Лесных В.Н. Динамика развития представления о типичном немце в русском сознании с. 83

Национальное языковое сознание

Стернин И.А. Немецкий язык в русском коммуникативном сознании	с. 91
Стернин И.А. Ассоциативные связи лексем в условиях естественного русского-немецкого билингвизма	с. 95
Бойкова И.Б. Я-пространство как компонент коммуникативного поведения и национальной семантики	с. 100
Топорова В.М. Русские и немцы в зеркале <i>своего и чужого</i>	с. 111
Шабанова А.Б. Немецкий народ в русских пословицах и поговорках	с. 113
Оксень В. Концепт <i>богатство</i> в русском и немецком сознании	с. 116
Баева Е.В. Концепт <i>recht</i> в немецкой лингвокультуре	с. 122

*Методика обучения языку
и коммуникативному поведению*

Донат Т. Изменения в отношении русскоязычных переселенцев к изучению немецкого языка в Германии	с. 128
Френцель Б. Пути в Европу и преподавание русского языка в Германии	с. 131
Кунце Й. Коммуникативное поведение как важная составляющая процесса обучения иностранному языку	с. 135
Эртельт-Фиит А. “Учиться по образцу?” Следующие представления русских учеников о немцах и Германии	с. 138

Немецкоязычные исследования коммуникативного поведения

Рецензии

Astrid Ertelt-Vieth. Kulturvergleichende Analyse von Verhalten, Sprache und Bedeutungen im Moskauer Alltag. Verlag Peter Lang, 1990.	с. 149
---	--------

Обзоры

- Anatoly Frenkin. Die Deutschen aus der russischen
Sicht. Mischka Verlag, 1995. c. 157
- Verhandeln mit Russen. Gesprächs –und Verhaltensstrategien
für die interrulturelle Geschäftspraxis. Guido Koppel,
Renate Rathmayr, Nina Dieht-Želonkina. Wien, Service
Fachverlag. 1992. c. 161
- Baumgart A., Jänecke B. “Rußlandknigge”. Sprachen
und Kulturen. Oldenbourg Verlag, München/Wien, 1997. c. 164
- Заметки о русском и немецком общении* c. 172
- Содержание c. 178